

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАРУБЕЖНЫХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН ЭССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ

Тезисы докладов научной конференции

19 - 20 сентября 1985 г.

ТАРТУ 1985

МИНИСТЕРСТВО ВЫШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАРУБЕЖНЫХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН ЭССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ

Тезисы докладов научной конференции

19 - 20 сентября 1985 г.

ТАРТУ 1985

Оргкомитет конференции:

Член-корр. АПН СССР, проф. А.В.Кооп (председатель), член-корр. АН ЭССР, проф. Я.К.Ребане (заместитель председателя), проф. Л.Н.Столович, проф. Р.Н.Блум, д.ф.н. Э.Н.Лооне, доц. Р.А.Вихалемм, доц. В.В.Зибен (ответственный секретарь), д.ф.н. А.А.Порк.

Ответственный редактор В.В.Зибен

І. С Е К Ц И Я

ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

СРЕДСТВА ПОЗНАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

В.А. Колеватов (Новосибирск)

І. В "Тезисах о Фейербахе" К. Маркс говорит о том, что действительность, выступающая объектом познания, должна рассматриваться "как человеческая чувственная деятельность, практика"¹. При таком подходе действительность включает в себя и субъективный момент. Диалектическое единство объективного и субъективного в процессе познания не есть лишь умопостигаемое тождество субъекта и объекта. Это единство обеспечивается реальным базисом. Один из узловых пунктов соединения противоположности субъекта и объекта реализуется в средствах познания. С этой точки зрения можно сказать, что мыслимое тождество субъекта и объекта есть отражение реального функционирования средств познания.

2. Процесс познания с необходимостью включает в себя не только объект и субъект, но и средства познания, без которых он, вообще говоря, не может осуществиться, как не может осуществиться процесс труда без орудий труда. Рассматривая средства познания в их отношении к объекту, мы обнаруживаем их "приспособленность" к нему, в простейшем случае - воспроизведение каких-либо характеристик объекта (например, формы). Но средства познания обнаруживают свою "приспособленность" и к другому полюсу - субъекту. Они создаются субъектом для определенных целей и неизбежно несут отпечаток его особенностей: исходных принципов, уровня знаний, степени развития технологии и т.п., в конечном счете - отпечаток

данной эпохи в целом.

Таким образом, средства познания выступают как конкретное единство противоположности субъекта и объекта, воспроизводя в своей структуре и функциях как принципиальную возможность постижения бесконечного числа свойств, связей и отношений объекта, так и субъективно ограниченную реализацию этой возможности в конкретных актах познания.

3. По особенностям функционирования в познании можно, в первом приближении, выделить три группы средств научного исследования: 1) технические средства (машины, приборы, установки, аппараты и т.п.); 2) знаковые средства (естественный язык, математическая символика, химическая символика, условные знаки на картах и т.п.); 3) изобразительные средства (графики, диаграммы, чертежи, схемы, геологические, экономические, политические карты и т.п.).

4. Технические средства, в свою очередь, подразделяются на целиком созданные человеком системы и на системы, включающие в качестве компонентов естественные (биологические) объекты (системы жизнеобеспечения космических кораблей, фитотроны, или, скажем, дрозофила в лабораторной пробирке). И в случае использования биологических (естественных) объектов и в случае использования технических (искусственных) или их соединения законы функционирования таких систем — физические, химические, биологические — это естественные законы, действующие однозначно при определенных условиях.

5. Использование знаково-символических средств в научном исследовании определяется закономерностями функционирования знаковых систем, сложившимися в ходе социального развития целиком или отчасти в результате целенаправленной деятельности людей. Эти закономерности, как известно, носят существенно иной характер, чем законы природы. Различие между ними зафиксировано в языке. Естественными законами мы называем такие взаимосвязи, существование которых не зависит от человека. Связи же, характерные для знаковых систем, обозначаются обычно термином "правила" (грамматические правила, правила вывода в формальной логике, правила математических действий и т.п.). Условием их функционирования является знание этих правил.

6. Изобразительные средства познания отличаются тем, что оперирование с ними в известных пределах совершается по законам орудийной предметно-практической деятельности (построение и перестроение геометрических чертежей, диаграмм, географических карт и т.п.). Однако в отличие от предметно-практической деятельности в сфере материального производства целью такого оперирования является не просто получение продукта в вещественной форме, а получение информации, знания. Относительная легкость таких преобразований делает изобразительные средства мощным орудием познания во многих сферах науки. Особенно широко такие средства используются при построении идеальных объектов теории. Именно здесь обнаруживается глубокая связь между приемами и средствами материального производства (изначально социального по своей природе) и научного познания, исследования, аналогия между созданием новых вещей и нового знания.

7. Процесс познания всегда совершается с помощью средств объективации мысли, средств общения. Мысль с помощью этих средств отделяется от породившего ее человека, но они же (средства) дают возможность людям (в том числе и автору данной мысли) овладеть ею. Это овладение собственным мышлением предполагает, следовательно, как и в процессе материального производства, опредмечивание сущностных сил человека и последующее распредмечивание. Процесс такого постоянного перехода от субъективного бытия мысли к предметному ее воплощению и от предметного вновь к субъективному, но уже на более высоком качественном уровне, — это и есть процесс творческого мышления, процесс порождения нового знания. В таких формах протекает он как общественный процесс и в этих же формах, ибо других не существует, мыслительная деятельность реализуется индивидом постольку, поскольку он участвует в этом общественном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. I.

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ МОНИЗМ КАК ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

А.М. Батраков (Москва)

Специфику социальной формы движения материи мы видим в диалектическом единстве предметно-практической деятельности (процесса труда), общения (общественных отношений) и сознания (познания). В этих трех социально-философских категориях выражена как природно-предметная, естественно-историческая объективная детерминация, так и диалектически с ней неразрывно и противоречиво связанная субъективная детерминация, обусловленная рассмотрением субъекта-общества в целом как человеческой трудовой кооперации, немислимой вне контекста социально-природного сознания и познания. Субъективная детерминация в абстрагированно-идеализированной своей односторонности должна быть представлена надприродным характером связей человеческой коллективности, в свою очередь обусловленной сознательно-идеальным активно опережающим отражением. Ни один из указанных компонентов не может быть использован обособленно и автономно в качестве исходной "клеточки" социально-философского анализа общества. С другой стороны, монистический диалектико-материалистический подход позволяет синтезировать все три фундаментальные характеристики общества как системной целостности или свести их к синкретному понятию предметно-практической деятельности, органически включающей в себя субстанцию производственной коллективности (кооперации) и равно предметно-практическое операциональное сознание и осознание (предтечу теории, науки).

Итак, все три категории взаимообусловлены и взаимосвязаны, но одна из них несет в себе богатство свергнутых определений. Категория предметно-практической деятельности должна быть исходной из указанных нами потому, что именно она отражает ту первичную противоречивую связь между предшествующей по времени и месту обществу природой и самим обществом. Но в этом случае следует сразу обозначить связь между понятием

общества и интегральным понятием предметно-практической деятельности. Исторически первоначально они покрывают друг друга, ибо в сопоставлении с биологическими сообществами качественная специфика общества состоит в том, что это трудовое сообщество первоплюдей. Если выразить изложенное монистически-диалектически, то общество есть целостная трудопознавательная социальность (коллективность), т.е. предметно-практически-познавательное социальное отношение к природе.

В силу нерасчлененной синкретности трех отношений очевидно, что познание всегда имело социальные истоки (природу), лишь меняющую свои исторические формы, что означает ее неискоренимую социальную обусловленность. Но, как не трудно заметить, именно указанное триединство функций общества и есть эмбрион, свернутая абстракция общественно-экономической формации. Это - "куколка" формации, вместе с тем детерминируемая предметно-практическим отношением к Вселенной, есть одновременно социально-познавательная практика или, что категориально устоялось, общественно-историческая практика. Таким образом, диалектико-материалистический монизм собирает в логически взаимосвязанные, взаимно-тождественно-различные "клеточки" познания общества, которые в дискуссиях об исходной категории исторического материализма разные авторы представляют порознь, обособленно.

Из сказанного вполне логично следует, что монада индивида погружена и детерминируема этой коллективно-предметно-практически-познающей стихией. Отсюда вытекает, что познание вообще возможно лишь как социально-практическое познание (сознание) - это системно-целостная трехмерная континуальность общества, четвертым измерением (координатой) которой может быть лишь диалектически сопряженный и противопоставленный ей индивидуум, каковым структурно может быть социальная группа. Подытоживая, мы получаем общество как четырехмерный пространственно-временной социально-практически-познавательный континуум. Эта аксиоматика марксизма нуждается, разумеется, в содержательных конкретизациях.

В качестве первой из них по важности возникает научная необходимость выведения из четырехмерного континуума общества всего богатства аксиологического (ценностного) содержания

общественной жизни, ибо познавательное отношение, взятое само по себе, несет в себе лишь понятие объективно-истинного отражения. Но в том и преимущество монистического подхода, что он категорически запрещает такое метафизическое, аналитическое вырывание из четырехмерного континуума любого из понятий в его рафинированной оголенности. В этом последнем контексте, отражающем живой, реальный процесс жизнедеятельности, познание может рассматриваться лишь в "расплаве", синкретности социопраксисогносиса. Поскольку материалист мыслит общность, коллектив как побуждаемый к предметно-практической деятельности и познанию материальными потребностями, постольку это познание может быть лишь потребностно-коллективно-практическим познанием. Но предметно-практическая деятельность как практика есть не только критерий истины, но и одновременно определитель нужного человеку (В.И. Ленин). Следовательно, познание всегда "обслуживает" значимостно-оценочную деятельность, а это последнее немислимо вне рамок объективной истины. И "значение" и "значимость" погружены в контекст коллективной деятельности, т.е. в целостный четырехмерный континуум, который есть ноофера.

Сама материальная социальная потребность есть противоречивое единство телесно-субстратной стороны и физиолого-психологического механизма, т.е. она материально-идеальна, чего нельзя сказать о потребностях животных. Второсигнальный идеальный компонент, отраженный в сознании, в виде слова и идеальной схемы может быть отщеплен от материальной стороны потребности и вынесен, опредмечен в орудийно-практической и технологической деятельности как специфический социальный способ удовлетворения потребности в целом. Следовательно, активность в удовлетворении потребности принадлежит коллективному и индивидуальному субъекту потребностей, а не его предмету, объекту. В строго диалектическом смысле, это монистический процесс самодетерминации, саморазвития, самопреодоления социальной материей самое себя и самовозвышение себя в рамках закона возвышения потребностей (В.И. Ленин). Но изнутри этого объективного естественно-исторического процесса мы должны различать механизм противоречивого взаимопосредования объективно-материальных и субъективно-идеаль-

ных сторон единства, находящихся в противоречии. И решающая, активная, ускоряющая темпы и качество удовлетворения потребностей роль принадлежит отделившемуся и обособленному идеальному компоненту исходной потребности, перерастающей в осознанный и целенаправленный интерес общества. На определенной исторической фазе развития общественно-исторической практики в ее четырехмерной континуальности, это исходное саморасщепление потребности приводит к разделению на два вида производства и отношений в нем. Разделение на материальное и духовное производство и на классы детерминирует все социальное познание общества в целом.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

А. Дегутис (Вильнюс)

Основной идеей, вокруг которой концентрируются антипозитивистские темы современной методологии науки и философии, является идея о "концептуальной системе" как об условии, а не следствии эмпирического знания. Антиэмпиристский смысл этой идеи можно эксплицировать следующим образом: то, что обычно подразумевается под термином "концептуальная система", в принципе есть то, что Кант называет априорными или трансцендентальными условиями возможности опыта. Поскольку же опыт есть условие разумной, сознательной ориентации в мире, отсюда также следует, что обладание концептуальной системой — это условие нас как разумных существ. Таким образом "выход" в действительность аналитически связывается со "входом" в сознание и обе эти возможности полагаются как следствие овладения концептуальной системой. При этом, понятие концептуальной системы рассматривается как продукт определенной абстракции из понятия языка.

Серьезный вопрос, который возникает в отношении этой идеи, заключается в следующем: как возможно усвоение языка, рассматриваемого в качестве концептуальной системы, если владение им является условием возможности опыта? Возможно ли такое позитивное решение этой проблемы, которое не возвраща-

ло бы нас к докантовским представлениям об "эмпирической дедукции" принципов концептуального мышления и которое одновременно избегало бы известных противоречий кантовского априоризма?

Выгодно начать с уточнения вышеприведенного вопроса, так как именно неудачные его формулировки во многом препятствуют его решению. В первую очередь следует указать на поверхностность тех представлений, согласно которым суть проблемы усвоения индивидуумом языка можно сформулировать так: каким образом потенциальный носитель языка (скажем, ребенок) способен решить "уравнение", данные которого — звуки речи, с одной стороны, и элементы речевой действительности, с другой, а неизвестное которого — значение звуков речи. Поверхностность таких представлений кроется в том, что так сформулированная проблема в действительности является проблемой усвоения второго языка, или проблемой перевода, очевидная предпосылка которой — способность различать и соотносить друг с другом элементы языка и действительности — есть не что иное как предпосылка владения каким-то изначальным языком с его понятийными средствами для индивидуации "слов" и "вещей". Логическая порочность такой формулировки проблемы не устраняется и в том случае, если указанная способность истолковывается как довербальная концептуальная способность — все равно становление концептуальной способности неявно ставится в зависимость от наличия таковой и поэтому решение основной проблемы лишь откладывается.

С другой стороны, предпосылка проблемы может быть истолкована так, что указанная способность представляется в качестве доконцептуальной способности различать объекты как объекты определенного вида — по аналогии с той "способностью", которой обладает, скажем, компас, реагирующий специфическим образом на магнитное поле земли, а именно, "правильным" поворотом стрелки на север, или малолетний ребенок, реагирующий громким "мама!" на появление матери. Однако в этом истолковании оба эти случая способности "различать вещи" являются таковыми лишь в переносном смысле этого выражения — в прямом, непереносном смысле "различать вещи" значит воспринимать нечто как такое-то и, конечно, в этом смысле

ни компасная стрелка, ни даже наш ребенок не различают вещей. Полагать иначе — это совершенно забывать кантианские уроки об условиях возможности опыта.

Однако если это так, если предпосылка нашей проблемы может быть истолкована лишь указанными способами, то ребенок вообще не имеет данных для решения вышеформулированного "уравнения", а это значит, что для него вообще не существует проблемы усвоения языка. Проблема в действительности существует лишь для нас, компетентных носителей языка, и практическое решение ее заключается не просто в обучении его вербальному коду, или символизму, для коммуникации уже наличного мышления, а в формировании его концептуальных способностей как таковых. Из этого положения следует, что в процессе усвоения языка ребенок является лишь (благоприятным) объектом целенаправленной деятельности обучения, субъектом которой является компетентный носитель языка и результат которой — становление лингвистических способностей ребенка и таким образом становление его как субъекта, как одного из нас. Усвоение языка действительно предполагает владение языком, однако лишь в том безобидном смысле, что для отдельного индивидуума существование лингвистического социума — это условие становления его как субъекта.

Характеризируя ребенка еще до овладения им языка в психо-логических терминах мыслящего, желающего, воспринимающего существа, мы проспективно характеризуем его как носителя языка, а не как уже мыслящее существо, но еще не умеющее выражать свои мысли. Полагать иначе значит — выражаясь несколько парадоксально — антропоморфизировать ребенка и тем самым забывать, что человек — это скорее искусственное, нежели естественное существо. Отсюда следует, что невыраженное мышление, мышление "про себя", способность скрывать свои мысли, а также способность лгать — все эти способности, создающие основу "внутренней" жизни, являются надстроечными, вторичными по отношению к внешне, интерсубъективно устанавливаемой способности мыслить выраженным образом. Мыслить — в основополагающем смысле этого слова — значит иметь возможность быть понятым; иметь возможность быть понятым — значит быть членом социума, объединенного общими нормами рацио-

нальности, нормами концептуального мышления. Парадоксальность проблемы усвоения — это следствие трактовки мышления как изначально "внутреннего" процесса; поэтому отвержение последней является необходимым условием устранения этой парадоксальности.

К ВОПРОСУ О ДОПРОБЛЕМНОЙ И ПРЕДПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИЯХ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Д. И. Дубровский (Москва)

Процесс становления новой научной проблемы вызывает принципиальный гносеологический интерес. Возникновение проблемной ситуации в науке связано с обнаружением незнания чего-либо, отсюда — лаконичная характеристика проблемы как знания о незнании. Но проблемной ситуации всегда предшествует состояние незнания о незнании. Это устанавливается путем ретроспекции: любой произвольно взятый интервал истории науки легко обнаруживает наличие такого состояния. Если незнание чего-либо определенного, характеризующее проблемную ситуацию, формирует конкретный познавательный интерес, определенный вектор активности субъекта, то незнание о незнании означает допроблемную ситуацию, характеризующую своего рода "спокойствие духа". "Беспокойство" субъекта, т.е. новая направленность его активности, возникнет лишь в будущем, сейчас она у него начисто отсутствует. Например, сто лет тому назад ни один субъект не был обеспокоен квантово-механическими закономерностями и никто даже не подозревал о их существовании, познавательная активность стимулировалась и поглощалась другими проблемами.

Рефлексия допроблемной ситуации — важное условие поддержания творческой перспективы познания, нашей веры в возможность постижения неведомых "измерений" бытия. Анализ допроблемной ситуации призван содействовать пониманию диалектического перехода к проблемной ситуации. Как возникает знание о незнании — это качественно новое состояние? Несомненно, что оно детерминируется развитием общественной практики, подго-

тавляется всем ходом познавательной деятельности в области наличных проблем и т.д. Однако, здесь необходимо более конкретное понимание.

На наш взгляд, между допроблемной и проблемной ситуациями может быть зачастую обнаружена весьма своеобразная в гносеологическом смысле промежуточная стадия, которую мы называем предпроблемной ситуацией. Она представляет такое состояние субъекта, когда он выходит впервые за черту полного незнания о незнании, но еще не приобрел обоснованного знания о незнании. Это состояние первичного "беспокойства духа", выражаемое недостаточно определенными, но уже вполне конкретными по содержанию новыми интенциями. Последние знаменуют формирование нового объекта наблюдения и размышления, часто сопровождаются чувством "необычного", удивлением, особой интенсивностью интереса, коллизией веры и сомнения; они означают новую ориентацию активности субъекта, стремление обрести уверенность в реальном существовании неизвестного ранее объекта познания. т.е. уверенность в том, что формируется действительная проблема, а не псевдопроблема.

В так называемых фактуальных науках предпроблемная ситуация возникает в результате наблюдения необычных, "непонятных" явлений или фиксации необычных, "удивительных" связей, между хорошо известными явлениями. Необычность, аномальность подобных феноменов вызвана тем, что они не укладываются в существующие категориальные рамки эмпирического описания, резко диссонируют с привычными способами объяснения и понимания или просто не находят какого-либо рационального гипотетического объяснения в рамках соответствующей научной дисциплины.

Специфика предпроблемной ситуации состоит в том, что на этой стадии аномальные феномены еще не имеют убедительной статистики, их систематическое наблюдение еще не осуществлено или вовсе невозможно в силу их спорадического характера. В их описании на этой стадии преобладают средства обыденного языка, результаты наблюдений интерпретируются крайне противоречиво, подвергаются сомнению многими членами научного сообщества, допускается возможность ошибочного наблюдения, артефактов и т.п. Главное отличие предпроблемной ситуации от

проблемной состоит в том, что здесь знание о незнании еще не получило научного обоснования, т.е. объект незнания не определен еще в достаточной степени, а это равносильно тому, что в такой же мере не определен и новый объект познания, исследования.

В ряде случаев предпроблемная ситуация довольно быстро превращается в проблемную или столь же быстро "снимается" (если обнаруживается минимал характер аномальных феноменов, ошибки интерпретации данных наблюдения, погрешности в расчетах и т.п.). Бывает, однако, что предпроблемная ситуация "тлеет" многие десятилетия, не дорастая до проблемной ситуации, но сохраняя свое значение и порождая все острее вопросы, интерес к которым то ослабевает, то вновь усиливается, что не приводит, однако, к решающим подтверждениям или опровержениям. так обстоит дело с рядом загадочных явлений человеческой психики, прежде всего, это относится к тем явлениям, которые обычно именуются паранормальными или парапсихологическими. Здесь особенно сильно сказывается роль социокультурных факторов, предвзятых установок, парадигмальных критериев, господствующих в научном сообществе, а с другой стороны, влияние всевозможных ненаучных и явно идеалистических спекуляций на подобных явлениях.¹ Аналогичная ситуация имеет место в области наблюдений так называемых НЛО. Попытки интерпретации этих наблюдений в плане "снятия" порождаемых ими острых вопросов оказались безуспешными, о чем свидетельствуют и новые наблюдения, не получающие пока сколько-нибудь удовлетворительного гипотетического истолкования.²

Наличие предпроблемной ситуации, в том числе и такой, которая вызывает негативное отношение у большинства представителей фундаментальных областей науки, требует непредвзятого методологического анализа порождаемых ею вопросов.

К этому обязывает исторический опыт научного познания. Значительный интерес представляет анализ конкретных предпроблемных ситуаций и процесса их преобразования в проблемные ситуации. Обильный материал для этого дает новейшая история медико-биологических дисциплин. Укажем в качестве примера на подмеченную еще в начале века "странную" зависимость, согласно которой больные психозом рождаются в самое хо-

лодное время года. Реальность указанной зависимости подвергалась сомнению в течение длительного времени, пока не были организованы систематические исследования, доказавшие, что здесь имеет место реальная проблема. Длительная десятилетия предпроблемная ситуация превратилась в проблемную. Сейчас развернута широкая программа исследования связей между изменениями магнитосферы и плазмосферы земли и сдвигами физиологических показателей организма.³

Предпроблемная ситуация несет в себе значительный эвристический потенциал, будит научную мысль, служит предподией к принципиально новым проблемам.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. См.: Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983, с. 146-153.
2. См., напр.: Вострухин В. Ровно в 4.10... Комментарии член.-кор. АН СССР Н.А. Мелтухина - "Труд", 30.01. 1985 г., с. 3.
3. Самохвалов В.П. Некоторые проблемы экологии в психиатрических исследованиях. Обзор лит. - Мед.реферативный журнал, разд. XIV, 1982, № II.

ФЕНОМЕН ВЕРЫ КАК ФАКТОР ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. Евстифеева (Калинин)

В марксистской философской литературе понятие веры используется не только в узком смысле - как религиозная вера, но и в широком смысле, включающем различные виды нерелигиозной веры (вера в определенные ценности, в реальность поставленной цели и т.п.). В таком смысле понятие веры употреблялось и классиками марксизма.¹

Феномен веры обнаруживается во всяком процессе практической и познавательной деятельности. Он представляет собой акт принятия чего-либо как истинного, ценного, справедливого, целесообразного в условиях отсутствия или невозможности достаточного обоснования. По своему конкретному содержанию

акт веры может выражать как адекватное, так и превратное отражение действительности, тенденций ее развития. Заведомо ложными являются религиозные верования, всевозможные суеверия. Однако, во многих случаях истинность или ложность данной веры нельзя установить на протяжении некоторого (иногда довольно длительного) интервала ее функционирования в сознании человека. Это выясняется позже, лишь в результате практической или познавательной деятельности, которая направляется данной веровательной установкой, полагающей и подкрепляющей цель деятельности.

Поскольку наличие феномена веры во всяком познавательном процессе является несомненным (это особенно очевидно на уровне предпосылочного знания), возникает необходимость исследования роли указанного феномена и его функций в познавательной деятельности. Этому актуальному вопросу у нас не уделяется должного внимания, хотя в западной методологии науки ему посвящена обширная литература.²

Феномен веры отчетливо проявляется на уровне мировоззренческой позиции ученого, приверженности его к определенной парадигме, в области идеалов и норм научного познания. При этом важно учитывать, что сложившаяся веровательная установка сама является, своего рода, побочным продуктом познавательного процесса. Она имеет свой источник в опыте, интуиции, обусловлена традициями и влиянием признанных научных авторитетов, детерминирована комплексом социокультурных условий, в которых протекает деятельность научного сообщества.

Все это показывает, что понятие веры в широком смысле нельзя логически однозначно противопоставить понятию знания, ибо веровательная установка всегда включена в определенное знание и сама так или иначе основывается на некотором знании. Поэтому, когда Т. Кун утверждает, что принятие ученым определенной парадигмы "может быть основано только на вере"³, то это, по меньшей мере, неточно, так как здесь допускается известная абсолютизация понятия веры. Принятие парадигмы основано не только на вере, но и, как правило, на многих эмпирических и теоретических доводах, которые не могут быть целиком унифицированы и упорядочены на базе некоторой веровательной установки. Дело здесь обстоит гораздо

сложнее, хотя не вызывает сомнения, что при выборе, принятии парадигмы акт веры играет существенную роль.

Всякий акт веры имеет свой объект, подлежащий четкому описанию (вера в "разрешимость экологической проблемы", в "предотвращение термоядерной катастрофы" и т.п.). Содержание объекта веры включает, однако, и ценностное отношение к нему субъекта. Аксиологический аспект феномена веры выражает интересы субъекта, его ценностные ориентации, обнаруживает существенную связь с наличными социокультурными условиями его познавательной активности. Вместе с тем феномен веры задает определенную направленность этой активности, связан с целеполаганием и стимулирует сложный, противоречивый и трудоемкий процесс целереализации. Здесь мы имеем дело с праксеологическим аспектом феномена веры. Опыт истории науки свидетельствует, что вера ученого в актуальность и разрешимость проблемы, в творчески полагаемую цель служила важнейшим фактором достижения фундаментальных научных результатов. Вот что пишет А. Эйнштейн о значении веры Кеплера в существование общей закономерности для всех явлений природы: "Какой глубокой была у него вера в такую закономерность, если, работая в одиночестве, никем не поддерживаемый и мало понятый, он на протяжении многих десятков лет черпал в ней силы для трудного и кропотливого эмпирического исследования движения планет и математических законов этого движения".⁴

Этот пример демонстрирует одну из важнейших функций веры в научном исследовании, которую можно назвать активизирующей. Она ярко проявляется в творческой деятельности ученых, пролагающих новые пути в науке и встречающих оппозицию научного общества. Эта функция обеспечивает поддержание целевой установки, постоянного напряжения творческих усилий, воли. Другой существенной функцией веры является компенсаторная функция, которая проявляется в условиях недостатка информации, в ситуации неопределенности, особенно на стадии формирования новой проблемы и при выдвижении первичных гипотез. В ряде случаев вера способна осуществлять и эвристическую функцию, хотя нередко она оказывает и противоположное влияние на деятельность ученого, санкционируя его консервативную установку, догматическую позицию. Конкретное рассмотрение этих

функций феномена веры требует тщательного анализа предпосылочного знания, метатеоретических и мировоззренческих установок субъекта познания.

Понятию веры логически противостоит понятие неверия, означающее решительное внутреннее непринятие чего-либо, не имеющего, так же как и вера, достаточного обоснования. При этом, конечно, необходимо учитывать диалектическую взаимопологаемость веры и неверия, их возможные взаимопереходы друг в друга. Промежуточным звеном между ними выступает сомнение, выполняющее критико-рефлексивную функцию. Сложившаяся вероятательная установка обычно обладает высокой устойчивостью, инертностью, что в равной степени может обуславливать как ее позитивную, так и негативную роль в развитии научного познания. Поэтому важным аспектом философско-методологической рефлексии выступает выявление наличных вероятательных установок и анализ их действительных функций в познавательном процессе (в том числе и прежде всего критический анализ). Особенно важно рассмотрение феномена веры в праксеологическом плане, поскольку "в вере и через веру, — по словам В.И. Шинкарука и А.И. Яценко, — знания обретают практическую энергию, живут чувством и волей"⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 89; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 271.
2. См., напр.: On beliving = De la croyance: Epistemological and semiotic approaches (Ed. by Parret H.). N.-Y., Berlin, 1985; Ellis B. Rational Belief systems. Oxford, 1979; Lenzen W. Glauben, Wissen und Warscheinlichkeit. Wien, N.-Y., 1980.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975, с. 199.
4. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965, с. 106.
5. Шинкарук В.И., Яценко А.И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. Киев, 1984, с. 155.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Б.В. Емельянов (Свердловск)

1. История философии убедительно доказывает, что социальная действительность является многоаспектной первопричиной возникновения, развития и функционирования познания и без нее оно не может быть понято. Являясь аксиомой марксистской истории философии как науки, это положение, однако, требует своего методологического освещения для практики историко-философского познания.

2. Первая и важная соотнесенность развития философии с социальной практикой определяется тем, что философские идеи, хотя и имеют относительную самостоятельность, в конечном итоге определяются экономическим базисом, диалектически с ним связаны и носят классовый характер. К. Марк и Ф. Энгельс доказывая этот постулат, подчеркивали, что "мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями" и поддерживает это господство определенная группа профессионалов. Это — "его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе" /1/. Таковыми идеологами в классовом обществе являются и философы. Поэтому естественным в историко-философском исследовании является обращение к личности философа как человека профессионально занимающегося производством философских идей и включенного в систему общественных отношений.

Как профессионал философ своим творчеством выражает отношение к философским традициям и теоретическому потенциалу эпохи. Как гражданин, он выражает отношение к реальной действительности своего социального бытия. Профессиональная и гражданская деятельность философа диалектически взаимосвязаны, дополняют друг друга. Их историко-философский анализ помогает понять систему детерминант развития и функционирования философского знания, в результате чего становится ясным

отношение философа к потребностям социального развития его времени.

3. Этот анализ проявляется также социальные установки философа. А сопоставление социальной установки философа с социально-классовой обстановкой во времени и пространстве его деятельности дает возможность понять, чьи интересы представляет его философское учение.

4. Социально детерминировано не только "производство" философских идей, но и функционирование их в обществе. И здесь обнаруживается круг историко-философских проблем, не ставших еще объектом специального анализа. Круг этих проблем достаточно широк от интегрирующей проблемы анализа философской культуры, до проблемы адресата, к которому обращено творчество философа; и связанной с ней проблемы цели, формы, жанра, стиля и языка философского произведения /2/.

5. Социально детерминированы национальные особенности философии. Государство в классовом обществе через систему надстроечных образований (просвещение, цензура, суд) определяет степени свободы распространения философских идей, их политические судьбы и, в конечном итоге, национальное своеобразие. И в этом случае имеет место широкий круг историко-философских проблем. Одна из наиболее интересных и слабо разработанных – существование философии в "непрофессиональных" формах ее выражения /3/.

6. Названные проблемы не исчерпывают весь диапазон вопросов, решаемых историей философии при выяснении круга социальных детерминант познания. Однако, убеждают, что без их решения историко-философское исследование не может отвечать потребностям развития марксистской историко-философской науки.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45-46.
2. Горский В.С. Историко-философское истолкование текста. Киев, 1981.
3. Емельянов Б.В. Социальная детерминация развития философии и ее национальные характеристики. – В кн.: Социальная детерминация познания. Тарту, 1982, с. 190-193.

ДЕЯТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА ПОЗНАНИЯ

И.Н. Ефимова, Л.С. Коршунова (Москва)

Принцип связи познания и деятельности, теории и практики – фундаментальный принцип марксистской теории познания. Само познание, будучи отражением, является определенного рода деятельностью, опредмечивается в тех или иных объектах. И хотя процесс познания осуществляется в каждом конкретном случае индивидом, именно в познавательной деятельности в наибольшей мере выражался общественный характер человеческой деятельности. В процессе практики человек не только целесообразно изменяет вещество природы и общественные отношения, но и отличает себя от предмета своей деятельности, осознает себя субъектом, а природу объектом своей деятельности. Индивид становится субъектом познания лишь в той мере, в какой он овладел выработанными в обществе формами познавательной деятельности, субъектом же является общество как целостность, не существующая вне отдельных людей. Историческое становление субъекта всецело определяется уровнем развития практики.

Принцип деятельности, примененный в гносеологическом плане, позволяет сделать вывод о том, что практическая преобразующая деятельность не только не противоречит объективности познания, но является условием познания объективной истины.

Деятельность – предельная характеристика человеческого бытия, критерий человеческой жизнедеятельности. Основной характеристикой деятельности является ее предметность, вследствие чего внешний мир перестает быть лишь источником удовлетворения биологических потребностей. Впервые возникает возможность рассматривать и оценивать предметы внешнего мира по их объективным свойствам и отношениям. У человека складывается предметное отношение к миру, внешние предметы становятся объектами преобразовательной и в этом качестве противостоят человеку.

Предметное отношение к миру определяет человека как субъекта деятельности. Человек не рождается субъектом, а становится им присваивая и преобразуя окружающий мир. Сущность человека не задана формой его биологического существования, а возникает в исторически конкретных формах общественной взаимосвязи. Предметный характер человеческой деятельности позволяет преодолеть "животную" слитность с природой, формирует принципиально иные способы регуляции человеческой активности — сознание.

Сознательная деятельность есть не что иное как деятельность целеполагания. "Очеловечивание" природы и состоит в том, что она преобразуется согласно нормам и требованиям человеческого существования, выраженных в цели, которая в качестве предвосхищения в сознании результата деятельности пронизывает ее как внутренний закон, определяя ее способ и характер, подчиняя себе волю действующего субъекта. Не природа, не внешние обстоятельства являются основанием человеческих целей, а преобразование природы человеком. Силам природы человек сам противостоит как сила природы, т.е. в процессе производства взаимодействуют не конкретные, случайные "вещи" природы с эмпирическим, единичным существом, "натурализированным" субъектом. Это взаимодействие имеет всеобщий характер и осуществляется на уровне сущностей.

В субъективной цели человеческой деятельности происходит отрицание наличного предметного мира, осознается его недостаточность и в то же время цель является необходимой предпосылкой преобразующей действительности деятельности. Цель деятельности не задается произволом субъекта, а возникает постольку, поскольку определились ее предпосылки и возможности реализации. Следовательно, человеческой творческой деятельностью возможен "выход" за пределы старой необходимости, что не означает, конечно, свободы от любой необходимости. Рассматривая и оценивая предметы не только относительно потребностей, но и по их объективным свойствам и связям, человек не просто осуществлял выбор между существующими возможностями, но и создает такие возможности, позволяющие достигнуть поставленной цели. Творчество становится важнейшим определением предметной деятельности человека, его социаль-

но-культурного бытия. Осуществляя в создании предметного мира свою цель человек изменяет мир как объективную систему, определяющую его в качестве субъекта деятельности. Создавая потребное ему будущее человек создает и себя в качестве человека этого будущего.

Хотя человек в своей деятельности и зависит от объективных условий, но он и господствует над ними, преодолевая стихийность действия объективных законов, следовательно, его деятельность свободна. Свобода, отражая характер самой деятельной сущности человека, безусловно, относительна и определяется как уровнем культурно-исторического развития субъекта, так и уровнем освоения исторически конкретного объекта. Творчество, в этом плане, не относится к самостоятельным видам деятельности, как и не является характеристикой индивидуальных способностей. На родовом (общечеловеческом) уровне деятельность вообще является творческой. Разделение деятельности на творческую и нетворческую имеет смысл лишь в пределах ее частных форм и видов. Относительно родовой деятельности проводить такое разделение методологически неправомерно. Весь исторически развивающийся мир культуры является предметным воплощением человеческой деятельности. Таким образом в марксизме деятельность понимается как предметно-преобразующая, целенаправленная, творческая по характеру, общественная по источнику и структуре, всеобщая и бесконечная по способу действия.

Активное, преобразующее отношение человека к природе обусловлено применением специфических форм опосредования деятельности: орудий труда и человеческого отражения — сознания. Именно эти формы позволяют человеку действовать универсальным образом. Человек по отношению к осваиваемой им части природы выступает как представитель и носитель ее целостности, как всеобщая, по определению К.Маркса, сила этой природы. Из этой принципиальной характеристики человеческой деятельности следует, на наш взгляд, важнейший вывод: степень развития человеческой активности и творчества измеряется не "мнимым" "произволом" и "иррациональностью", а степенью освоения объективных закономерностей природы и общества. Установление и открытие этого факта органически вытекает из общесоциологическую теорию марксизма.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

А.С. Кармин, Е.А. Гусева (Ленинград)

1. За последнее время резко возрос интерес к прогнозированию развития науки и техники. Это объясняется не просто любопытством, которое люди всегда проявляют в отношении ожидающего их будущего. Внимание к научно-техническому прогнозированию социально детерминировано самим характером современного общественного развития, и, прежде всего, растущими масштабами последствий научно-технического прогресса для общества, необходимостью предвидеть возможные результаты огромных затрат на него, чтобы регулировать последние.

2. Научно-техническое прогнозирование не только социально детерминировано, но и само является одним из факторов детерминации общественного развития: оно оказывает "обратное воздействие" как на науку и технику, так и на другие сферы общественной жизни и общество в целом. Это "обратное воздействие" приобретает особенно заметный характер в условиях развитого социализма. Научно-технические прогнозы становятся предпосылкой создания государственных планов развития народного хозяйства; они влияют на эволюцию социалистической культуры, на изменение ценностных ориентаций и интересов населения и т.д.

3. В настоящее время существуют три основных типа методов научно-технического прогнозирования: экстраполяция, экспертиза и моделирование. В общей сложности имеется более сотни различных методик составления прогнозов. Однако методология прогнозирования развития науки и техники разработана пока еще явно недостаточно.

Существующие методы научно-технического прогнозирования опираются, главным образом, на учет "внутренних" условия и закономерностей развития науки и техники. Но на их развитие существенно влияют помимо "внутренних" также и "внешние" факторы, не вытекающие из самого содержания научного и тех-

нического знания или научной и технической деятельности. К ним относятся различного рода социальные детерминанты научно-технического прогресса - экономические, демографические, культурные, политические, военные. Однако социальная детерминация научно-технического прогресса рассматривается, как правило, лишь в связи с вопросом об экономической эффективности тех или иных его результатов. Хотя необходимость учета других социальных детерминант не подлежит сомнению, тем не менее значение их в научно-техническом прогнозировании до сих пор часто недооценивают, а иногда ими даже вообще пренебрегают.

4. Социальная детерминация научно-технического прогнозирования предполагает, что при определении возможных путей развития различных отраслей науки и техники, перспектив и сроков достижения и внедрения их результатов необходимо учитывать: а) "Социальный заказ", т.е. общественную потребность (ее наличие и характер). Формы проявления социального заказа весьма аморфны, и он далеко не всегда легко уловим. При прогнозировании желательно как можно более конкретно сформулировать его на языке современной науки. Тогда он принимает форму научной или технической проблемы (задачи), для решения которой может быть намечена определенная программа исследовательских, проектных и опытно-конструкторских работ, а также дана оценка трудоемкости и технической осуществимости этой программы, б) Имеющиеся в обществе на данном этапе возможности удовлетворения социального заказа. Эти возможности определяются тем, в состоянии ли общество обеспечить необходимыми ресурсами выполнение всего объема работ, предусмотренного программой. Но если даже такие возможности имеются, вероятность реализации данной программы зависит от того, насколько предпочтительнее для общества удовлетворение данного социального заказа по сравнению с другими (что требует качественной оценки различных общественных потребностей, основанной на социально-политических, социокультурных, гуманитарных соображениях). в) Тенденции развитого общества, которые можно экстраполировать на будущее. В основе такого рода экстраполяции лежит определение степени "инерции" идущих в настоящее время процессов. г) Конкретные условия, связанные

со сложившейся в данное время экономической, внутри- и внешнеполитической обстановкой. Эта обстановка может сильно повлиять на выбор преимущественных направлений развития науки и техники.

5. Учет факторов социальной детерминации в научно-техническом прогнозировании позволяет в качественной форме определить некоторые вероятные перспективы развития науки в нашей стране. За период 1950–1985 гг. общий контингент занятых в сфере науки в СССР возрос в 6,5 раз. Но если рассматривать среднегодовые темпы его прироста, то окажется, что они составляли в 1950–1965 гг. 10%, в 1965–1975 гг. – 5%, в 1975–1985 гг. – 2,5%. Такова же и динамика финансирования науки. При общем увеличении расходов на науку за тот же период более чем в 20 раз, среднегодовые темпы их роста равнялись в 1950–1965 гг. 15%, в 1965–1975 гг. 10%, в 1975–1985 гг. менее 5%. Очевидно, что всякие прогнозы прогресса науки, построенные без учета наметившейся тенденции снижения темпов роста кадрового и финансового ее обеспечения, будут скорее всего далеки от реальности. Многие технически выполнимые программы научных исследований и проектно-конструкторских работ могут оказаться фактически нереализованными из-за ограниченности социальных ресурсов.

Избежать затухания темпов роста научного знания возможно только при условии интенсификации научных исследований (что соответствует общей необходимости интенсификации народного хозяйства). Поэтому следует ожидать, что для рационального распределения расходов общества на развитие науки большую долю их придется направлять на разработку средств этой интенсификации. Должно возрасти, вероятно, и значение отраслей науки, связанных с рационализацией управления, с подготовкой кадров (социальная психология, педагогика, особенно педагогика высшего образования и т.д.).

Еще более будут возрастать требования к практической отдаче от научных исследований, ибо только это позволит обществу увеличивать расходы на науку. Поэтому будет продолжаться дальнейшее перераспределение ресурсов в сторону экономически наиболее выгодных сфер науки, т.е. прикладных наук.

Можно предвидеть и некоторые отрицательные тенденции в

развитии науки. Опасностью является прежде всего то, что мелкие научные разработки, дающие немедленный эффект, станут вытеснять крупные, долговременные исследовательские программы, а также исследования поискового характера. Это может задержать общий ход прогресса научных знаний и, в конечном счете, снизить их экономическую и социальную отдачу, что, в свою очередь, может вести к дальнейшему уменьшению темпов роста затрат общества на науку. Важно вовремя предотвратить возникновение такого замкнутого круга обратных связей. Здесь со всей очевидностью могут проявиться преимущества социализма. Однако нужны соответствующие организационные и финансовые меры, в частности, улучшение стимулирования наиболее важных в социальном отношении научных работ. В этой связи очень актуальной является задача поиска достаточно совершенной и надежной методики определения социальной значимости научных исследований.

О ФОРМАХ ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Л.А. Микешина (Москва)

Понимание природы и сущности социальной детерминации познания невозможно без изучения механизмов детерминации на уровне самого знания, его форм и методов получения, построения, проверки. Как опосредуются и какие принимают формы детерминирующие факторы социальной реальности в содержании и структуре научного знания; каковы те фундаментальные компоненты знания, в которых когнитивные и социокультурные аспекты неотделимы друг от друга; какие новые логико-методологические абстракции и идеализации должны быть введены и как они будут соотнесены с существующим понятийным аппаратом — вот круг вопросов и проблем, которые стоят перед исследователями.

1. Следует отметить, что за последние годы существенно продвинулось изучение этих вопросов. Так, изучение форм активности субъекта показало, что нормирование, регламентация

научной деятельности являются прямыми и весьма существенными способами социальной детерминации научного познания. Однако рациональные формы такого воздействия на субъекта предполагают их координацию с другими способами детерминации, не сводящимися к прямому и непосредственному регулированию и регламентации как таковой. Сюда необходимо подключаются также и другие, часто опосредованные, но не менее существенные формы детерминации — это система познавательных, мировоззренческих, этических и эстетических ценностей, выполняющих ориентировочные функции в поисковой деятельности исследователя.

2. Существенные метаморфозы произошли с самим понятием ценности, что, в частности, тесно связано и с изучением проблемы логико-методологической рефлексии социальной обусловленности познания. В своем классическом виде кантовская постановка проблемы ценности и познания как диалектики, взаимозависимости теоретического и практического разума, реализуется сегодня лишь частично. Это объясняется не только тем, что в буржуазной философии по существу утрачивается намеченный Кантом подход, но и определенными позитивными, на наш взгляд, процессами в философском сознании в целом, приведшим к изменению самого понимания "практического разума" и "мира ценностей". Под ценностями сегодня понимают не только "мир должного", нравственные и эстетические идеалы, но по существу любые феномены сознания и даже объекты из "мира сущего", имеющие ту или иную смысложизненную, мировоззренчески-нормативную значимость для субъекта и общества в целом. Как следствие этого произошло существенное расширение и углубление аксиологической проблематики вообще, трактовки "познавательное — ценностное" в частности. Весьма заметно это проявилось и в марксистской философии, существенно по-иному трактующей саму природу и происхождение ценностей субъекта.

3. Наряду с введением в теоретико-познавательный контекст абстракций ценности и оценки сложились и определенные формы логико-методологической рефлексии диалектики ценностных и когнитивных компонентов познавательной деятельности как формы ее социокультурной детерминации. Одной из таких уже традиционных форм стала рефлексия двух типов высказыва-

ний — суждения факта и суждения оценки (или истинностного и ценностного суждений). В исследованиях философов-марксистов осуществлен принципиально иной подход к постановке и решению этой традиционной проблемы и представлены как их содержательно-гносеологический анализ, так и формально-логическое рассмотрение в логике норм и оценок. Ценностные феномены научного познания неоднородны по своей природе и конкретным функциям, поскольку отражают различные типы ориентаций в познании. Эти регулятивные формы служат основой знания, которое может быть названо предпосылочным.

4. В предпосылочном мировоззренческом знании отражены и зафиксированы все виды ценностных отношений в познании: от социально-психологических до социально-экономических и культурно-исторических; от логико-методологических до философско-мировоззренческих. Оно имеет преимущественно мировоззренческую направленность, что обуславливается философскими категориями и принципами, фактически пронизывающими все конкретные формы предпосылочного знания (картины мира, стиля познания, здравого смысла и др.), хотя мировоззренческая "нагруженность" различна в зависимости от формы предпосылочного знания. Это исторически изменяющееся регулятивное знание, которое имеет в конечном счете своим референтом отношение человека к миру, его способ видения, понимания и оценки действительности, своего места в мире. Абстракция "предпосылочное знание" имеет существенные преимущества перед "темой", "традицией", взятыми как единицы анализа, поскольку является по существу их логико-методологической основой. Специально-научное знание, развиваясь на основе предпосыльно-мировоззренческого, тем самым опирается не только на экспериментальные данные, но на социально-исторический опыт в целом.

Такого рода важная особенность предпосылочного знания с необходимостью ставит вопрос о том, что оно является столь же фундаментальным параметром науки, как и эмпирическое знание, при этом их функционирование в науке тесно взаимосвязано, хотя и различно по способам, целям и характеру связи с действительностью.

5. Важнейшая проблема, возникающая в связи с необходимостью введения понятия "предпосылочное знание" в аппарат ме-

тодологии, — это диалектика соотношения явных и неявных предпосылок, а также способы "вхождения" имплицитных элементов в знание и функционирование их в познавательной деятельности. Обращение к неявному знанию высвечивает, по существу, иной аспект социального в науке: не столько воздействие на нее тех или иных социальных факторов, сколько собственно социальную природу научного знания и познавательной деятельности. Одна из распространенных причин, по которой знание принимает имплицитную форму, — это его очевидность, общепризнанность. Умозрительная очевидность имеет ясно выраженное социокультурное и коммуникативное происхождение. Только при условии, что функционируют четко налаженные формальные и неформальные коммуникации и информация очевидна как для автора, так и для научного сообщества, к которому он обращается как к референтной группе, знание может принимать имплицитные формы, не утрачивая своих предпосылочных и иных функций, реализуя их неявным образом. Отсюда возникает еще одна возможная форма логико-методологической рефлексии социальной детерминации познания — выявление методологических следствий и императивов, порождаемых таким социальным параметром науки, как ее коммуникативность. Так, приняв за единицу анализа научный текст как когнитивную абстракцию, можно показать, что его характер, компоненты меняются в зависимости от особенностей профессионального общения, степени его организованности, традиций, согласия или несогласия в научном сообществе и т.п. Выясняется также, что гносеологический статус предпосылочного знания, в частности его непроблематичность, имплицитная или эксплицитная форма находятся в прямой зависимости от коммуникаций и соответственно от профессионального консенсуса.

В целом следует отметить, что предлагаемые подходы показывают многообразие возможностей и форм рефлексии социальной детерминации познания средствами диалектико-материалистической философии и методологии науки, тем самым снимаются претензии, в частности, герменевтиков дать всеобъемлющее решение этих проблем в рамках и средствами концепции понимания.

ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

А.А. Михайлов (Минск)

1. В современной буржуазной философии происходят достаточно интенсивные процессы переосмысления фундаментальных установок философского мышления классического идеализма. Это находит свое выражение прежде всего в негативной оценке в сфере современного идеалистического мышления идеи абсолютно-го или беспредпосылочного обоснования теории познания, в обращении (идеалистическом по формам своей реализации) к игнорированной в классическом идеализме категории общественно-исторической практики. Далеко не в последней степени такого рода болезненные для буржуазного сознания изменения обусловлены тем, что современный идеализм вынужден считаться с фактом утраты философией своих "нормативно-критических полномочий по отношению к науке и обществу" /1/. Тем самым, хотя и с большим опозданием, современная буржуазная мысль пытается нащупать ту проблематику, к решению которой еще в середине XIX века обратилась философия марксизма, противопоставившая идеям умозрительного спекулятивного идеализма программу практического революционного преобразования мира.

В наиболее яркой форме эти процессы осуществляются в современной философской герменевтике, которая претендует на статус универсальной философской теории, воспринявшей и переработавшей идейные импульсы, исходящие из философии жизни, феноменологии и экзистенциализма.

2. Как известно, в соответствии с характером формулируемых в "Бытии и времени" проблем фундаментальной онтологии, Хайдеггер обращается к герменевтике как способу постижения и прояснения тех онтологически укорененных и конституирующих целостность человеческой жизнедеятельности смыслов, которые предопределяют характер познавательной деятельности. Хайдеггер полагает, что в результате анализа проблемы бытия ему удастся перевести исследование в такую плоскость, где речь

идет о последних и конечных принципах процесса познания. Понимающая себя таким образом философия имеет дело с развивающей идею кантовского трансцендентализма специфически интерпретируемой проблематикой бытия и выступает в качестве "универсальной феноменологической онтологии, проистекающей из герменевтики существования" /2/. Включение "временности" (Zeitlichkeit) в структуру человеческого существования в качестве его наиболее значимой и основополагающей составляющей представляет собой в рамках хайдеггеровской онтологии специфическую форму осознания факта социальной и исторической включенности индивида в мир.

3. В концепции универсальной герменевтики Гадамера обращение к "целостности человеческого опыта и жизненной практики" /3/ происходит в прямой оппозиции к методологически ориентированным направлениям герменевтики, выдвигающим проблему обоснования специфической методологии гуманитарного знания, и представляет собой попытку экспликации изначальных предпосылок познавательной деятельности как таковой, в том числе и такого нерелексированного опыта, который провозглашается источником практических и жизненных ориентаций.

Основной мотив гадамеровского противопоставления "наук о духе" естествознанию и теоретическому знанию вообще заключается в признании наличия в "науках о духе" особым образом трактуемого "практического измерения". Специфика проблем, рассматриваемых Гадамером в рамках герменевтики, тесным образом связана с проблематикой, разработанной в этических исследованиях Аристотеля, и, прежде всего, в шестой книге "Никомаховой этики". По мнению Гадамера, Аристотель, критикуя сократовско-платоновский интеллектуализм в понимании идеи добра, стал основателем этики, независимой от метафизики, поскольку он пытался показать, что платоновская идея добра есть идея бессодержательной общности и противопоставил ей добро в его соотношении с человеческой деятельностью. В связи с этим Гадамер усматривает задачу герменевтики в преодолении односторонностей созерцательного интеллектуализма предшествующей философской традиции и обосновании такого рода знания, которое включало бы в себя изначальное понимание практики. Хайдеггеровское положение о радикальной конечности

и временной природе человеческого существования исключает по мнению Гадамера, возможность преодоления конкретной фактичности этого существования посредством обращения к абсолютному духу (Гегель) или трансцендентальному Я (Гуссерль). Решение данной задачи предполагает не обретение абсолютной вне-временной точки зрения, обеспечивающей достоверность содержания нашего познания, а осознание самого факта принадлежности к традиции.

4. "Критическая теория" полемизирующего с концепцией Гадамера представителя Франкфуртской школы Хабермаса провозглашает несостоятельным характерное для классической буржуазной философии и позитивистских концепций научного познания представление, в соответствии с которым игнорируется и полагается в качестве ненаучной лежащая в основе человеческого познания практика человеческий жизнедеятельности.

Анализируя проблему генезиса сциентистской ориентации теории познания и выдвигая задачу выявления "подлинных" предпосылок познавательного опыта, Хабермас формулирует концепцию "глубинной герменевтики", которая должна нацеливать себя на анализ интересов, не только конституирующих специфические формы познавательной деятельности, но и определяющих существование различного типа отношений между познанием и практикой. В то же время, несмотря на высказывание ряда вполне правомерных критических аргументов в адрес позитивистского понимания природы процесса познания, традиционные изъяны идеалистической интерпретации практики оказываются неустранимыми в рамках критической теории Хабермаса, отстаивающего утопические программы преобразования буржуазного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Rehabilitierung der praktischen Philosophie. Bd. 1: Geschichte, probleme, Aufgaben (Hrsg. von M. Riedel.) - Freiburg, 1972. S.10.
- 2 Heidegger M. Sein und Zeit. - Tübingen, 1953. S.38.
- 3 Gadamer H. - G. Wahrheit und Methock. - Tübingen, 1975, S.XV.

О МУКАХ ПОЗНАНИЯ И СЧАСТЬЕ НЕЗНАНИЯ

Р.И. Павиленкс (Вильнюс)

Per aspera ad astra — очень важная, но только одна сторона познания. Другую, отражающую всю его сложность и неоднозначность, определяет соотношение в нем индивидуального и социального, субъективного и объективного, иначе говоря — место в нем мнения и знания и их значимость для субъекта познания.

Продолжая разговор, начатый на прошлой Тартуской конференции (см. I, также 2,3) и вписывая его в современную дискуссию аналитической и герменевтической философии о природе смысла и понимания (см. 4, 5, 6/, я попытаюсь показать, что:

1. Такие понятия, как знак, текст, смысл, понимание, осмысленность, значимость, мнение и знание, образуют внутренне единое семейство понятий, необходимых для характеристики не только познавательного (интенционального, т.е. направленного на определенные объекты), но и ориентационного (оценочного, т.е. определяющего значимость этих объектов) отношения человека к миру. Это единство не просто постулируется исходя из каких-либо методологических соображений, а вытекает из самой структуры того, что я называл "концептуальными системами" как определенными системами информации, отражающими познавательный опыт субъектов познания на самых разных его этапах и уровнях.

Использование этих понятий, независимое от природы объектов их приложения, позволяет нам придать им необходимую универсальность и увидеть то, что роднит понимание (или непонимание) самых разных объектов — будь то предложение, поступок человека, произведение искусства, объект природы или сама жизнь — как их осмысление в определенной концептуальной системе.

2. Именно ссылка на фактор концептуальной системы раскрывает существенное для данного контекста рассмотрения различие понятий осмысленности и значимости и объясняет как то,

что осмысленное для одной концептуальной системы может быть бессмысленным для другой, так и то, что значимость предполагает осмысленность, но не наоборот. То, что является осмысленным для субъекта познания, вовсе не обязательно является для него, т.е. субъективно, значимым, вовсе не обязательно откосится к его мнению о мире или к его субъективному знанию как части мнения. Между тем именно этот уровень структуры концептуальной системы, охватывающий как истинную, так и ложную информацию о мире, составляет основу ориентационного отношения субъекта познания к миру и меру его (мира) субъективной значимости. Именно этот уровень определяет познание, или видение мира, субъектом познания.

Нетождественность познавательного опыта различных субъектов познания имплицитно различие содержаний "субъективно значимого". С этой точки зрения "обще/интерсубъективно/ значимое" или "социально значимое" или "объективно значимое" — при всех возможных вариациях их истолкования — суть абстракции от субъективно значимого: то ли от концептуальной системы отдельного субъекта познания, того, кто знает истинное положение дел в мире (ученого, эксперта и т.п.), то ли от концептуальных систем определенной компетентной, авторитетной группы субъектов познания (ученых, экспертов и т.п.). В любом случае такое "несубъективно значимое" не представляет собой ни конечного, ни абсолютного знания, — оно, как и субъективно значимое, является индивидуально, социально и исторически обусловленным, от чьего имени оно бы не провозглашалось — от имени науки, прогресса, человечества или самой природы.

Ввиду различия содержания объективно значимого и "несубъективно значимого", включение последнего в сферу субъективно значимого может нарушить ориентационное отношение субъекта познания к миру, т.е. видение мира субъектом познания. Восстановление этого отношения в таком случае может означать лишь то, что "несубъективно значимое" более или менее болезненно (или безболезненно) включается в структуру субъективно значимого. Это непременно ведет к перераспределению мер значимости в данной концептуальной системе и — в зависимости от существенности затрагиваемых этим перераспределени-

ем структур — может быть более или менее драматичным для субъекта познания.

Аргументируя этот подход будем опираться на следующие тезисы.

Объекты мира, воспринимаемые человеком, являются знаками; их восприятие означает приписание им определенного смысла. Совокупность таких знаков образует тексты. "Схватывание" смысла объекта означает построение его "картины" посредством наличных смыслов, т.е. осмысление, или интерпретацию объекта в образующейся т.о. системе смыслов, или концептуальной системе. Качество осмысления объекта зависит исключительно от содержания смыслов, участвующих в этом процессе, следовательно, от всей системы.

Необходимым условием возникновения смысла является восприятие различия, контраста, т.е. определенной несовместимости, между системой смыслов и вводимым (порождаемым в ней) смыслом. Вместе с тем осмысление объекта возможно, если только система в состоянии преодолеть это различие, контраст, т.е. "перекинуть мост" между наличными смыслами и вводимым смыслом, связать их в определенную "картину мира".

Языковые знаки воспринимаются (осмысливаются) аналогично другим знакам мира. Однако то, что они используются для обозначения знаков мира, точнее, их смыслов, делает их знаками знаков и способствует эпистемическому выходу субъекта познания за пределы чувственно воспринимаемого мира в область "возможных миров", описываемых различными языковыми текстами.

Понимание любого — неязыкового или языкового — текста есть его осмысление (=интерпретация) в определенной концептуальной системе на одном из уровней, определяющих специфическое познавательное и ориентационное отношение субъекта познания к миру, в интересующем нас аспекте: на том, когда текст просто интерпретируется, либо на том, когда он не только интерпретируется, но и применяется в качестве субъективно значимого.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Павилёнес Р.И. О понимании, познании и языке: - В кн.: Социальная детерминация познания. Тарту, 1982.
2. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.
3. Pavilionis, R. Conceptual Systems, Belief and Knowledge. In: H. Parret (ed.). On Belief: Epistemological and semiotic Approaches. N.-Y., 1983.
4. Searle, J.R. Intentionality. Cambridge, 1983.
5. Gadamer, H. - G. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1975.
6. Habermas, J. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt, 1973.

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ОСВАИВАЕМАЯ ИМ МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Б.Я. Пахомов (Москва), Н.В. Семенова (Челябинск)

В исследовании сложных и тонких механизмов, порождающих влияние социальных факторов на содержание научного знания, прежде всего необходимо избегать двух крайностей: вульгаризации в стиле Шулятикова (см.: 3, с. 459-474) и отрицания самого факта социальной обусловленности научного знания. В этой проблеме особенно необходимо последовательно соблюдать диалектический принцип конкретности истины. Выявлять конкретные механизмы влияния социальных факторов на содержание научного знания, избегая при этом вульгаризаторских суждений, можно, как мы считаем, на основе анализа форм опосредствования такого влияния. В данной статье нам хотелось бы обратить внимание на следующую цепочку взаимосвязей: социальные факторы - жизненная позиция ученого как члена общества - осваиваемая (создаваемая) им методология - результаты научного познания некоторого объекта.

Определенным подтверждением значимости этой опосредство-

ванной зависимости может служить сама структура функций марксистско-ленинской философии: как общая теория мировоззрения философия обосновывает основные принципы жизненной позиции; одновременно она формулирует наиболее общие принципы методологии познания и практического освоения мира, выступает общей теорией научного метода.

Научная и практически-революционная деятельность К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина дает нам богатейший материал для конкретного исследования указанной зависимости. Именно четко выраженная жизненная позиция революционеров, борцов за освобождение трудящихся от эксплуатации постоянно ориентировала основоположников марксизма-ленинизма на развитие революционного по своей сущности диалектического метода как наиболее совершенного инструмента научного познания, на изучение глубинной сущности исторических событий и тенденций общественного развития в интересах научно обоснованного революционного преобразования общества для блага человека.

В "Тезисах о Фейербахе" К. Маркс отмечает: "Точка зрения старого материализма есть "гражданское" (т.е. буржуазное. - Авт.) общество..." и в связи с этим "самое большее, до чего доходит созерцательный материализм, т.е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это - созерцание им отдельных индивидов в "гражданском обществе" /I, с. 266/. В отличие от ограниченной буржуазной точки зрения материализм Маркса принципиально иначе определяет природу социального объекта, способ рассмотрения человека и, соответственно, содержание тех теоретических абстракций, в которых должны осмысливаться социальные процессы. "Точка зрения нового материализма, - пишет он, - есть человеческое общество, или обобществившееся человечество /I, с. 166/. Вышнее есть ключ к пониманию низшего, и точка зрения борца за коммунистические идеалы, за "обобществившееся человечество" позволяет Марксу и на предшествующие стадии развития общества смотреть как на целостные организмы (В.И. Ленин), ввести понятия общественно-экономической формации, производственных отношений, определить сущность человека как ансамбль общественных отношений (тезис 6). Методология исследования общества как целостной органической системы по-

зволила Марксу и Энгельсу создать стройное учение о законах развития общества, постичь которые буржуазная наука, исходящая из методологии "робинзонад", методологии, порожденной индивидуалистическими принципами буржуазного образа жизни, так и не смогла.

Точка зрения борца против капиталистической эксплуатации стала предпосылкой той методологии, которая позволила Марксу на глубоко научной основе раскрыть экономический механизм извлечения капиталистической прибыли, решить научную проблему, оказавшуюся непосильной для буржуазной апологетической политекономии.

Принципы диалектического метода, которые развивали Маркс, Энгельс, Ленин для познания сложнейшей динамичной системы, каковой является общество, несут в себе содержание такой степени всеобщности, что они составляют основы общей методологии научного познания, включая естественнонаучное. Маркс и Энгельс восторженно приветствовали эволюционную теорию Дарвина, видя в ней блестящее подтверждение принципов диалектического метода в области естественнонаучного знания. Отмечая, что естествознание всем ходом своего развития движется к принятию принципов диалектического материализма, В.И. Ленин указывал, что стихийный ход этого процесса может быть ускорен сознательным освоением современного, т.е. диалектического материализма, уже созданного Марксом и Энгельсом /5, с. 29-31/. Естествознание XX века ознаменовалось триумфальными достижениями эволюционного подхода к процессам неживой природы (эволюция Вселенной, химическая эволюция, идеи о происхождении элементарных частиц). Специалисты в области техники, а также биологи осознали значимость системного подхода к исследованию сложных объектов. Эти сдвиги в методологии естествознания произошли не без важного влияния технического прогресса, составляющего еще один принципиально значимый канал социального обусловливания научного познания. При этом как бы заново открывались некоторые из положений, составляющих содержание марксистско-ленинской диалектики, развитой ранее в связи с познанием социальных процессов. Однако, несмотря на то, что весь ход развития современного естествознания ведет к необходимости последовательного приме-

нения методология материалистической диалектики, социально-классовые предрассудки современного буржуазного общества мешают многим ученым капиталистических стран сознательно осваивать диалектический материализм. В результате нередко возникают методологические суррогаты в виде вульгаризации эволюционного или системного методов (об опошлении принципа развития гневно писал В.И. Ленин /3, с. 229/ в "Философских тетрадах"). Возникает драматическое столкновение положительных тенденций, социально обусловленных техническим прогрессом, и отрицательных тенденций, обусловленных давлением буржуазного мировоззрения.

Возникновение выражающихся форм научного знания, обусловленных социальной жизненной позицией их создателей, Маркс анализировал на примере вульгарной буржуазной политэкономии (см., в частности: 2, с. 528-529), Ленин на примере народников, Струве, ревизионистов и оппортунистов (см. 4). Классовая слепота, подмена принципиальной научной объективности буржуазным объективизмом неизбежно дополняются логической и методологической немощью. Подтверждение сказанному можно найти и в истории буржуазной философии.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Э.П. Семенюк (Львов)

В марксистско-ленинской гносеологии положение о социальной детерминированности человеческого познания принципиально важно: ведь "сущность человека... есть совокупность всех общественных отношений" /1/. Наиболее полно и последовательно концепция социальной детерминации познания развивается в ра-

ботах Я.К. Ребане /2-5/, внутренние объединенных информационным подходом к анализу гносеологической проблематики. Его сущность, методологическая природа и место в системе средств современной науки представляют значительный интерес /6/. В общем контексте этого подхода первостепенная роль в трудах Я.К. Ребане отводится понятию "социальная память", особая продуктивность которого проявилась уже и в работах других авторов /7/.

Информационный подход дает возможность под новым углом зрения и более конкретно изучать ряд общих и частных вопросов социальной детерминации познания. К их числу принадлежит и вопрос о каналах, по которым она осуществляется.

Исторически первым из таких каналов (да и по содержанию, по информационной роли одним из наиболее важных), видимо, является непосредственная коммуникация между членами общества. Чаще всего она носит характер речевого обмена, но может включать и иные, подчиненные формы передачи информации — мимику, жесты и т.п. Именно акты непосредственного общения людей — генетически первичный, простейший, но совершенно необходимый по своей природе способ социализации человека, вовлечения его в общественное бытие, приобщения к социальным ценностям. С развитием других, производных каналов коммуникации значение непосредственного общения людей, казалось бы, должно падать, но практика показывает, что это не так: никакой иной способ взаимодействия человека с обществом по своему существу не может заменить собой того, что Экзюпери называл единственной достойной человека роскошью, — общения с себе подобным.

Еще в глубокой древности в качестве особого канала социальной детерминации познания на базе непосредственного речевого общения сложился фольклор. Он положил начало становлению художественной литературы во всем богатстве ее жанров. В более широком плане действенным средством социализации человека уже давно выступает художественная культура в целом, включая все возможные виды и жанры искусства.

Во все времена кардинальную роль в социальной детерминации познания, разумеется, играют средства производства и другие компоненты материальной культуры общества. Воплощен-

ная в них информация выражает качественное своеобразие каждой конкретной эпохи. Но это отнюдь не свидетельствует в пользу концепции "технологического детерминизма". Ее методологическая несостоятельность уже не раз вскрывалась в работах философов-марксистов /3, 4/.

Богатейшим по своим возможностям канал детерминации познания представляют также письменные источники информации. Их удельный вес в общем потоке носителей социальной памяти неуклонно повышался с прогрессом науки и культуры. За последние столетия с особой силой проявилась социальная роль печатного слова, прежде всего книги (а также-газеты и журнала, т.е. средств массовой коммуникации, основанных на использовании письменности в сочетании с достижениями полиграфии).

С развитием автоматизированной электронной техники и безбумажной информатики /8/ информационно-познавательные функции книги (и шире - печатного слова вообще, а также письменных документов любого рода), конечно, должны измениться. Однако и в этих условиях нельзя согласиться с пророчеством М.Маклюэна о конце "галактики" Гутенберга с наступлением "электронной эры".

В дополнение к прессе XX век вызвал к жизни качественно новые средства массовой коммуникации - радио и телевидение. Это тоже особые каналы социальной детерминации познания, причем выделяющиеся среди других высокой эффективностью одновременного воздействия на предельно широкую аудиторию (в этом смысле их можно считать универсальными).

Гораздо более специализированный канал, быстро развивающийся в наше время, но пока сохраняющий принципиальное ограничение доступа к информации, - базы данных ЭВМ. Прогресс электронной вычислительной техники обещает кардинально изменить это положение. Создание персонального компьютера открыло период революционных изменений в информационной технике и технологии. Особые надежды возлагаются на реализацию проекта ЭВМ пятого поколения. Когда персональный компьютер сможет в достаточной мере работать в интерактивном, диалоговом режиме, его социальная роль (связанная прежде всего именно с расширением человеческих возможностей познания и творческой

деятельности) неизмеримо возрастет.

Особый аспект проблемы представляет собой вопрос о каналах социальной детерминации познания в науке /5/. Наряду с соображениями общетеософического характера здесь необходимо учитывать и ряд дополнительных моментов, диктуемых спецификой научного труда и системы научного знания, особенностями науки как формы общественного сознания и относительно самостоятельного социального института.

В целом проблема информационных каналов социальной детерминации познания должна рассматриваться в широком философско-мировоззренческом и социокультурном контексте.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.
2. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. — Философские науки, 1977, № 5.
3. Ребане Я.К. Социальная детерминация познания: комплексная проблема исследования. — Общественные науки, 1980, № 4.
4. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. — Вопросы философии, 1982, № 8.
5. Ребане Я.К. Социальная детерминация научного познания. — В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. Диалектика — мировоззрение и методология современного естествознания. М.: Наука, 1983.
6. Семенюк Э.П. Информационный подход к познанию в современной науке и информатика. — Научно-техническая информация, сер. 2, 1977, № 5.
7. Колватов В.А. Социальная память и познание. — М.: Мысль, 1984.
8. Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. — М.: Наука, 1982.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

М.Ф. Сергина, Б.А. Смагин (Калининград)

1. В социальной гносеологии ясно прослеживаются две линии, два направления при подходе к исследованию типологии социальной детерминации: логический и аксиологический. Первый из них в основу типологии социальной детерминации познания кладет логико-конструктивные или содержательные критерии, согласно которым источники детерминации обусловлены действием законов формальной логики или лингвистики. Второе направление кладет в основу типологии ценностно-прагматический признак, согласно которому процесс отражения осуществляется в неразрывном единстве мысли и слова, мышления и речи, практики и познания. Взаимосвязь этих направлений находит свое выражение, например, в своеобразии оценочных суждений, которое состоит и в модификации самого понятия истины. Одновременно остается закономерным вопрос, каким образом социально-значимое, ценностное в единстве с логическим определяют единый процесс формирования и развития научного познания.

Известно, что отражение не может быть абсолютно точным, абсолютно адекватным, поскольку явление и сущность не совпадают. Субъект, целью деятельности которого является постижение истины, может быть и возможным источником заблуждений в познании. Ф. Энгельс отмечал, что "... суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное права на истину, — в ряде относительных заблуждений". /I, с. 87/. К тому же в исторической перспективе субъект обладает неограниченными возможностями познания, с одной стороны, а с другой — ограничен на каждом конкретно-историческом этапе своего развития. "Мы можем познавать только при данных нашей эпохи условиях и лишь настолько, насколько эти условия позволяют". /I, с. 556/.

2. Своеобразная совокупность указанных направлений ти-

пологии социальной детерминации представлена в концепции "социальной памяти" Я.К. Ребане определяющую одновременно и рамки, и границы научного поиска и обеспечивающую, с другой стороны, единство различных видов духовного "освоения" действительности.

Само понятие "освоение", как известно, пришло из "Экономических рукописей 1857-1859 годов" К. Маркса (см. II, ч. I, с. 37-38) и заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, понятие "освоение" шире понятия "познание". В некотором смысле само познание есть форма освоения мира. Познать — значит и освоить. С другой стороны, не всякое освоение действительности есть познание. Например, мифология и религия — формы освоения, но познание в них не является определяющим элементом. В данном случае понятие "отражение" включает в себя познание как одну из своих форм. Представляется бесспорным, что познание не только необходимый, но и главный элемент духовного "освоения". Во-вторых, в понятии "освоение" К. Маркс обозначает как бы два полюса освоения мира — практически-предметный и чисто духовный, теоретический, в силу чего практически-духовное освоение (к нему Маркс относит искусство, религию, мифологию) как бы заполняет пространство между полюсами и обладает внутренней градацией, приближаясь то к практически-предметному, то к духовно-теоретическому, то занимает промежуточное положение и тем самым обеспечивает многообразие духовно-практических форм освоения действительности. В-третьих, понятие "освоение" отражает именно целостное восприятие феномена познавательной деятельности, ибо очевидно, что человеческое сознание не может осваивать свой предмет односторонне. Познание целостно как целостно само человеческое сознание.

3. На основе имеющихся направлений типологии нам представляется возможным дифференцировать социальную детерминацию по степени истинности или искаженности отражаемой действительности. Например, какой степенью истинности или искажения действительности обладают современная фантазия, научные, ненаучные, наукообразные мифы, правдоподобные гипотезы, или научные утопии и заблуждения. И каковы факторы, детерминирующие эти процессы. Если взять к примеру современной натур-

философский миф, то он обладает рядом особенностей. Прежде всего, он основан не столько на вере, сколько на знании и апеллирует к науке. Далее, современный миф рождается при наличии развитых специализированных форм интеллектуальной и познавательной деятельности — науки и искусства — отражающих и творческое начало, и общую природу возникновения. Наконец, современный миф рождается вырастая из научного знания в той его области, где точное знание кончается, т.е. в области гипотез, догадок, сомнений, направляется не наукой и искусством, а потребностями обыденного сознания в целостной картине окружающего мира. В тому же современный миф рождается не просто при содействии, а в недрах науки и искусства, с которыми вступает в сложные взаимоотношения, обладая относительной самостоятельностью, что выражается в состоянии борьбы науки с мифом. Например, так называемая "космическая мифология" оказывает определенное влияние на обыденное сознание людей, у которых складывается определенная убежденность, ценностная ориентация. И, несмотря на доказанную современной наукой иллюзорность, мифы ориентируют научное познание, надеясь стать подтвержденными.

4. Разработка типологии социальной детерминации познания представляется плодотворной и по определению критериев, лежащих в основе ценностных установок, и по сопоставлению конечных выводов с исходными посылками, которые должны быть четко определены. Следует уделить внимание и вопросу выявления путей и источников ее формирования, так как и логика мышления, и господствующие в обществе ценности, как правило, полностью не осознаются, исторически меняются, т.е. составляют некий "инвариантный" аспект в содержательном мышлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 87, 556.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 37-38.

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

А.И. Трубенко (Киев)

1. В условиях родового строя еще отсутствует расчленение жизни людей (и духовной в том числе) на общественную и индивидуальную. Здесь единственным субъектом выступает социальный субъект, т.е. весь род в целом, а каждый индивид является представителем рода и осознает себя в качестве такового. Он не фиксирует себя как особого социального индивида, субъекта внутри своего рода /1/. Синкретизм рода и индивида нашел свое адекватное отражение в исторически первом типе мировоззрения — мифологии.

2. Смена родо-племенных связей и отношений классовыми, сопровождающаяся дифференциацией общественного производства, отделением ремесла от земледелия, выделением в особую форму деятельности торговли, положили начало расчленению первобытно-коллективистского сознания на индивидуальное и общественное, отношение между которыми обрело характер отчуждения. Отношения отчуждения утвердили религиозную форму всякого мировоззрения, и, в том числе, философского /2/. Религиозная форма мировоззрения лишь перевернула складывавшиеся отношения: человеческое, общественное обрело в ней вид сверхчеловеческого, сверхобщественного, а потому и сверхприродного.

3. На первоначальной стадии своего развития общественное сознание классово-дифференцированного общества выступало в докритической форме. Оно еще не обрело статус самосознания, а по отношению к сознанию новой личности оно выступало неким потусторонним объективным духом, атрибутами которого были неизменный мир идей и мировой разум, сообщающий этим идеям порядок и смысл /3/. В силу своей отчужденности и постоянно-го воздействия на индивидуальное сознание мировой дух носил демиургический характер. Первую сознательную проекцию мирового духа на индивидуальное сознание осуществили Сократ и Платон. Она выглядела в форме разумной способности философ-

ствования в рамках этого вечного мира идей и по поводу его.

4. В средневековых учениях опровергалась возможность философствования по поводу невидимого, незримого, сверхчувственного мира, т.к. он является божественным. Философствование осуществляется лишь по поводу "проявлений" бога. В рамках средневекового мировоззрения допускались разумные суждения и оценки лишь относительно "града земного" (Августин) или "царства земного" (Аквинат) и соответствующих им духовных ценностей. Что же касалось "града" ("царства") "небесного", то для него "нет разумения" /4/. Первоначальный божественный мир не может быть постигнут ни знанием, ни разумом, ни интеллектом. Он открывается только верой /5/.

5. Дальнейший процесс социальной индивидуализации обобществления индивидов способствовал упразднению раздвоения между "градом небесным" и "градом земным" и помогал осознанию человеком общественных связей и отношений (и духовных в том числе) не как чего-то внешнего, чуждого, "иного вообще", а как "своего-иного", которое в превращенной индивидуальной форме выступает уже не показателем ограниченности человека, а является способностью "преодолевать трудное и темное в природе" /6/. При этом изменились традиционные роль и функция метафизики как учения о высших божественных духовных ценностях. Если прежняя метафизика выполняла исключительно объясняющую функцию: она "научала" размышлять о вечном мире идей (Сократ, Платон) или верить в бога (средневековье), то новая метафизика постепенно обрела логико-познавательную функцию, что вело к упразднению религиозно-теологической формы философии, выполнявшей традиционно агностицизирующую функцию /7/.

6. Впервые И. Кант предпринимает попытку осмыслить метафизическое знание как сознание наиндивидуального - трансцендентального субъекта. Однако и этот тип сознания - субъекта рассматривался половинчато, как полусубъект-сознание, т.к. он лишен самостоятельности. Его действительной формой проявления продолжал оставаться индивидуальный эмпирический субъект с адекватными метафизическими способностями - продуктивного восприятия и синтетических суждений априори.

7. Фихте, в отличие от Канта, будучи последовательным

субъективным идеалистом, снимает дуализм между индивидуальным и трансцендентальным субъектами и обосновывает понятие абсолютного Я (человечества) как гипертрофированного индивидуального Я, которое само создает объективные условия, определяющие его развитие.

8. Напротив, Шеллинг и особенно Гегель попытались разрешить кантовский дуализм между трансцендентальным и индивидуальным субъектами не путем отбрасывания и пренебрежения индивидуальным субъектом, а путем развития этих понятий и рассмотрения их в единстве. У них идея трансцендентального субъекта разрабатывалась на принципиально иной — исторической основе. Выход за рамки "гносеологизма" позволил Гегелю расширить понятие трансцендентального субъекта до абсолютного субъекта, а неприятие "теологизма" обернулось утверждением "историзма", правда абстрактного.

История у Гегеля находилась по ту сторону материального производства, а материальное производство редуцировалось к духовному (ведь он, как указывал Маркс, признавал лишь один вид труда, именно абстрактно-духовный труд). Поэтому он не снял провиденциализма в отношении между общественным и индивидуальным сознанием. Провиденциализм выступал по сути теоретической основой религиозного мировоззрения, против которого с самого начала боролся Гегель, введя в философию принцип "историзма".

9. Принцип провиденциализма и базирующееся на нем превратное религиозное мировоззрение впервые были упразднены на научной основе К. Марксом и Ф. Энгельсом. Поскольку и история и материальное производство начали рассматриваться ими как мир человека и сам человек предстал как "мир человека, государство, общество", то это дало основание рассматривать общественное сознание не как некий демиург, внешнюю необходимость, диктующую человеку его волю, мышление, поведение, а как его внутреннюю необходимость и содержание, его сущность.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. См.: Скворцов Л.В. Субъект истории и социальное самосознание. М., 1983, с. 25–26.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 18.

3. Платон. Тимей, 29 в.
4. Антология мировой философии в 4-х томах. Т. I, М., 1969, с. 609.
5. См.: Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное: античность, средневековье. - Вопросы философии. 1982, № 9, с. II2.
6. Бакон Ф. Соч. в 2-х томах. Т. I, М., 1977, с. 73.
7. См.: Соколов В.В. Традиционное и новаторское в философии 17 в. - Вопросы философии. 1979, № 8, с. 135.

СПОР ЭПОХИ О ЯЗЫКЕ В РЯДУ ВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ ФАКТОРОВ НА ФИЛОСОФИЮ

А.В. Ужогов (Новочеркасск)

I. Язык суть эпифеномен культуры, социальной истории. Последняя выступает как пространство сочленений явлений, фактов и их оговариваний. Без оговаривания и спора внутри него, в котором участвуют интересы, цели, общественные вкусы, традиции настроения - словом, интенции сознания - нет актуального факта истории. Даже такая строгая вещь как орудие труда, за которым стоит сугубо природой и мастерством обусловленная технологическая норма, социально обмысленна и означенна. Само начало истории отмечается тем, что все производственные навыки замкнуты на группу божественных имен и распределены между ними, скрепляясь в целостную систему социального кодирования. Отношение к орудиям труда опосредуется членением навыков в языке. Имена богов - кровных родственников функционируют как знаки, кристаллизуя в знаковой форме память о необходимых навыках.

Благодаря интенциональности, которая есть не что иное как семантическая и прагматическая соотнесенности, язык "конституирует общество как общность действий в виде общности коммуникации" /I, IOO/. Существенна не вещь сама по себе (независимая от всех возможных обстоятельств), а тот конкретный знак, под который она подводится "здесь" и "теперь"

в сознании человека. В этом ситуативном значении заключен ее собственный исторический смысл, в нем ее собственная "история". Она (вещь) суть со-бытие, т.е. нечто коррелирующее с миром сознания человека, и в этом смысле — соотношение, всегда открытое для новых вхождений сознания. Таким образом связь языка и культуры, социальной истории можно определить так: "истории", как рамки, дающие возможность вхождений и значений, и язык, как прагматический способ образования, передачи и изменения значений, необходимо связаны между собой, взаимно предусматривают друг друга и согласовывают свои функции" /1, 94/. Такой поворот, кстати, позволяет интерпретировать и изучать культуру в виде суммы "вероятностей ассоциаций между элементами того или иного набора культурем, взвешенных по степени их оригинальности" /2, 51-52/.

2. Вещи и явления, образующие системы релевантностей, располагаются в них наподобие слов в предложении (и предложениях в тексте). Вопрос о том, "как люди, обживая единый объективный мир, порождают в то же время отличные социальные миры", приобретает иное, аутентичное выражение, а именно: "как люди, имеющие общие объекты высказывания, строят при этом разные языковые коды и сообщения". Наиболее очевидно языковая функция вещи проявляет себя в статусном типе поведения в культуре, когда именем используемой вещи измеряется социальный ранг потребителя. Отношение к вещи определяется тем, признают или не признают ее в кругу "конгениальных" друг другу людей. Слово остается мифологемой. Означаемое понятие совершенно лишено самоценного значения. В газете, скажем, важна не объективность изложения, а употребленная в ней символика, расклад привычных, уже понятных, изначально оцененных имен. Вся объективная история укладывается в словарь и грамматику облюбованного языка (то, чего в них нет, того нет и в действительной истории).

3. Речь идет о институциональных определениях реальной действительности. В условиях разделения труда последняя может определяться лишь средствами дифференцированного языка. Система, к примеру, научных понятий описывает вокруг ученых такой безусловный круг, очерчиваемая коим реальность — "действительна" и "истинная", и если из него выходить, то,

значит, порывать и с "действительностью". Бытовое сознание, религиозное, поэтическое и т.д. — это для уверовавшего в праведность науки, жизнь не по истине.

Совокупность единообразных оценочных критериев делает разделяющих их членов сообщества языковым коллективом. Это единство гарантирует выполнение институциональной задачи. Но даже в науке предустановленные нормы выполняются лишь "более или менее": успешное действие в конкретных ситуациях требует "девиантных" мер (М. Малкей). Универсалистские требования к единому поведению оказываются "социологически проблематичными", и мы видим, как в рамках науки идет спор по поводу "согласованности с наблюдениями" "строгости объяснения", "предсказуемости" и т.д. Наука вырабатывает "метафизику", главной идеей которой становится демаркация с другими формами духа (см. 3, 23). Она ведет спор о языке в рамках данной духовной ситуации.

Спор о языке есть характерная черта самосознания любого языкового коллектива. Направляющей этого спора выступает стремление коллектива к самоидентификации, которое имеет два важных для культуры следствия: 1) уяснение им функциональной и социальной сущности на основе критики его другим конкурирующим институтом, 2) критический пафос, доходящий до критцизма, когда в порыве самоопределения рождается мелкая философия на глубоком месте, культовое представление о самом себе.

4. Философия сама суть сфера духовной деятельности и также принимает участие в споре о языке. В отличие от партнеров, однако, она есть метаязык. Язык вторичных знаковых систем это объективный язык, над которым она надстраивается с целью тотального отображения самосознания своего времени. С этой точки зрения показателен пример марксовской рецепции языка в ходе эволюции навстречу новому учению. Восприимчивость Маркса к событиям, критическая позиция к социальным институтам открывали для него живую функцию в философии: "... всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени" /4, 105/. Именно это понимание подвигало его к всестороннему изучению сознания посредством широкого практического общения с миром. Разбор его коммуникативного пове-

дения дает ключ к его научной биографии. Достаточно очевидна, например, связь между неприятием практического поведения "членов" "святого семейства" и теоретическим преодолением их "христианско-германского принципа" в философии, "творившего мир из спекулятивной диалектики" /5, 59/.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Шмидт Зигфрид Й. "Текст" и "история" как базовые категории. — В кн.: "Новое в зарубежной лингвистике", вып. УШ. М., 1978.
2. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
3. Никифоров А. От формальной логики к истории науки. М., 1983.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд., т. I.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд., т. 2.

II. СЕКЦИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ (ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ)

О ТИПАХ И МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

И.С. Алексеев (Москва)

Уже сама постановка проблемы социальной детерминации познания содержит в себе ее абстрактное решение: определенность бытия познания детерминируется, определяется социальным. Дальнейшая конкретизация решения, очевидно, должна заключаться в выяснении того, как осуществляется эта детерминация, т.е. в выявлении различных типов и разновидностей и раскрытии механизмов определяющего влияния социального на познание. Конкретизация эта существенно зависит от того, как понимается социальное, как трактуется детерминация и как понимается познание — в зависимости от различных способов концептуализации социального, детерминации и познания исследователь получит разные видения и модели социальной детерминации познания.

Социальное, как показывает практика словоупотребления, может пониматься минимум в трех смыслах. Представляется, что главным из них является общение индивидов, межиндивидуальное. Как писал Маркс, "... в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т.д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как

воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами — их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства" /1/.

Второй смысл социального (общественного, коллективного) акцентирует внимание на надиндивидуальном, безличном, внешнем по отношению к индивидам и самостоятельном по отношению к ним: "... общественная связь, возникающая в результате столкновения независимых индивидов, выступает по отношению к ним одновременно и как вещная необходимость, и как чисто внешняя связь..." /2/. "Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное" /3/. В этом смысле социальные представляют такие понятия, как государство, базис, надстройка, социальный институт и т.п. Именно в этом смысле о развитии общества (социального) можно говорить как о естественно-историческом процессе. Иногда такой надиндивидуальный смысл социального обозначается термином "социетальный".

Наконец, третий смысл социального ограничивает его сферой отдельного индивида — внутрииндивидуального как по происхождению, так и по способу своего бытия также является социальным. В этом смысле индивид представляет собой своеобразный уникальный "микросоциум": "Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления его жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни" /4/.

Все три смысла социального можно объединить в один сложный смысл с помощью представления о трех уровнях социального — индивидуальном, межиндивидуальном и надиндивидуальном. Эти уровни взаимосвязаны и не существуют друг без друга, но их различение позволяет более конкретно подойти к обсуждению самых разнообразных проблем, в том числе и к проблеме социальной детерминации познания. Действительно, если учесть, что само познание по своей природе представляет собой социальное — специфическую сферу социальной деятельности, имеющую целью и функцией производство специфического продукта — знания, то в нем также можно и нужно выделить три уровня со-

циальности, указанные выше. Далее, имея в виду, что детерминация может осуществляться в двух формах /5/, пассивной и активной (которые лучше именовать, соответственно, как порождающую и ограничивающую), то в социальной детерминации

познания сразу же выделяются следующие типы:

1. Детерминация индивидуального межиндивидуальным и обратная ей по направленности детерминация межиндивидуального индивидуальным.

2. Детерминация наиндивидуального межиндивидуальным и обратная по направленности детерминация межиндивидуального наиндивидуальным.

3. Детерминация наиндивидуального индивидуальным и наоборот. Каждый из этих типов социальной детерминации познания может осуществляться в двух формах – порождающей и ограничивающей.

Разумеется, предложенная типология социальной детерминации познания все еще является чрезмерно абстрактной, но от нее можно идти дальше по пути восхождения от абстрактного к конкретному, вовлекая в рассмотрение и теоретически упорядочивая все новые и новые подробности реального процесса социальной детерминации познания, поставляемые рефлексивным осознанием интуитивно констатируемых особенностей этого процесса. Восхождение это потенциально бесконечно в силу неисчерпаемости социального в его реальном бытии.

В качестве первого шага на пути конкретизации типологии социальной детерминации познания можно указать, что из трех выделенных выше уровней социального следует выделить ведущий, фундаментальный. Согласно историко-материалистическим представлениям, генетически (исторически) исходным является уровень межиндивидуального – именно здесь формируется как сама человеческая индивидуальность, так и образуются впоследствии отчуждаемые и приобретающие наиндивидуальный характер образования. Исследование конкретных механизмов порождения индивидуального и наиндивидуального межиндивидуальным необходимо предполагает учет разнообразных посредников межиндивидуального общения – для социальной детерминации познания сюда в первую очередь относятся язык, логика, орудия производства.

Не лишним будет явно отметить то, что всюду выше не всегда явно высказывалось: социальность может пониматься во всех своих аспектах и на всех уровнях только как деятельность. При этом решающую роль играет различение живой и опредмеченной в своих продуктах деятельности /6/. Учет внутреннего строения деятельности позволяет более конкретно выявить механизмы социальной детерминации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. М Ч.П. М., 1980, с. 224.
2. Там же, с. 453.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 83.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 590.
5. Алексеев И.О. Индивидуальное и надиндивидуальное в социальной детерминации науки. - "Социальная детерминация познания", Тарту, 1982, с. 74.
6. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1982.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ

А.И. Алешин (Москва)

I. Цель выступления - характеристика отношения методологических исследований науки и ее анализа в качестве социокультурного феномена. Для того, чтобы определить место и значение методологических исследований науки в анализе проблемы социальной детерминации познания необходимо обратить внимание прежде всего на рефлексивный характер методологического знания.

Поскольку научное исследование включает в себя с необходимостью ту или иную степень осознания собственного содержания, поскольку оно преследует определенные цели, так или иначе мотивировано, постольку рефлексивный аспект познания дан (субъективно) в качестве его условия. Не отклоняя по тем или иным соображениям этой данности (рефлексия как условие деятельности), мы можем сформулировать ряд вопросов, требующих прояснения.

2. Во-вторых, если рефлексивный аспект является для самого субъекта условием реализации процесса исследования, то можно ли поставить качество (эффективность) научного исследования в зависимость от качества (полноты и адекватности) рефлексивных представлений? Традиционный положительный ответ на этот вопрос одновременно предполагает оправданность и необходимость систематической разработки учения о методе (системе методов) научного исследования и, как следствие этого, построение целостного (рефлексивного) образа науки.

Во-вторых, какой точный смысл можно вложить в интуитивно принимаемое утверждение об адекватности или неадекватности рефлексивных представлений самому научному исследованию? Вероятно, в традиционной постановке вопроса это проблематика истинного метода.

В-третьих, если рефлексивные представления стремятся к адекватному восприятию смысла и значения познавательных процедур, то их установление предполагается тем самым до и независимо от рефлексивной деятельности. Как же устанавливается такой смысл, который стремится точно воспроизвести рефлексивное сознание?

В-четвертых, если совокупности результатов деятельности рефлексии мы стремимся придать теоретическую форму, т.е. организовать их в логически системное представление, то несколько оправдано наше очередное допущение, что отвечающая рефлексивным представлениям совокупность установившихся смыслов и значений, присущих процедурам, методам, элементам и пр. предметного исследования, характеризуется объективной согласованностью и непротиворечивостью?

3. Я думаю, что ответ на первый вопрос не может иметь однозначного характера. Свидетельство тому — многочисленные

примеры из истории науки. Тем не менее, та же история науки свидетельствует о ценности исследований метода научного познания. Что касается проблемы адекватности рефлексивных представлений относительно познавательных процедур, то она, как правило, решается с учетом ее эффективности в процессах приращения и обогащения знания, его оптимизации. При ответе на третий вопрос обычно подчеркивается важность практических аспектов познавательной деятельности, ответственных за формирование соответствующих норм, установок и онтологических допущений, нередко обозначаемых в своей совокупности в качестве "неявного" знания. И наконец, при ответе на последний вопрос теоретическую форму, которую способно принять методологическое сознание, рассматривают в качестве идеализации реальной познавательной практики и тем самым признают более или менее сильный характер допущения о согласованности и непротиворечивости реальной познавательной деятельности.

4. Все это дает основание для особой оценки методологического сознания и его разнообразных рационализаций (теоретических схем познавательной деятельности, моделей науки в целом и т.п.). Вовлеченность методологического сознания в реальную познавательную деятельность, выполняемые им функции придают методологическому знанию своеобразный характер. Методологическое знание целесообразно рассматривать как такой способ систематического восприятия науки и научно-познавательной деятельности, который служит цели ее воспроизводства, культивирования в ней определенных (исторически изменчивых) традиций, норм, ценностей, идеалов и т.п. Таким образом, в решающем отношении методологические образы науки исходят и в своем содержании определяются способом употребления и применения сознания, способом его функционирования в системе научно-познавательной деятельности и, следовательно, способом данности последней сознанию.

5. Одним из наиболее важных направлений в исследовании социальной детерминации познания является анализ и своеобразная реконструкция мысленных образований (совокупностей вырабатываемых смыслов, а также "очевидностей" и установок) методологического сознания, т.е. того, что выше обозначалось

как способ данности научной деятельности сознанию исследователя. Именно поэтому по возможности полная и детальная реконструкция этих исторически различающихся способов данности сознанию науки и научной деятельности можно рассматривать и как критерий наших успехов в понимании науки в качестве определенного феномена социокультурной природы. В значительной степени именно методологическое сознание и в первую очередь присущие ему коллизии должны явиться тем материалом, анализ которого будет способствовать формированию диалектико-материалистической концепции в этой новой и важной области исследований науки.

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Е.Д. Бляхер, Л.М. Волинская (Душанбе)

I. Одной из форм социокультурной детерминации развития естествознания является взаимодействие между системами идеализаций, на которых основывается мысленный эксперимент в науке, и идеализациями, при посредстве которых человечество осваивает свое социокультурное бытие. Особенность этого взаимодействия состоит в том, что оно может реализоваться лишь в том случае, если как естественнонаучные, так и социокультурные идеализации предварительно пройдут через проблемное поле, лежащее между ними, в котором они принимают форму, позволяющую сопоставить их друг с другом в ходе мысленного эксперимента. Благодаря этому оказывается возможной социокультурная ассимиляция естественнонаучных идеализаций и естественнонаучная — социокультурных. В качестве такого проблемного поля выступает научная картина мира (НКМ), и, проходя через него, эти две системы идеализаций интерферируют, в зависимости от обстоятельств усиливая либо гася друг друга. Те из идеализаций, которые подверглись усилению, образуют выделенную систему, функция которой состоит в том, что, оказываясь релевантным как естественнонаучному, так и социо-

культурному познанию, они выступают в качестве всеобщей эвристики, и, следовательно, выказывают претензии на представительство "мира-в-целом". Именно поэтому НКМ, складываясь из идеализаций одной науки, создает не интегральный образ позитивных утверждений данной науки, а интегральный образ "мира" постигаемого через относительно ограниченный и легко обозримый набор идеализаций этой (базисной) науки. В НКМ, значит, сосредотачиваются, сталкиваясь в напряженном, обостренном противоречии, познавательные коллизии, характерные для данного исторического этапа естественнонаучного познания. Противоречивость познания, снятую в теории, НКМ восстанавливает и, главное, приводит в явную форму.

2. НКМ работает как в естественнонаучном познании, так и в социокультурном освоении мира в силу того, что она репрезентирует "мир" в обеих этих сферах, обуславливая ход мысленного эксперимента. В естественнонаучной сфере она унифицирует систему исходных идеализаций, распространяя выделенные идеализации (которые принимают на себя роль фундаментальных идеализаций НКМ) на все расширяющийся спектр научных теорий в качестве их основания, способствуя соответствующему преобразованию форм теорий и созданию концептуально-теоретических систем. В социокультурной сфере она осуществляет культурную означенность этих идеализаций и превращает их в своего рода культурный образец, всеобщую норму. Благодаря такой репрезентации выделенные идеализации, "подтверждаясь" как в сфере науки, так и в социокультурной сфере, становятся утверждениями "здорового смысла" эпохи, Общей картиной "мира".

3. Здесь необходимо уточнить: НКМ существует не столько в текстах научных теорий (и, соответственно, извлекается не столько из них), сколько в текстах, отражающих культурную освоенность научных теорий, в текстах, играющих майевтическую роль по отношению к науке. Таковы — "Диалоги" Галилея и им подобные сочинения, Нобелевские выступления крупнейших ученых, их научные биографии и автобиографии и т.д. То, что такие тексты нередко носят популярный характер, не лишает их научного значения, т.к. именно в них эксплицируются исходные идеализации научного мысленного эксперимента, тогда как в

собственно-научных текстах (научных теориях) они заложены в неявной форме. Мысленное экспериментирование с социокультурно освоенной системой научных идеализаций — важный структурообразующий элемент становления парадигмальных систем естествознания.

Пока оказывается возможным мысленное экспериментирование с выделенной системой идеализаций, НКМ эффективно выполняет функции всеобщей эвристики. Когда же (и в той мере, как) совпадение естественнонаучных и социокультурных идеализаций разрушается, НКМ, будучи уже ставшим, реализованным концептуальным образованием, догматизирует утратившие актуальность представления и тем самым превращается в анти-эвристику.

4. Сложность этого процесса, однако, состоит в том, что сложившаяся НКМ может сохранять (и даже активно реализовать) эвристические функции в одних областях науки или культуры и утратить их по отношению к другим. Переплетение эвристических и анти-эвристических функций приводит к тому, что в проблемном поле НКМ сталкиваются истинные проблемы с псевдопроблемами, и в этом столкновении складываются и нередко укореняются гносеологические мифы.

В самой общей форме действие рассмотренной детерминации может на наш взгляд, получить следующую формулировку.

4.1. В период становления НКМ как всеобщей эвристики она реализует и универсализирует выделенную систему научных и социокультурных идеализаций, втягивает обе сферы в рамки общего культурного образца, что, в частности, проявляется как осознание естествознанием общественно-культурных потребностей и запросов и поиск ответов на них в материале и организованностях самой естественной науки.

4.2. На этапе сложившейся и откристаллизовавшейся НКМ, когда (и поскольку) унификация уже достигнута, НКМ утрачивает функции эвристики по отношению к наиболее подвинутым областям базовой науки, но сохраняет эвристическую роль по отношению к областям, на которые распространяются выделенные идеализации и переносится тип организованностей, характерный для базовой науки. В социокультурной сфере работа НКМ проявляется в организации социального и культурного контекста науки, формируя ее культурно-освоенный образ, социальные

ожидания, приток новых сил, величину ассигнований, признаваемых социально-оправданными, отчасти — формы подготовки кадров и разделения труда.

4.3. Разрушение совпадения возможно в двух случаях, получающих место совместно или порознь: а) когда выделенные идеализации полностью проигрывают свои потенции и в ходе дальнейшего развития науки приходят к самоотрицанию; и б) когда и поскольку происходит изменение культурных образцов либо социальных норм. В обоих случаях выделенные идеализации, основывающие НКМ, утрачивают характер воплощения "здорового смысла" и перестают репрезентировать "мир-в-целом", хотя и по-прежнему выказывают эту претензию. Тогда, в случае "а", НКМ превращается в антиэвристику по отношению к базовой науке, хотя и сохраняет отдельные элементы эвристичности на периферии. В случае "б" утрачивается культурная освоенность науки, она перестает удовлетворять социальным ожиданиям, а ее выделенные идеализации становятся инструментальным достоянием только принявшего их научного сообщества. Эти обстоятельства стимулируют культурную изоляцию науки и могут способствовать возникновению контрнаучных общественных движений, сложению идейной обстановки критики науки и антиинтеллектуализма.

В отношении физической картины мира, как наиболее подвинутой из НКМ, сегодня получают место оба дестабилизирующие фактора.

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

М.С. Бургин, В.И. Кузнецов (Киев)

Так как наука является формой общественного сознания, то для понимания закономерностей ее развития необходим анализ различных (в том числе и социальных) факторов. В силу их многообразия и сложности самой науки этот анализ будет более точным и эффективным при его осуществлении на основе диф-

ференцированного представления научного знания, учитывающего его системную природу. Определенные возможности для этого дает структурно-номинативная модель науки как концептуальной системы /1/.

В рамках этой модели любая научная дисциплина анализируется в качестве сложной, разветвленной, иерархически организованной системы с большим числом подсистем. Они выполняют различные функции как внутри конкретной дисциплины, так и в процессе ее практического применения. Эти подсистемы могут выделяться и по функциональным, и по структурным признакам. На верхнем уровне иерархии выделяются следующие подсистемы: логико-лингвистическая, модельно-репрезентативная, прагматико-процедурная, проблемно-эвристическая, а также подсистема связей между первыми четырьмя подсистемами. В свою очередь, каждая из этих подсистем состоит из системных компонентов, имеющих внутри нее различные уровни иерархии.

Так, уровни логико-лингвистической подсистемы сопоставляются с совокупностью понятий, определений, символов и обозначений, из которых образуются алфавиты языков данной дисциплины; с набором правил построения языков из элементов алфавитов; с семейством языков; с логическими исчислениями и т.д.

Важную роль в любой научной дисциплине играет ее модельно-репрезентативная подсистема. Это обусловлено тем, что она имеет определенную область применения, которую образуют реальные объекты и явления. Сами эти сущности не входят в дисциплину как концептуальную систему, хотя и представляются в ней. Их представление и осуществляется с помощью модельно-репрезентативной подсистемы. С ее различными уровнями связываются экспериментальные модели, отображающие полученную без использования данной дисциплины информацию об изучаемых явлениях; полные модели, для описания которых применяется логико-лингвистическая подсистема данной дисциплины; собственно модели, для которых считаются выполненными законы данной дисциплины; ограничения; принципы инвариантности и т.д.

Прагматико-процедурная подсистема обеспечивает разнообразие аспекты технологии внутреннего развертывания и практического применения научного знания. В ее подсистемы входят

практико-процедурная и теоретико-процедурная семантики, посредством которых оцениваются возможности, соответственно, практической и теоретической реализуемости той или иной процедуры или операции.

Проблемно-эвристическая подсистема включает те стороны научной дисциплины, которые связаны с получением нового знания и, как правило, реализуются с помощью постановки и решения познавательных и практических задач. С ее различными уровнями связываются: совокупности решенных и нерешенных задач; эвристические методы их решения; некоторые парадигматические проблемы и их решения и т.д.

Все эти подсистемы взаимозависимы и предполагают друг друга. Однако в конкретных дисциплинах наибольшее развитие получают только некоторые из них. Отразить этот и другие аспекты отношений между подсистемами позволяет выделение и анализ системы связей между ними.

Подобный анализ системной природы любой научной дисциплины служит содержательной основой для построения с помощью теории именованных множеств /2/ структурно-номинативной модели научного знания /1/. Эта модель объединяет, дополняет и развивает положительные стороны основных направлений в точной реконструкции научного знания. В ее рамках возможен конкретный и в то же время более точный анализ социальной детерминации научного знания, его формообразований и их развития.

Так, существенным компонентом логико-лингвистических подсистем зрелых научных дисциплин являются логические исчисления (формальные, дедуктивные системы). Исторической основой их возникновения и конституирования послужила обусловленная социально-экономическими особенностями античного полиса (рабовладельческая демократия с ее институтами типа народного собрания, публичного суда) потребность в таком изложении аргументов, которое могло бы убедить свободных граждан в необходимости определенных решений или действий /3/.

Напротив, в Древнем Египте, Шумере и Вавилоне на первый план выдвинулась необходимость разработки практических процедур счета, измерения и т.д., обусловленная масштабами государственной и хозяйственной деятельности (сбор налогов,

распределение земельных участков и т.д.). В результате в этих государствах наивысшее на то время развитие получили компоненты прагматико-процедурной подсистемы.

Яркий пример взаимодействия социальных факторов и их влияния на развитие модельно-репрезентативной подсистемы дает история астрономии. В период возникновения науки Нового времени религиозная идеология закрепляла в качестве истинной модели мироздания геоцентрическую систему и связанные с ней подсистемы знания. В то же время зарождавшееся капиталистическое общество требовало построения моделей реальности, на основе которых было бы возможно практическое использование законов природы. Одной из таких моделей и оказалась гелиоцентрическая система.

Отметим некоторые особенности социальной детерминации научного знания. Во-первых, формообразования знания, возникшие на некотором этапе его развития под несомненным влиянием социальных запросов и доказавшие свою эффективность и необходимость, в дальнейшем начинают осознаваться в качестве внутренние присущих любым его позднейшим системам. Во-вторых, социальные факторы различной природы (например, идеологической и экономической) могут вступать в объективное противоречие, когда одни из них требуют закрепления, а другие — разрушения существующих систем знания. В-третьих, социальная детерминация знания разворачивается на фоне единства двух диалектически противоположных тенденций: усиления и ослабления степени опосредованности влияния социальных факторов. В историческом плане первое характерно для логико-лингвистической, а второе — для прагматико-процедурной и проблемно-эвристической подсистем научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- И. Бургин М.С., Кузнецов В.И. Системные реконструкции научных теорий и теория именованных множеств. — Теория, методология и практика системных исследований. Всесоюзная конференция. Секция I. Тезисы докладов. — М.: 1984, с. 129-132.

2. Бургин М.С. Именованные множества и представление информации. – УП Всесоюзная конференция по математической логике. Новосибирск, 1984, с. 25.
3. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. – М.: Прогресс, 1983.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ НАУКИ

Р.А. Вихалемм (Тарту)

В данном докладе мы будем рассматривать вопрос о совпадении рациональной реконструкции истории науки с анализом социальной детерминации ее (науки) развития.

Известно, что в зарубежной литературе по методологии истории науки идет дискуссия между "экстерналистами" и "интерналистами" (см., напр.: /6/, /7/, /10/). Начиная с работ И. Лакатоша (см. /9/ и др.) в этой дискуссии участвуют и "философы науки", связывающие интерналистскую концепцию с программой "рациональной реконструкции" истории науки (см., напр., наш анализ этого вопроса /2/, /3/, /4/). В советской литературе можно указать на точку зрения Б.С. Грязнова /5/, согласно которой тоже рациональная реконструкция истории науки – это выяснение внутренней детерминации истории научного знания, а анализ социальной детерминации развития науки – это тоже вполне рациональная задача, но вовсе не задача истории науки, ибо его объект, несмотря на анализ прошлого, совсем другой – наука как социальный институт в системе социальной действительности, т.е. тогда мы вместо истории науки, имеем дело с социологией науки.

Концепция рациональности основывается у Б.С. Грязнова прежде всего на требованиях однородности и замкнутости системы знания относительно некоторого мира объектов. Поэтому он и считал, что концепция социальной детерминации развития науки не является альтернативой интерналистской концепции рациональной реконструкции истории науки. Последняя может быть рациональной концепцией только тогда, когда она не при-

бегает к объяснениям, использующим внешние (мистические) по отношению к самой науке факторы. Точно так же должна и экстерналистская концепция социальной детерминации развития науки подчиняться при решении своих (социологических) задач интерналистской методологической максиме. В противном случае она не может быть рациональной концепцией.

На наш взгляд, однако, хотя и можно, по-видимому, говорить наряду с историей науки еще и о социологии науки как о специальной социологической дисциплине, историю науки нельзя рационально реконструировать, игнорируя ее социальную детерминацию, ибо вне истории общества просто не существует истории науки (как и истории политики, права, искусства, религии и т.д.) /1/. Эту мысль можно выразить и в языке концепции Б.С. Грязнова: требования однородности и замкнутости системы знания относительно мира объектов истории науки запрещают прибегать к неисторическим объяснениям (например к таким, в которых предполагается, что знание может развиваться "само по себе", или что его история детерминирована деятельностью современного нам исследователя).

Мы, конечно, отнюдь не хотим сказать, что Б.С. Грязнов разделял немарксистскую (идеалистическую) интерналистскую точку зрения в вопросе о рациональной реконструкции истории науки. Но мы все-таки хотим подчеркнуть, что материалистическое понимание истории не всегда является действующим принципом, принципом, из которого реально исходят, который действительно "работает" в методологических исследованиях науки и ее истории. Любая же сколько-нибудь обобщающая концепция о науке неизбежно сталкивается с философскими вопросами (является однородной с философским знанием) и предполагает, либо анализ с позиции материалистического понимания истории, либо, в конечном счете, с идеалистической позиции.

Итак, как же возможно, что, вопреки аргументации Б.С. Грязнова и др., рациональная реконструкция истории науки, предполагает реконструировать ее социальную детерминацию (причем это не означает экстернализма)?

Прежде всего следует обратить внимание на принципиальное различие между рациональной (без мистики) реконструкцией (воссозданием) действительной истории (прошлого) науки и ра-

рациональной реконструкцией в смысле искания и показания накопления и совершенствования в истории науки рационального ("рациональных зерн") с точки зрения современной нам науки, т.е. реконструкции прошлого по современному эталону или идеалу, включения из прошлого рационального (в нашем смысле) в современную методологическую структуру науки и в содержание самого научного знания. Мы вполне согласны с критикой Н.И. Кузнецовой и М.А. Розовым метода "рациональной реконструкции" истории науки в последнем смысле, как негодного для анализа истории познания рефлексивного метода, неизбежно приводящего к антиисторизму, модернизации прошлого /8/, /II/. Так и основанная на логике идея "рациональной реконструкции" истории науки Б.С. Грязнова "есть... выражение экспансии современной методологической формы рефлексии науки на объяснение своего прошлого" /8, с. 9/.

Наша проблема заключается в том, как возможна рациональная реконструкция истории науки с надрефлексивной точки зрения? Именно требование анализа истории науки с надрефлексивной позиции требует и анализа ее социальной детерминации. Нам хочется подчеркнуть, что надрефлексивная позиция в отношении науки (внеаучная позиция), предполагает обязательно философскую рефлексию (философскую позицию). С этой позиции с предельной ясностью видно, что знание "само по себе", вне реальной социальной системы, развиваться не может (такое развитие оказалось бы мистическим). Концепция (рефлексивная) рациональной реконструкции истории науки в чисто логико-методологической (внесоциальной) сфере предполагает существование "третьего мира" К. Поппера. Нам уже пришлось показать, что в концепции "трех миров" Поппера и Лакатоша отсутствует действительный мир, некоторый "четвертый мир" — мир общественно-исторической практики —, в котором эти три мира формируются и исходя из которого они вообще могут быть рационально поняты /3, с. 16/.

Что же мы, в конечном счете, понимаем под рациональной реконструкцией истории науки? Мы уже писали /2, с. II2/ о том, что с точки зрения развитой в марксистской философии понятия "рациональное", целью рациональной реконструкции истории науки следует считать не просто объективное описание

ее и раскрытие ее закономерностей, а основанную на этом концепцию о способности человека (как и в какой мере он способен и в какой мере не способен) управлять развитием науки, прогнозировать и проектировать ее движение. А это и означает, что следует реконструировать механизм социальной детерминации развития науки. Проблема рациональной реконструкции истории науки аналогична с решенной К. Марксом в "Капитале" проблемой рациональной реконструкции истории капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии"). М., 1966, с. 100.
2. Вихалемм Р.А. Понятие "логика развития науки" и некоторые методологические вопросы анализа истории науки. - Философские науки, 1977, № 5.
3. Его же. О проблеме внутренней и внешней истории науки (анализ взглядов И. Лакатоша и Т. Куна). - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 531. Тарту, 1981.
4. Его же. Дилемма "априорной рациональности" и "историографического позитивизма" в западной философии науки. - Вопросы философии, 1982, № 8.
5. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982, с. 101-107; 206-214.
6. Косарева Л.М. Внутренние и внешние факторы развития науки (историографический аспект проблемы). Аналит. обзор. М., 1983.
7. Ее же. Внутренние и внешние факторы развития науки (философско-социологический аспект проблемы). Аналит. обзор. М., 1984.
8. Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (методологические проблемы). М., 1982.
9. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. - В кн.: структура и развитие науки. М., 1978.

- Ю. Микулинский С.Р. Мнимые контраверзы и реальные проблемы теории развития науки. - Вопросы философии, 1977, № II.
- II. Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977.

ГУМАНИЗАЦИЯ БИОЛОГИИ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ

Р.С. Карпинская (Москва)

1. Прежде всего нуждается в расшифровке ставшей довольно распространенным термин "гуманизация биологии". В каком смысле можно его использовать, отдавая себе полный отчет о разнокачественности биологического и социогуманитарного знания? Вероятно, "гуманизация биологии", во-первых, фиксирует изменение социальной роли биологии в современном обществе и, соответственно, возросшее значение социокультурной детерминации биологического познания. Во-вторых, "гуманизация биологии" означает все большее приобщение биологического знания к решению проблем человека. В качестве дополнительного момента, способствующего пониманию процессов гуманизации, следует отметить неполное совпадение понятий "гуманизации" и "гуманитаризации" поскольку по второму случаю акцентируется внимание на тенденциях сближения природоведения и обществоведения (в постановке гносеологических проблем, во взаимном обогащении принципами познания, языковыми формами и т.д.).

2. Социальная роль биологии в современном мире достаточно четко определяется тем социальным заказом, который обусловлен актуальностью глобальных проблем современности. По мнению академика В.П. Казначеева, социальный заказ вообще может быть введен в совокупность критериев классификации наук наряду с предметом и методом. Очевидно, что в таком случае используется широкое понимание социального заказа, выступающего уже своеобразным обобщением реальных изменений в общественном статусе той или иной системы наук (например,

биологических). Действительно, насущной не только теоретической, но и практической задачей является все большее проникновение биологического знания в экологическую проблематику, в проблемы демографии, здравоохранения. Все это позволяет говорить об изменении стратегии биологического познания — оно все больше оказывается нацеленным не просто на познание жизни как таковой, во всех многообразных ее проявлениях, но получает как бы направляющий вектор в сторону человека, изучения его среды обитания, основ и условий жизнедеятельности. Этот вектор уже активно проявляет себя в таком значимом для научно-исследовательской деятельности феномене как образ биологической реальности. Будет показано, что он не только по-прежнему "поляризуется" в соответствии со структурным либо эволюционным стилем мышления, но и консолидируется, интегрируется практической направленностью решения глобальных проблем современности.

3. Наиболее существенным и вместе с тем наиболее сложным является вопрос об ориентации на проблемы человека. Было бы сужением проблемы свести все дело к соотношению биологического и социального в человеке. Если мы говорим о возможностях биологии не только предоставлять конкретно-эмпирический материал относительно природно-биологических основ жизнедеятельности, но и об изменениях самого предмета биологии, то это отражает широко развернувшийся процесс формирования "неклассической" науки. Ее главное отличие от "классической" (хотя это выражено в разных текстах по-разному) состоит в стремлении ввести человека в контекст науки как субъекта деятельности (с его эмоциональным, нравственным, эстетическим отношением к объекту), а не только как субъекта познания. Изменение способов выражения субъект-объектного отношения чрезвычайно существенно для понимания статуса таких междисциплинарных исследований, каковыми фактически являются генетика, экология, этология человека. В докладе будет принята попытка доказать, что эти исследования чрезвычайно важны для самопознания биологии, для ее выходов за границы природоведческой науки. В этой связи будет обсужден статус "биологии человека" — это не отдельная дисциплина в ряду многих биологических, а новый тип знания, теоретические об-

общения которого возможны лишь на путях интеграции наук о природе, обществе и человеке, требующей участия разных специалистов.

4. Научно-исследовательские программы отражают одновременно понимание и общей стратегии биологии и субъект-объектного отношения в той или иной ее области. Поэтому не может происходить унификации научно-исследовательских программ, они по-прежнему отражают гетерогенность биологического знания. Вместе с тем воздействие формирующейся "гуманизации" общей стратегии приводит к появлению новых "корректоров" научно-исследовательских программ, то есть критериев их содержания и перспективности. В этой связи будет обсуждена контрастность и тем не менее взаимодополнительность таких исследовательских программ как программа физико-химической биологии и программа глобального эволюционизма. Казалось бы они предельно далеки друг от друга (по отношению к эксперименту, по способу построения теоретических обобщений, наконец, по практической значимости). Однако общая мировоззренческая посылка, заключенная в идее гуманизации биологии, способна привести к осознанию внутреннего родства этих программ, необходимости друг для друга. Их взаимосвязь осуществляется через ряд опосредствующих звеньев, включающих в себя традиционные для биологии научно-исследовательские программы (прежде всего — в области эволюционной биологии). Изменение содержания этих программ во многом зависит не только от нового уровня знания, но и от "принадлежности" к этому ряду, "начало" которого определяется способом интерпретации связи физика-биология, а "конец" — пониманием отношения биологии и гуманитарных наук. Понятие начала и конца условны тем более, что в каждом из звеньев научно-исследовательских программ ощущается воздействие и физикализации и гуманитаризации знания.

Сосуществование гетерогенности и вместе с тем единства научно-исследовательских программ биологии проявляется в процессе обсуждения мировоззренческой проблематики. В этом плане наиболее "практичным" для современной биологии является мировоззренческое осмысление ее социальной роли, ее предназначения стать одним из важнейших стимулов изменения философской проблематики естествознания.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУКИ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СВЯЗЕЙ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА

В.Ж. Келле (Москва)

Исходные положения об определяющей роли материального производства в развитии науки были сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом. Имеются многочисленные высказывания основоположников марксизма, где они конкретно связывают возникновение тех или иных научных дисциплин, те или иные открытия в науке с реальными потребностями материального производства как в древности, так и в новое время¹. Так Ф. Энгельс писал в известном письме к Боргису: "Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед, больше, чем десяток университетов"². Итак, в качестве движущего источника развития науки Энгельс называет "техническую потребность" общества, связанную с развитием производительных сил. Разработка этой темы должна учитывать по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, тезис о движущих науку "технических потребностях" распространяется, видимо, на естествознание, математические и технические науки. Но есть огромная область общественно-научного и гуманитарного знания, связь которых с чисто техническими потребностями производства настолько отдаленная, что ее вообще трудно уловить. Поэтому можно сказать, что существует целый спектр разнообразных отношений науки и производства и что положение об определяющей роли последнего нужно применять с учетом специфики данной дисциплины или области знания, а не механически.

Это очень важно для последовательного проведения принципа материализма потому, что опираясь на факт отсутствия видимой связи между той или иной конкретной наукой, и потребностями производства могут делать вывод, что определяющая роль производства по отношению к науке либо вообще не существует, либо она ограничена определенным кругом наук. Поэтому идея о наличии различных форм (или типов) отношения науки и производства в каждое данное время является тем ме-

методологическим решением, которое необходимо присовокупить к основному принципу материально-производственной детерминации науки, чтобы его провести, а не спастись перед встретившимся затруднением. Когда Ф. Энгельс писал, что "вся гидростатика (Торричелли и т.д.) была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках"³, то здесь связь науки и производства видна наглядно. Но если речь идет о развитии гуманитарных наук в эпоху Возрождения, то на поверхности эта связь отсутствует. Но она все-таки существует, ибо, как известно, все духовные процессы эпохи Возрождения вызваны к жизни потребностями начавшегося процесса становления капиталистических отношений, обусловленного в конечном счете развитием производительных сил. Так что и здесь связь науки и производства и детерминирующая роль последнего по отношению к науке существует, но, конечно, это уже совсем другой тип связи по сравнению с той, которая возникла между потребностями регулирования горных потоков и развитием гидростатики. Она более отдаленная косвенная, опосредованная и вообще может быть выявлена и понята, если науку рассматривать как часть целостного развития общества.

Во-вторых, возникает естественный вопрос, как быть с приведенным выше положением ныне, в период научно-технической революции, когда наука опережает развитие техники и не только является источником тех или иных технических новшеств, но и самих технических потребностей.

Теперь становится проблематичной зависимость от развития производства не только гуманитарных, но и естественных наук. Опять, как и в предыдущем случае возникает дилемма: либо отказаться от принципа материально-производственной детерминации науки и искать другие пути объяснения развития научного знания, либо попытаться найти те методологические средства, которые и в этой новой исторической ситуации позволят выявить зависимость науки от производства и провести принцип социального детерминизма.

Как можно интерпретировать зависимость науки от производства, учитывая указанные выше особенности их взаимоотношения в условиях ИТР? Нам представляется, что методологическое решение этой проблемы, т.е. путь к последовательному

проведению принципа детерминизма открывается, если в анализ отношения науки и производства включить следующие основные моменты.

Во-первых, различные типы отношения науки и производства уже не только в плане учета специфики различных наук, но и в историческом аспекте. Этот последний тезис был разработан в трудах Д. Бернала и Б.М. Кедрова⁴, показавшего, что в условиях НТР изменился сам тип отношения науки и производства, поскольку наука в отличие от прошлых эпох, где она в основном следовала за техникой, стала опережать ее развитие.

Вместе с тем с прогрессом науки прежние типы или формы взаимосвязи науки и производства, рассматриваемые с точки зрения способа детерминации науки, полностью не исчезают, но продолжают проявляться в ограниченной области, оставляя тем самым место для развития новых типов взаимодействия.

Во-вторых, видимо возникновение нового типа отношения науки и производства следует рассматривать не только в узких рамках их собственного взаимодействия, но и в более широком социальном плане как свидетельство вообще изменения положения науки в обществе. Став решающей силой технического прогресса, наука превратилась в предмет все возрастающего общественного интереса. Из того обстоятельства, что в условиях НТР технический прогресс выступает прежде всего как прогресс научно-технический, следует, что интерес общества к науке как некой целостности, опосредован производством, предстает как общественная потребность развития производства. В отличие от чисто технических потребностей ее можно рассматривать как потребность "обеспечения материального жизненного процесса существования и развития человеческого общества"⁵. Это означает, что наука обеспечивает не просто отдельные технические усовершенствования, а становится необходимой для всего процесса функционирования и развития общественного производства. Но "наука не могла бы обслуживать потребности производства, если бы она не опережала существующую технику"⁶.

В этих условиях детерминирующая роль производства по отношению к науке выражается прежде всего в том, что его развитие является условием и материальной основой поддержания

такого уровня науки, который необходим для выполнения ею своих социальных и технологических функций. Только опираясь на развитую экономику, общество может поддерживать такой уровень развития науки, который позволяет ей опережать имеющуюся технику и разрабатывать технику будущего. Опережение здесь состоит в том, что в науке имеется такой "задел" знаний, технологическое применение и реализация которых сулит технический прогресс.⁷ Итак, тот факт, что производство в современных условиях не может развиваться без опережающего развития науки, не означает, что производство перестает играть детерминирующую роль по отношению к науке. Напротив, оно и детерминирует опережающее развитие науки. Но для того, чтобы прийти концептуально к этому выводу, необходимо было расширить само понятие потребностей производства, введя, наряду с его техническими, также социальные потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кедров Б.М., Огурцов А.П. Марксистская концепция истории естествознания. - XIX век. - М., Наука, 1978, с. 139-170.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 174.
3. Там же.
4. Кедров Б.М. Возрастание роли науки в нашу эпоху. - Вопросы философии, 1967, № 5.
5. Социализм и наука. - М., Наука, 1981, с. 42.
6. Там же.
7. Человек, наука, техника. - М., Политиздат, 1973, с. 88.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПРОБЛЕМЫ КУМУЛЯТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Я.Л. Кивистик (Тарту)

Проблема кумулятивности развития научного знания заключается в том, в какой мере и каким образом новое знание включает в себя старое. Считаем бесполезным сравнение куму-

лятивности развития науки с кумулятивностью взрыва снаряда, но сравнение с развитием искусства может оказаться полезным.

Наиболее распространенный, обыденный взгляд на историю науки и искусства, по нашему мнению, представляет собой следующее: в науке новое знание содержит старое, а в искусстве старые и новые произведения все одинаково значимы, новое не включает в себя основные достоинства старого, как это происходит в науке. Сравнение становится содержательным, если устанавливаются общие для искусства и науки черты. Искусство и наука:

- являются преимущественно умственной деятельностью;
- их содержание - создание нового текста;
- новый текст (произведение) входит в обиход, если он отличается от всех имеющихся;
- непосредственной средой проявления нового текста являются:

а) имеющиеся тексты и б) имеющиеся способы создания их.

Можно заключить, что:

- в плане деятельности отдельного человека почти невозможно четко отличить науку от искусства;
- различие искусства и науки вытекает из их различных общественных функций;
- в плане общественной функции содержание научного знания объективно (подчиняется требованию объективной истинности), а содержанием искусства является воспроизведение некоторой субъективности.

Из этого и вытекает их разное отношение к кумулированию старых произведений в новых.

Описание науки было бы простым, если оно ограничивалось бы исследованием только объективного знания в его же (объективного знания) рамках. История метанауки показывает, однако, что концепции, которые ограничиваются изучением объективного знания (результатов научной деятельности) - например, неопозитивистская школа и попперианство - обязательно основываются на определенных субъективистских исходных принципах.

Напротив, те исследователи, которые предпочитают изучать целостный исторический процесс развития науки (включая и

деятельность ученых, "контекст открытия"), не могут оперировать названной отличительной чертой науки. Например, многие отмечают, что поскольку в концепциях Т.Куна или П. Фейерабенда понятие истины оказывается неработающим, то в принципе они освещают историю искусства не хуже, чем историю науки. Третья возможность — искать корни кумулятивности научного знания не в самом знании, а в накоплении прошлого опыта в технике (например, точка зрения Дж. Берналла), но проблема накопления именно знания этим не решается.

Соответствующие типы решения можно найти или эксплицировать и в работах советских авторов. Одни авторы занимаются самим знанием, научный прогресс представляется даже уплотнением объективного знания¹, у других, стремящихся к целостности и объективности истории науки, исчезают, на наш взгляд, границы науки² (вернее, они избегают точного определения науки, чтобы не быть ограниченными в стремлении к целостному описанию истории науки), третьи, ввиду кажущейся бесплодности проблемы кумулятивности знания, предпочитают ограничиваться кумуляцией техники или технологии³.

Одна из причин одинаковых тенденций в марксистской и немарксистской методологии — общий взгляд, что кумуляция науки — вопрос, требующий однозначного ответа — да или нет.

Новейшая тенденция следующая. Американский ученый Л. Лаудан доказывает⁴, что кумулятивность — бесплодный аспект изучения развитого научного знания, аспект "кумулятивность-некумулятивность" не касается основного в развитии науки. В соответствующей советской литературе последнего десятилетия почти не встречается слово "кумулятивность": проблема не решена и, следовательно, не нужен и термин.

Проблема все-таки существует, но решать ее, по-видимому, следует несколько иначе, чем раньше, когда добивались однозначного и безусловно объективного решения. При определении науки, например для отличения ее от искусства, необходимо характеризовать определенный аспект ее как объективный, а это невозможно без выхода за рамки объективности, т.е. требует обращения к субъективной стороне, к характеристике самого исследования, его своеобразия. Таким представляется в упрощенном виде механизм, который обуславливает то, что кон-

цепции развития науки имеют мировоззренческое значение и ответ на вопрос о кумулятивности говорит об исследователе не меньше, чем о самой науке.

Поэтому мы вправе говорить, что проблема кумулятивности — это проблема не научная, а мировоззренческая, и, следовательно, требует и соответствующего решения, т.е. не может быть поставлена и решена в контексте научной однозначности. В достаточно общей и целостной концепции развития науки эта проблема, однако, обязательно возникает, а ее решение отражает как характер науки, так и характер самой концепции.

Очевидно, логическая структура антиномии "кумулятивность — некумулятивность" требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., напр., Сухотин А.К. Гносеологический анализ емкости знания. Томск, 1968, 203 стр.
2. См., напр., Кузнецова Н.И. Наука в ее истории. М., 1982, 128 стр.
3. См., напр., Ребане Я.К. Концепция научных революций. Т. Куна и релятивизм. — Ученые записки ТТУ, вып. 404. Труды по философии XIX, Тарту, 1977, стр. 50–61.
4. Laudan L. Two Dogmas — of Methodology. — Philosophy of Science. 1976, vol. 43, N 4, pp. 585–597.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Л.М. Косарева (Москва)

I. Одной из особенностей, отличающих современное научное знание от античного и средневекового, считается его этическая, политическая, религиозная нейтральность. Многие исследователи считают, что этот характер естествознания (в том числе и картина мира — КМ) приобретает в XVII в. Например, представители "социально-конструктивистской" концепции гене-

зиса естествознания Э.Мендельсон, В.ван ден Дале (I, с. 125-128) считают, что ценностная нейтральность естествознания "социально сконструирована" во 2-й половине ХУП в.: она явилась сознательной "платой" за институционализацию науки.

Однако анализ работ философов и ученых ХУП в. позволяет отнести концепцию Мендельсона, ван ден Дале и др. к числу социологических абстракций, не согласующихся с историческими данными.

Обращение к истории ХУI-ХУП вв. показывает, что формировавшаяся атомистическая, механическая КМ была ценностно-нагруженным образом мироздания.

2. Средневековому статично-традиционалистскому социальному укладу была созвучна метафизика и физика Аристотеля, подчеркивавшая идею совершенства и гармоничности Космоса, примат непрерывности над дискретностью, включенность человека в традиционный природно-социальный организм. На атомистическую физику и этику Демокрита и Эпикура был наложен социальный "запрет". Разложение феодальных отношений, сопровождавшееся религиозными войнами, междоусобицей, эпидемиями, пожарами, голодом, вызвало кризис доверия к аристотелевско-томистской КМ как гармоничного Космоса. Разрушение традиционализма средневекового бытия, "распад связи времен" приводил к полярным позициям: с одной стороны, к этическому релятивизму и религиозной индифферентности, к настроению "пира во время чумы" (ярко выраженному, например, в литературе, в поэзии барокко ХУП в.), с другой стороны тот же процесс социальной атомизации приводил к усилению "мирского аскетизма", к уходу от "суетливых" наслаждений в рационализм.

Эти две полярные позиции вызвали к жизни интерес к эпикурейскому физико-этическому атомизму в его двух противоположных вариантах: к аристипповскому гедонизму и суровому учению самого Эпикура. До тех пор, пока атомизм социального бытия человека не стал ощущаться как очевидность, не требующая особых доказательств, атомистическая концепция древних не смогла стать социально значимой КМ для европейской культуры ХУП в., для философии и науки этой эпохи. Атомистическая физика Эпикура, осуждавшаяся средневековой теологией, была усилиями Гассенди, Чарлтона, Бойля и др. "очищена" от

языческой "скверны" и предложена как основание для новой, социально-значимой антисхоластической теории материи /2/.

3. Восприятие эпикурейского атомизма культурой ХУП в. внесло в него множество корректив; однако в одном оно осталось верным античному пафосу (познавать природу, чтобы правильно жить): ХУП в. воспринял эпикурейский атомизм одновременно и как физику, и как индивидуалистическую этику ("индивидуум" – лат. перевод греч. "атом"). Например, эпикурейское мировоззрение, объединяя членов Ньюкаслского атомистического кружка, питало физические, этические, политические воззрения Т. Гоббса; политэкономические идеи У. Петти; литературное творчество М. Кэвендиш, писавшей "атомистические" поэмы в духе Лукреция Кара /3/.

4. Бойль, защищая преимущества атомистической концепции материи над перипатетической, выдвигал аргументы этического и политического порядка: концепция пассивной материи (состоящей из атомов и подчиняющейся данным извне законам) дает основу для правильного понимания этического и гражданского долга человека /4, с. 222–224/. Приписывание перипатетиками материи способности чувствовать и мыслить, согласно Бойлю, недопустима потому, что частично снимает с человека груз нравственной ответственности за себя и за природу /4, с. 214/. Связь между задачами познания природы и нравственностью утверждается и Ньютоном. "Насколько мы можем познать, пишет он, при помощи натуральной философии, что такое первая причина, какую силу имеет она над нами и какие благодеяния мы от нее получаем, настолько же станет ясным в свете природы наш долг по отношению в первой причине, а также друг к другу (подчерк. нами – Л.К.)" /5/. О тесной связи между физическими исследованиями и нравственными проблемами Ньютона говорят современные исследования его архивов /6/, /7/.

5. Вышесказанное, на наш взгляд, подтверждает точку зрения ряда советских авторов, согласно которой возникшая в ХУП в. атомистическая (или шире – механическая) КМ не являлась чисто научной: она была общекультурной КМ /8, с. 118/, /9, с. 76–77/. Формирование же КМ силами самого естествознания происходит значительно позже /8, с. 12–25/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарева Л.М. "Социально-конструктивистская" концепция генезиса науки. - Вopr. философии, 1984, № 8, с. 122-131.
2. Герлак Г. Ньютон и Эпикур. - В кн.: Физика на рубеже ХУП-ХУШ вв. - М., 1974, с. 44-74.
3. Дмитриев И.С. Особенности развития науки в ХУП-ХУП вв. - В кн.: Становление химии как науки. - М., 1983, с. 27, 35-36.
4. Jacob J.R. Boyle's atomism and the Restoration assault on pagan naturalism. - Social studies of science. L., 1978, vol.8, p. 211-233.
5. Ньютон И. Оптика. - М.; Л., 1927, с. 315.
6. Westfall R. Never at rest. - Cambridge, 1981. - XVIII, 519 p.
7. McGuire J.E., Tamny M. Certain philosophical questions: Newton's Trinity notebook. - Cambridge, 1983. - XII, 519 p.
8. Бляхер Е.Д., Волинская Л.М. "Картина мира" и механизмы познания. - Душанбе, 1976. - 151 с.
9. Кизима В.В. Научная картина мира в культурно-историческом контексте. - В кн.: Научная картина мира. Киев, 1983, с. 74-79.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ

А.С. Кравец (Воронеж)

1. Наряду с экономическим фактором в развитии науки существенное значение имеют интеллектуальные традиции. Интеллектуальная среда, в недрах которой вынашивалась наука нового времени, была чрезвычайно неоднородной, плюралистичной, пронизанной альтернативными интеллектуальными устремлениями. Именно эти центробежные механизмы, расшатывающие заскорузлый, освещенный веками схоластический способ мышления, со-

здали предпосылки для вызревания совершенно нового образа мыслей.

II. Среди этих интеллектуальных традиций следует прежде всего выделить основную, господствующую — теологическую. В рамках этой традиции занимались не столько посторонним, чувственно-воспринимаемым миром, сколько "градом божьим". Оторванные от реальности темы, канонизированный стиль мышления с опорой на авторитеты церкви, принижение роли человеческого разума по сравнению с божественной мудростью, запечатленной в "Книге бытия", — все это было серьезным препятствием на пути возникновения науки. Однако, начиная с позднего Возрождения эта традиция начинает испытывать все более мощные потрясения и постепенно в ней возникают бреши и щели, сквозь которые и просачиваются новые интеллектуальные установки. Робкий аверроизм, зародившийся в XIII в. внутри этой традиции в качестве инородного тела, оформляется уже в XVI веке в новую гносеологическую установку двойственной истины, воспринятой великими основателями нового естествознания. Реформация нанесла еще один чувствительный удар по канонической традиции, и, хотя ее лидеры (Лютер и Кальвин) были еще более непримиримыми противниками новой науки, тем не менее она объективно ослабляла ортодоксальные установки. Постепенно усиливающееся в рамках указанной традиции право на относительно свободное философствование, расширило сюжеты интеллектуального мышления, сделав основным его предметом мир в целом. Этот глобальный фундаментализм был очень важен для подготовки теоретического естествознания, ибо развивал вкус к общему теоретизированию.

III. Второй интеллектуальной традицией был гуманизм, возродивший античную мудрость. На первый взгляд кажется, что гуманистические установки еще дальше уводили ученых от исследования природы, поскольку гуманисты видели свое призвание в раскрепощении личности от корпоративных феодально-сословных уз, проповеди индивидуализма, обоснования нового светского идеала жизни, их интересы сосредотачивались на литературе, а не теории и, следовательно, они менее всего занимались изучением природы. Однако объективно гуманизм содействовал зарождению науки в двух направлениях.

Во-первых, он расшатывал основную каноническую традицию, противопоставляя ей иной стиль мышления. Во-вторых, филологические занятия гуманистов, их переводы античных и арабских авторов возродили интерес к первоизданной античной натурфилософии. Это обстоятельство очень существенно для предпосылок науки, ибо она не могла начаться с нуля. Необходимо было критически осмыслить научные достижения прошлого, погребенного в культурном хаосе средневековья, вернуться к истокам, чтобы затем взойти на новые вершины. Гуманизм обеспечил непрерывность "социальной памяти", столь существенной для развития науки.

IV. Третьей традицией, которую не всегда отделяют от гуманизма, но которая имеет свой самостоятельный статус, является прагматический универсализм. Мы имеем в виду тот неповторимый синкретизм математики, техники, ремесел и искусств, который возглавлялся плеядой новых людей, связанных с миром искусства: Альберти, Гиберти, Леонардо да-Винчи, Дюрером. Своеобразие этого интеллектуального направления было обусловлено прежде всего практическими потребностями развивавшейся городской культуры, в центре которой стоял художник (одновременно и живописец и скульптор, и архитектор, и градостроитель). Строительство дворцов, оборонительных укреплений, технических сооружений предъявляло повышенные требования к математическим и механическим знаниям, новое направление в живописи обострило интерес к проблемам оптики и геометрической перспективы. Представители этого направления стояли особняком и по отношению к теолого-схоластической традиции, из которой они не могли почерпнуть необходимых знаний, и по отношению к гуманистам, с которыми их разделяли совершенно другие, натуралистические и технические интересы. Они прежде всего были добросовестными собирателями рассеянных в различных источниках технических, математических и других знаний, что не мешало им делать свои самостоятельные научные выводы. Эта собирательная работа, часто завершавшаяся изданием соответствующих энциклопедий, сыграла большую роль в подготовке будущих людей науки. Кроме того, представители этого направления были людьми универсальными, их интересовало множество самых различных проблем, к решению

которых они всегда пытались привлечь математику. В рассматриваемой традиции можно увидеть прообраз прикладной науки будущего, но нельзя ее и переоценивать, ибо существенным недостатком ее лидеров было отсутствие интереса к теории, к системе.

У. Наконец, нужно отметить герметическую традицию, которая объединяла мистику, магию, астрологию и алхимию, т.е. то, что всегда третировалось канонизированной традицией, но тем не менее постоянно существовало в экологических нишах средневековой культуры. Безусловно, нельзя игнорировать этот интеллектуальный феномен в зарождении науки, ибо не только в трудах Коперника присутствуют следы этой традиции, но даже в значительно более позднем творчестве И. Ньютона мы обнаруживаем интерес к алхимии. По своему идейному составу эта традиция весьма плюралистична и объединяла как явных шарлатанов, так и признанных натуралистов. В рамках этой традиции были и люди, склонные у умозрительному теоретизированию и люди практического склада, ставившие перед собой лишь утилитарные задачи. Следовательно, герметизм был сопряжен, с одной стороны, с особым наукоучением, имеющим характерную символику и соединявшим в причудливой форме сюжеты доктринальной теологии и языческой мифологии. Именно этот аспект герметизма оказался в конечном счете вне науки, хотя его влияние в виде своеобразных атавизмов прослеживается достаточно далеко. С другой стороны, в рамках этой традиции накапливался лабораторный опыт, что безусловно содействовало развитию химии, фармакологии, металлургии.

УІ. Все четыре традиции взаимодействовали между собой, создавая гетерогенную интеллектуальную среду. Каждая из них, взятая сама по себе, не могла бы дать ростков той науки, с которой связывают теоретическое естествознание. Слишком сильны были интеллектуальные барьеры на пути к науке в каждой из этих традиций. Однако в столкновении противоположных мыслительных потоков в действии их наперекор друг другу, эти барьеры преодолевались и размывались: устремленность к небесным высям корректировалась заземленностью прагматических забот, изощренная элитарная схоластика наталкивалась на все более растущую потребность в доступности и наглядно-

сти научных образов, священнодействие вытеснялось будничным экспериментированием, умозрение соединялось с опытом.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ БИОСФЕРОЙ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

К.Д. Кузмин (Таллин)

1. В современной сложной экологической обстановке одной из центральных является проблема управления биосферой. Управление такой глобальной системой как биосфера (в известном смысле, общество — ее часть, подсистема) "замыкается" на человеке и тем самым остро ставит вопрос всестороннего рассмотрения конечных целей управления, который по своему существу является философско-методологическим.

Сложная проблема управления биосферой требует как многостороннего исследования развития человеческой практики, рассмотрения ее целей, так и сосредоточения на вопросе синтеза знаний, призванного обеспечить надежное научно обоснованное управление биосферой, который в генеральной своей тенденции детерминирован развитием всего общественного производства.

2. Человеческая практика есть особая, высшая форма взаимодействия, форма пронизанная сознанием, предвидением, устремленная на достижение определенной, заранее поставленной цели¹.

Современная экологическая ситуация выявляет то обстоятельство, что сознательно целенаправленная деятельность человечества, в том числе и в плане управления, до сих пор зачастую приводит к негативным в масштабе биосферы результатам, что до сих пор на целеполагание и на наличные материальные и духовные средства реализации целей, на своеобразие протекания интеграции естественных, технических и общественных наук, наложены принципиальные объективные ограничения актуальной социальной структурой общественного производства.

3. На всем протяжении предистории человечества производ-

ство господствует над производителями, в условиях капитализма оно выступает самоцелью развития всего общества, создает "систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности..."², превращает действительного субъекта, производителя материальных и духовных благ в основном в объект стоимости³.

Противоречия, имманентные структуре антагонистического производства, овеществляясь, "выносятся" на весь изменяемый человеком мир. При капитализме происходит не столько совмещение организации производства с организацией биосферы, сколько подчинение биосферы производству.

На данном этапе в обществе в целом превалирует стихийное управление, а при таковом "люди не в состоянии овладеть соответствующими социальными силами, сознательно направить их действие в своих интересах. Связанные с этими стихийными процессами социальная информация в своей основе не зависит от сознания людей: они способны отобразить действие соответствующих информационных процессов с целью приспособления, но не могут ими овладеть"⁴.

В эту эпоху в проблеме управления биосферой отвлекаются от конечной, высшей цели процессов управления и оптимизации — человека, — по выражению К. Маркса происходит "принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели"⁵, в данную пору в основном сосредоточиваются на тактических, чисто технологических подходах, постановка стратегических вопросов отводится на второй план. Характерно и то, что относительно самой кибернетики как науки об управлении распространяются взгляды, отрицающие ее существование в качестве единой науки, ее проблематика рассматривается как раздробленная на более узкие теории⁶.

Как обоснованно отмечает В.И. Толстых, комментируя взгляды К. Маркса, при капитализме духовное производство развивается по "образу и подобию" материального, капитализм есть своего рода "апологетика" материального производства⁷; в этот период в синтезе наук основные надежды возложены на естествознание, оно дает ключ к новым тайнам природы, с помощью покорения которых увеличивается "вещное богатство". Обществознание же должно обеспечить наилучшее включение че-

ловека в производство в качестве "винтика", "частичного" человека.

В человеческой практике как единстве взаимодействия и отражения взаимодействие опережает бесконечно дробящееся, доходящее до тупиков специализации отражение.

4. По мере приближения общества в своем развитии к коммунизму, к "царству свободы" определяющим элементом, высшим критерием общественного прогресса становится всестороннее развитие производителей, субъектов труда. Человек начинает определять исторически конкретную меру, относительный вес производства в структуре своей жизнедеятельности; на передний план в вопросах, связанных с управлением и оптимизацией биосферы выдвигаются проблемы связанные с основными, конечными целями и критериями оптимизации, т.е. теперь философско-методологическое, "стратегическое" рассмотрение выступает в качестве ориентира при исследовании "тактических" вопросов "технологии" управления и оптимизации. Тем самым общественное сознание становится главным ориентиром, при самых, казалось бы отдаленных от него, сферах исследования, цементирующей основой интеграции общественных, естественных и технических наук. Высшая цель — всестороннее развитие человека — становится при исследовании вопроса оптимизации взаимоотношений общества и природы тем целым, которое, согласно К. Марксу, должно "витать перед представлением как предпосылка"⁸.

Отражение в полной мере раскрывает свой уже тотально опережающий характер, становится не опережением частных, а — генеральной линии развития, правильно осмысливающей место частных в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О соотношении взаимодействия и отражения в человеческой практике см. К.Д. Кузмин, И.Б. Новик. О роли отражения в развитии экологических процессов. В кн. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. 2. София, 1981, с. 310—323.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 386.

3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 164.
4. Урсуд А.Д. Проблема информации в современной науке. М., 1975. с. 197.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.
6. См. Бириков Б.В. Проблема методологии на Международном конгрессе по кибернетике. "Вопросы философии", 1970, № 9, с. 162-163.
7. См. Толстых В.И. Социально-философские проблемы теории общественного производства. "Вопросы философии", 1982, № 4, с. 44.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 38.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПЕТРА I И СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ В РОССИИ

Н.И. Кузнецова (Москва)

I. Существование науки требует определенного, культурного контекста. В социуме, развитом во всех отношениях, наука автономна, и границы ее заданы особенностями целеполагания, ценностных ориентаций, профессиональных умений людей, особым образом организованных. Возникает представление о возможности чисто имманентного, интернального развития науки. Сама эта граница, автономия – показатель социального развития. "Контекст", о котором мы говорим, легко обнажается в тех культурных ситуациях, когда наука является предметом "импорта" как полезный социальный институт. Примером может служить деятельность Петра I, становление науки в России XVIII века.

2. Петр I выступил в XVIII столетии в роли своеобразного "сталкера" – человека, завезшего ряд инородных, чужеродных социальных организмов, которые – не без долгих усилий со стороны энтузиастов – стали жить собственной жизнью в русской культуре и постепенно преобразовали ее.

В частности, важно отметить появление на арене российской истории Сената как правительственного учреждения, созданного для контроля и управления государством. Появление такого института могло отделить в сознании людей власть царя

(хозяина) и власть государства (учреждения для "блага" подданных), что для русского этноса начала XVIII века было весьма актуальной и значимой культурной задачей. Школы, Университет, Академия естественно функционируют только в рамках государственного, а не "вотчинного" устройства социума. Властителю, тирану нужны жрецы (сакральное знание), а не учение (свободное познание, не признающее другого авторитета, кроме Истины).

Свободные искусства, науки исторически не появляются в сельских местностях и не могут получить стимулы для развития иначе, чем в городских условиях. Петр дал образцы строительства новых для Руси городов, с новой планировкой, новыми смысловыми акцентами в планировке (Петербург, Таганрог, перестройка Москвы). Городская среда создает необходимую для развития индивидуальной духовной жизни семиотическую избыточность.

Развитие наук невозможно без светского, секуляризованного книгопечатания, без издательского дела, развитого с достаточным размахом. Петр покупает и перевозит хорошую типографию, выпускает первую газету, налаживает переводы нужных книг.

Заслуга введения таких новаций, как регулярная, специально обученная армия и флот, также принадлежит Петру. Эти общественные системы являются надежными "заказчиками" для производства определенного типа знаний, систематизации их, выступают властными кооператорами индивидуальных усилий интеллектуалов. Аналогичную роль играет бурно развивающаяся промышленность.

Наконец, по указу Петра, были созданы особые учреждения, формальной задачей которых было культивирование научных занятий и приумножение знаний. Это — Академия, Университет, Кунсткамера (первый русский музей), различные кабинеты и Библиотека при Академии.

3. Чрезвычайно поучительно изучение сбоев в работе первых учреждений России. В течение 1725 г. в Санкт-Петербург прибыли первые члены Академии наук. Их было 16 человек: 13 немцев, 2 шведа и 1 француз. Это было начало. В истории естествознания на русской почве это был удивительный, револю-

ционный "скачок" — от элементарных математических знаний, которые распространялись учебниками Магницкого и Фарвардсона, — до исследований в области матанализа, теории гравитации и т.п. Ничего удивительного, ибо персональные "вклады" Эйлера, Хр. Гольдбаха, братьев Бернулли и др. входили теперь в фонд русской науки.

Но была и другая сторона дела. Академикам-иностранцам, прибывшим на службу в Россию, предписывалось не только вести самостоятельные научные исследования, но и воспитывать смену. При Академии был учрежден Университет, при Университете — Гимназия. Казалось бы, государственный план предусматривал стройную систему подготовки и воспроизводства кадров. Однако, если в 1727 г., когда была открыта Гимназия, в ней насчитывалось 112 учащихся (правда, преимущественно дети иностранцев, живущих в России), то через 2 года число их упало до 74, а в 1737 до 19. Академический Университет был в еще более тяжелом положении: в течение первых 6 лет училось 8 студентов, прибывших из Вены (ни одного русского!), в 1731 — ни одного. Сенат направил на обучение 12 человек из Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. В 1783 г. было 2 студента, в 1796 — 3. Система срабатывала скандально вхолостую, ибо вопросы образования уходят глубоко в социально-классовую структуру общества, психологию, привычки, традиции самых широких кругов населения, их религиозные взгляды и ценности, как осознанные, так и неосознанные (в глубины так называемого "менталитета" русского этноса, который до сих пор еще недостаточно исследован).

В свою очередь государственная администрация, управляя Академией, постоянно обнаруживала глубочайшее непонимание того, в чем смысл и назначение этого западно-европейского института. Правительственный документ 1747 г., например, указывал, что рабочие часы академиков строго регламентируются, а нарушители регламента — штрафуются. Во время заседаний академиком строго запрещалось читать научные журналы, т.к. было предписано читать в это время научные доклады. Очень часто научная информация объявлялась секретной (например, материалы географических экспедиций). Русские цари постоянно находили ученым занятия, весьма далекие от интересов науки.

Наставником Петра II был видный математик Хр. Гольбах. Что касается выдающегося исследователя магнетизма и электричества Эпинуса, то Екатерина II "рассудила за благо употреблять его при учении" наследника престола Павла. Кроме того, Эпинус был тайным советником, начальником шифровального отдела Иностранной коллегии. По сути дела, социальная роль ученого в России XVIII в. была гораздо менее существенной по сравнению с другими социальными ролями, которые и предлагалось выполнять людям с выдающимися интеллектуальными способностями. Наука была привезена, носители профессиональных умений приглашены, но русское общество как бы постоянно "упраздняло" эти занятия — за ненужностью, не находило им устойчивого применения, постоянно сомневалось в пользе этого предприятия и целесообразности затраченных государственной казной средств.

4. Приведенные материалы показывают, что на первых стадиях импортирования наука вообще не имеет границ автономии, она как бы вся состоит из социальных влияний. Затем эти границы появляются. Какова же природа этих границ? Как осуществляется их нарушение (влияние)? Вот принципиально важные вопросы. Мы умеем описывать разнообразные историко-научные факты, показывающие "социальную детерминацию" познания, но самая актуальная задача состоит в построении точного категориального языка для сбора и систематизации фактов, в построении абстрактных моделей изучаемых процессов.

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ МАТЕМАТИЗАЦИИ НАУКИ

Н.Н. Латыпов

Процесс проникновения идей, методов и средств математики в другие науки получил название математизации науки. Математизацию науки необходимо рассматривать как многомерный феномен, имеющий множество разнообразных характеристик. Многомерность данного феномена определяет и многоуровневость

его исследования, т.е. наличие разных уровней в изучении его. Познавание математизации науки предполагает существование трех основных уровней исследования имеющих здесь процессов: эмпирического, теоретического и философского. Философское осмысление математизации позволяет констатировать тот факт, что математизация науки существует в широком социокультурном контексте и развивается в условиях постоянного взаимодействия различных наук. При этом в философском плане существующая содержательная полиаспектность данного феномена вполне дифференцируется следующим образом: имеются присущие ему мировоззренческие, гносеологические, методологические, аксиологические, социологические и социально-психологические аспекты.

Как развитие математики в качестве самостоятельной научной дисциплины, так и процесс математизации других наук, прямо или опосредовано зависит от социальных потребностей. В этой связи интересно отметить факт хронологического опережения возникновения математики феноменом математизации в истории науки. Так, появившиеся под непосредственным влиянием практики первые разрозненные математические методы уже успешно применялись в ранней астрономии, которая к тому времени сформировалась как простейшая научная система. После формирования математики как самостоятельной научной дисциплины процесс математизации осуществлялся в неизмеримо возросших масштабах. Однако в истории науки (в основном, в физике) еще часто наблюдались явления, когда нужного математического метода в арсенале математики того времени не оказывалось, в этом случае соответствующую математику приходилось создавать самим представителям математизируемой дисциплины. Так было, например, с аппаратом флюксий и флюэнт Исаака Ньютона, который был изобретен конкретно для создания системы всемирной механики. Сама механика до этого была сводом разрозненных правил и рецептов. Но нужды практики требовали все более широкого применения механики как научной дисциплины, фиксирующей в наиболее полном и четком виде особенности чрезвычайно распространенной форм движения. Ответом на социальный запрос явилась целостная теоретическая система И. Ньютона, которая вместе с тем была первым успешным шагом

математизации науки в том смысле, что математика здесь вошла в структуру самой научной дисциплины, стала средством понимания и репрезентации ее предметной области. В то же время аппарат исчисления бесконечно малых был создан Лейбницем, который исходил из чисто математических соображений. Это явилось ярким примером того, как внутренняя логика развития математики, лишь в принципе опосредованная запросами практики, с необходимостью приводит к появлению новых форм достоверного научного знания и предмет так называемой чистой математики со временем обязательно становится предметом математики прикладной.

Методологический анализ математизации науки позволяет зафиксировать, с одной стороны, комплекс математических дисциплин, представляющих современную математику, а, с другой, комплекс естественных, технических и общественных наук. Всякое взаимодействие наук предполагает интенсивный процесс обмена присущими взаимодействующим дисциплинам элементами деятельности и информацией. Математизация науки опосредует изменение стиля мышления ученого за счет использования теоретического аппарата и абстрактных структур математики. Изучение и использование математики совершенствует общую культуру мышления, дисциплинирует его, воспитывает у человека логическую точность и обстоятельность аргументации. Математика приучает не загружать мышление излишними подробностями и в то же время не пренебрегать принципиально важными положениями. Математические построения в той или иной науке создаются на основе языка математики. Универсальность, строгость и эффективность языка математики делают ее важнейшим интегративным фактором современного научного познания.

Современный этап математизации науки характеризуется ее резко возросшей социальной значимостью. Взять, например, компьютеризацию как одно из направлений математизации науки (ведь математизация науки тесно связана с усилением эффективности применения математических операций с помощью таких технических средств, как ЭВМ). Если в предыдущие годы основными характеристиками экономического и технического прогресса страны были производство стали, нефти и т.д., то в настоящее время все больше учитываются и новые показатели —

количество и качество производимой компьютерной техники, широта диапазона использования ЭВМ, уровень подготовленности соответствующих специалистов-математиков и т.п. Внедрение ЭВМ в разные сферы социальной жизни сейчас во многих странах мира вводится в ранг государственной политики. Недавно, например, Япония приступила к реализации широкомасштабной национальной программы связанной с вычислительной техникой — создание принципиально новых сверхбыстродействующих ЭВМ и так называемых персональных ЭВМ. Этот проект в высокоразвитых странах воспринят как своеобразный "новый японский вызов", который принуждает все промышленно развитые страны мира принять свои подобные соответствующие программы.

Рассмотрение социальных аспектов математизации предполагает исследование и роли "математизаторов" в этом процессе. Математизатор — это деятель культуры, который в состоянии преодолеть узость специальнонаучного исследования, в том числе и сугубо математического, и выйти за его рамки для того, чтобы по достоинству оценить полученные конкретные результаты и более четко видеть генеральную перспективу дальнейшего научного поиска. Плодотворная деятельность математизатора невозможна без достаточной математической подготовки. Нужно широкое и глубокое математическое образование, повсеместное внедрение в обучение навыков программирования, — это задача, по образному выражению А.П. Александрова, может быть сравнима с задачей ликбеза 20-х годов в нашей стране. В других странах, как отмечалось на последних Международных математических конгрессах, также наблюдается негативная тенденция снижения уровня математической образованности современной молодежи. Одной из главных причин этой тенденции является существенное падение социального престижа естественных наук, и в частности, математики. Для того, чтобы преодолеть этот неблагоприятный фактор, на наш взгляд, следует реализовать широкую систему мер по повышению авторитета математического образования, по романтизации математики. Литература, кино, средства массовой информации должны планомерно формировать интерес у молодежи к математическим наукам, к вычислительной технике, чтобы качество подготовки и количество будущих специалистов с точки зрения удовлетворения социальной потребности находилось на должном уровне.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Е.А. Мамчур (Москва)

1. Одним из гносеологических истоков социологического "крена", переживаемого современной зарубежной философией науки, является ставшее весьма распространенным мнение об отсутствии в познании объективных критериев оценки и отбора теорий. Наличие фильтра объективных критериев, контролирующего действие социо-психологических и социо-культурных факторов, лишало эти последние значения самостоятельных детерминант развивающегося познания. Конкретно-исторический, эволюционирующий характер методологических норм делает актуальным вопрос о роли социо-культурного контекста в качестве самостоятельного фактора развития научного знания.

2. Сторонники чисто когнитивного подхода к анализу научного знания либо убеждены в существовании неизменных, вне-исторических стандартов рациональности (К. Поппер, И. Лакатос), либо, если и признают эволюционирующий характер методологических критериев, утверждают тем не менее существование некоторого сверхкритерия, контролирующего изменение методологических норм (М. Хессе, В. Ньютон-Смит). Сильная программа социологии познаний (М. Малкец, Д. Блур, С.Барнес и др.) возникла как одно из следствий полного релятивизма в трактовке методологических норм.

3. Сторонники сильной программы социологии познания утверждают, что все научное знание, в том числе и его содержание, является социально детерминированным. Такие претензии справедливы лишь в том случае, если социальную детерминацию понимать в смысле обусловленности познавательного акта системой человеческой культуры. Более сильная трактовка социальной детерминации, признающая воздействие социо-культурных факторов на внутреннюю логику развития научного знания, требует специального обоснования и не может постулироваться априорно. Кроме того, принятие сильной программы в ее це-

лостности делает проблематичной возможность реконструкции научного познания как деятельности, обладающей особым эпистемологическим статусом.

4. Решение задачи такой реконструкции предполагает выявление границ социологического подхода к анализу знания. Выдвинутый в зарубежной философии науки принцип арациональности, согласно которому социология науки должна применяться только для объяснения деваций-отклонений от рациональных стандартов научной деятельности представляется излишне узким. Сформулированный в противовес ему сторонниками сильной программы принцип симметрии в объяснении рациональных и нерациональных компонентов научной деятельности имеет определенное разумное содержание: в сообщении будет обоснована необходимость привлечения категорий социальной психологии для объяснения механизмов социо-культурного влияния на научное знание, а также для объяснения переходных ситуаций в науке.

ЕДИНСТВО АКСИОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Н.А. Мещерякова (Воронеж)

Вопрос об аксиологическом измерении естествознания появился совсем недавно — настолько недавно (буквально несколько десятилетий назад), что большинством исследователей он и не воспринимается как вопрос. Мы еще живем в плену розовых представлений о том, что естествознание "всегда право", неправым может быть только его применение. Безусловно, применение — фактор существенный и на сегодня важнейший. Однако естествознание — это не предмет, пассивный сам по себе, который становится активным лишь в применении, а процесс имманентно включающий в себя выход в мир, в природу, более того этот выход является показателем развития естествознания.

Неразрывная связь теории и практики — идея, являющаяся в марксизме азбучной истиной, сегодня обнаружила свои новые

границы. Наука становится непосредственной производительной силой, естественнонаучный эксперимент выходит за пределы лаборатории в промышленность, в природу (в том числе и природу человека), а следовательно, эксперимент (в частности) и естествознание (в целом) теряет свой классический характер, приобретая силу и мощь воздействующего на мир фактора. Напомним в этой связи, что К. Маркс уже в своих "Экономическо-философских рукописях 1844 года" неоднократно подчеркивал, что связь естествознания, находящегося на высокой ступени развития, с природой осуществляется через промышленность (а не через лабораторию, которая сама по себе действительно всегда безобидна).

"Наученный" человек становится теперь системообразующим фактором природы, а потому естествознание принципиально не может существовать и развиваться лишь по законам внутринаучной логики, как это было в эпоху классического разделения эксперимента и производства, науки и практики, природы и человека. Если добавить сюда в тенденции неограниченные возможности вмешательства в собственно природу человека, то необходимость нового, аксиологического измерения в естествознании становится бесспорной.

Но самое любопытное — это то, что и раньше естествознание имело аксиологическое измерения, только мы этого не видели и не могли видеть, потому что до определенного момента внутринаучная логика, обуславливающая движение естествознания, не вступала в противоречие с целью, провозглашенной первыми адептами новой науки: "... в помощь человечеству" /3, с. 116/. Воистину, к ценностям обращаются лишь тогда, когда происходит их крушение! Впрочем, чему здесь удивляться — ведь и к философии естествознания "по собственному почину" имеет обыкновение обращаться лишь в момент революционных изменений в своей науке. Очень яркий образ мышления биолога в период "нормального" развития биологии дал Ф. Гродинз: "по-больше собак и поменьше разговоров" /4, с. 140/.

В самом деле, мы настолько привыкли к формулировке: "предметом естествознания является природа", что перестали ее замечать. В действительности же в обществе всякое отношение есть в конечном итоге отношение к человеку, не пред-

ставляет исключения здесь и отношение к природе. Никакой "чистой природы", подлежащей познанию, на самом деле нет, ибо познание всегда есть удовлетворение общественной потребности, и именно эта потребность диктует выбор объекта и установление того смысла (функционального значения), который этот объект имеет для человека.

У человека нет другого источника вещества и энергии, кроме природы. Поэтому вполне понятно, что природа видится как источник и продолжение собственно "внечеловеческой" структуры — вещественноэнергетической, она стоит "по ту сторону" человека, а потому любое направление исследований, любые действия, умножающие вещественноэнергетическую, интеллектуальную, техническую мощь общественного человека, оправданны и безусловно поддерживаемы обществом. Совершенно ясно, что эта социальная "вседозволенность", неограниченность исканий вполне соответствует той собственной внутринаучной логике, которую можно определить как движение от простого к сложному, от элемента к целому и которая вот уже почти четыре столетия составляет суть естественно-научной методологии. Но если эта логика соответствует логике самой природы, а следовательно вооруженные истинной логикой, мы действуем, как действует сама природа, тогда откуда возникает экологический конфликт, грозящий вылиться в экологический кризис? Ответ на этот вопрос может быть только один — в своем понимании природы мы все время упускаем из вида что-то очень существенное.

Этим существенным фактором природы, постоянно игнорируемым естествознанием, является, прежде всего, ее целостность. Природа есть целое и действует, функционирует она как целое, сохраняя и усложняя свои связи, воссоздавая элементы и части, "притирая" друг к другу те из них, которые в силу относительной самостоятельности, выбились из единого круга регуляций. А что делаем мы? С самыми лучшими намерениями (не говоря о худших, но это уже из области применения) мы во всеоружии методологической оснащенности выхватываем какой-либо элемент, познаем, преобразуем (безусловно, по его собственным законам, тут уж ничено не скажешь!), нарушая тем самым существование природы как целого. Вот и получается,

что естествознание, рожденное под флагом освобождения человека от слепой необходимости природы, само способствует появлению неконтролируемых, неуправляемых процессов, т.е. порождает новую форму несвободы, осознаваемую нами как месть природы (см. I, с. 495-496) или конфликт между природой и обществом, природой и человеком.

Преодоление этого конфликта возможно лишь при условии качественного изменения естественнонаучной методологии. Во-первых, мы должны отчетливо уяснить себе, что природа в действительности не представляет собой сумму отдельных элементов и сфер, она есть сложный "организм", система с прямыми и обратными связями, самовосстанавливающееся целое. Восхождение от простого к сложному как необходимый путь всякого познания означает здесь восхождение от "клеточки" целого к возвращенному целому. В основу выбора "клеточки" должна быть положена идея самопорождения и самовосстановления. Не вмешательство в природу вообще и даже не сведение к минимуму этого вмешательства (все это не реально), а такое вмешательство, которое не только не подрывало бы возможностей самовосстановления, саморазвития природы, а напротив, увеличивало бы эти возможности — таков должен быть идеал естественнонаучных поисков, естественнонаучной методологии. Этот идеал лежит в основе экологического мышления, которое без соответствующей перестройки методологии остается лишь в плане благих пожеланий.

Однако, это только "во-первых". Дело в том, что экологическое мышление, подрывая сам принцип вседозволенности, полагает свои "можно" и "нельзя" лишь к той сфере человеческого бытия, которая связана с вещественно-энергетической отдачей природы, т.е. природа по-прежнему мыслится "по ту сторону" человека. Но уже сейчас в естествознании появляются собственно человеческие проблемы, в тенденции же именно они будут определять его "лицо". Это проблемы и генетики, и эвтаназии, и психиатрии, и реанимации... Решение этих и многих других проблем потребует такого изменения категориального аппарата естествознания, когда наравне с объективной истиной в нем появятся категории и принципы гуманизма. Причем именно эти последние окажутся ориентирами, направляющими

естественнонаучный поиск в то русло, где объективные законы природы сливаются с законами бытия человека. Именно об этом и говорит Маркс в "Экономическо-философских рукописях 1844 года": "Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание. Это будет одна наука" /2, с. 124/.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42.
3. Ф. Бэкон. Соч., М., 1977, т. I.
4. Ф. Гродинз. Теория регулирования и биологические системы. М., 1966.

О ЛАТЕНТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Е.З. Мирская (Москва)

Научная деятельность — процесс, научное знание — его продукт. Продукт возникает в результате процесса, но не обязательно повторяет его характеристики. Пока речь идет о науке как о сфере деятельности, ее социальный характер очевиден. Вопрос состоит в том, как сказываются социальные влияния на научном знании — в каком отношении, в какой степени и через какие механизмы. Ведь научное знание принято считать истинным и, соответственно, научным как раз в той мере, в какой оно адекватно отражает объект, то есть, обладает содержанием, независимым от человека и человечества. Таким образом, санкционируя науку и занимаясь ею, общество прилагает усилия, чтобы добыть истину, содержание которой не зависит от его усилий.

Как понимать, что эта независимая от человеческих усилий истина зависит от человеческой деятельности?

Можно выделить три уровня социальных воздействий на

процесс научного познания. 1) Воздействие всего социума, обусловливаемое достигнутым уровнем производительных сил, социально-политической ориентацией общества, общим интеллектуальным климатом и т.п. 2) Воздействие научного сообщества, связанное с влиянием наличного научного знания через теоретические и методологические схемы, приборы и методики, через интересы, диктуемые господствующей парадигмой. 3) Влияние индивида, которым в конечном счете осуществляется каждый элементарный акт познания.

Каждый последующий уровень воздействия на процесс научного познания включает в себя и передает в опосредованном виде предыдущие уровни социальной детерминации. Так, в отношении индивидуального субъекта познания понятно, что им является общественный человек — порождение общественной практики, освоивший в виде ценностных установок потребности и возможности как всего общества, так и сообщества той научной дисциплины, в рамках которой он ведет свою профессиональную деятельность. Своеобразие его способностей, интересов и возможностей индивидуально, но социально обусловлено, причем, сложным образом. Выясненные историческим материализмом механизмы взаимосвязи индивидуального и общественного сознания здесь не имеют радикальной специфики.

Наиболее существенным для анализа представляется тот механизм опосредования социальных воздействий, исходящих от общества в целом, который действует в научном сообществе. Ведь именно в процессе деятельности научного сообщества возникает новое научное знание, которое, с одной стороны, соответствует объекту и определяется предыдущим научным знанием, а с другой, — отвечает потребностям общественной практики и зависит от социальной детерминации.

Для марксистской философии, исходящей из принципов активности и относительной самостоятельности сознания, совершенно очевидно, что влияние экстернальных факторов на развитие научного знания осуществляется только при условии их интернализации наукой. В настоящее время теоретическая задача состоит в том, чтобы понять механизмы проникновения внешних факторов внутрь науки. Задача не имеет решения, если представлять науку и социальность как разносушностные явления:

науку как знание, организованное по логико-теоретическому основанию, а социальность — как "нечто, лежащее вне науки".

Путь решения лежит через признание "глобальной социальности" науки, которая социальна вся — от глубоко внутренних процессов и до прямого смыкания с жизнью общества. Здесь представляется плодотворной концепция латентного социального заказа или, — с точки зрения самих научных дисциплин, — латентной социальной детерминации научной деятельности. Под латентной социальной детерминацией предлагается понимать наличие в дисциплинарных правилах научной деятельности экстернализованного заказа — неэксплицируемого учеными заказа на "вне-дисциплинарную" приложимость дисциплинарного знания.

Введение этого понятия дает основание выделить в науке три "уровня социальности", различающиеся по типу социальных связей: (1) дисциплина, (2) латентная социальная детерминация и (3) организационное окружение науки. Хотя два первые относятся к имманентно-дисциплинарной составляющей научной деятельности и грань между ними в определенной мере условна, выделение латентной социальной детерминации в отдельный уровень социальности, различение "собственно дисциплинарного" и "латентно-социального" оказывается методологически полезным, так как дает возможность проследить преобразование внешних для науки факторов и влияний во внутренние.

Предложенное понятие позволило на анализе развития механики — физики — химии ХУП—ХУШ веков проследить инкорпорацию в правила этих дисциплин экстернализованного социального заказа на "вне-дисциплинарную" приложимость дисциплинарного продукта-знания /1/. Оказалось, что она происходит через сложный процесс возникновения в дисциплине новых понятий и категорий, который безусловно нуждается в продолжении исследований.

Вслед за Т. Куном большинство западных авторов видит социальный характер дисциплинарной деятельности только в том, что познавательная деятельность каждого ученого зависит от деятельности других людей — научного сообщества, которое выработало соответствующие правила, нормы, критерии и контролирует их выполнение. Радикальная позиция Штарнбергской группы, провозгласившей подчиненность развития научного знания (в финализированных дисциплинах) социальному заказу,

встретила, как известно, резкую критику. Лишь в самое последнее время такие авторы, как К. Кнорр-Цетина, Г. Коллинз и некоторые другие (см., например, /2/) начали отмечать зависимость развития содержания научного знания от вненаучных социальных воздействий. Однако они не ставят вопрос о том, как цели и потребности внешнего социума оказываются действенными для знания, добываемого в соответствии с внутренними правилами дисциплины.

Ими упускается то важное звено, которое здесь сделано центром внимания: на формирование дисциплинарных правил неявное, но значительное влияние оказывает социальная детерминация, идущая из экстернальных источников. Она усваивается дисциплиной как "свое" (естественное и внутреннее!) и сказывается затем в выборе проблем, в правилах поиска, в критериях завершенности дисциплинарного продукта. Именно латентная социальная детерминация придает дисциплине социальную ценность и определяет ее социальный статус: она сообщает научной деятельности и ее продуктам характеристику социальной полезности, давая тем самым дисциплине право рассчитывать на материальное (кадровое и финансовое) обеспечение со стороны других социальных институтов и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирская Е.З., Шульман М.М. О характере социальной детерминации научного знания. В "Социологии науки в СССР: вопросы теории и практики". М.: 1982, с. 38-51.
2. Science observed: perspectives on the Social Study of Science. eds. Knorr-Cetina K.D., Mulkay M., L.etc., SAGE publ., 1983.

ИДЕАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НОВАЦИЙ В МАТЕМАТИЗИРОВАННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

И.В. Никифоров (Москва), О.А. Соловей (Киев)

В многообразии факторов социокультурной детерминации науки (тип материального производства, общественно-экономической формации, техники, культуры, мировоззрения, философии, научной картины мира, стиля мышления и т.д.), имеющих существенное значение для диалектико-материалистического анализа природы научного исследования, справедливо выделяют полезный в методологическом отношении принцип социальной памяти /см.: I, с. 7/.

Знание как особый механизм социальной памяти способствует воспроизводству научной деятельности (посредством определенных правил, норм, традиций и т.д.), характеризуется атрибутивным набором нормативных систем (синтаксической, референцирующей, репрезентирующей), лежащих в основе формирования конкретно-исторических образцов научного творчества /см.: 2, с. 187-193/.

Наша задача состоит в том, чтобы на примере одной из разновидностей гносеологического идеала в математизированном естествознании рассмотреть как осуществляется трансформация "внешних" социально-культурных детерминант его развития во "внутреннюю" логику н о в а ц и и соответствующей разновидности познавательной деятельности.

Идеал, как таковой, является отражением целостного развивающегося состояния "внутреннего мира" человека, объединяющим эмоционально-рациональное, познавательное-деятельностное, духовно-практическое отношения человека к объективному миру.

В общем виде идеал порождается двуединой формой отражения совершенства труда: оценочной рефлексией общественного сознания и социализацией самого труда и субъекта труда. Если целеполагание — доминанта развития опережающего отражения и сознания субъекта, то идеал — социализирующего отражения и

его самосознания.

Социализирующее воздействие гносеологического идеала на процесс новации в математизированном естествознании отчетливо проявляется в нормирующей функции алгоритма. Математический идеал метода не сводится к алгоритму, также как и гносеологического к дискурсивному (или в более общем случае, к логическому, рациональному).

Гносеологический идеал выступает также и своего рода "социальной интуицией" ученого, которая осознанно реализуется лишь частично, поскольку неявно трансформирована в "технологии" логико-гносеологического процесса.

В случае алгоритма это объективно детерминировано тем, что он служит особенной формой воспроизводства и производства в логике познающего мышления таких его нормативных схем, которые в функциональном отношении соответствуют целостной структуре элементарного трудового процесса и способствуют универсализации способов его реализации в предметно и социально преобразующей практике.

В своей социализирующей функции идеал является устойчивой, интегративной формой трансформации социальных детерминант познания во внутреннюю "модель" логики научного творчества субъекта, совершенствующуюся в процессе и результате его новационной научной деятельности.

В качестве одной из возможных моделей примем содержательно-гносеологическую модель целостного цикла процесса воспроизводства и производства нового знания, выделяемому по принципу подобия структуре алгоритма как рафинированной логико-гносеологической формы фиксации образа научной деятельности: общественно-известное знание – обучение – выбор области исследования – поиск, формулировка проблемы – "рождение" новой идеи – выдвижение, селекция, обоснование гипотезы – получение общественно-нового научного знания (обоснованных, доказательных положений) – превращение нового в общественно-известное знание /см.: 3, с. 120-139/.

На начальных этапах (вплоть до рождения новой идеи) факторы их социо-культурной детерминации проявляются так или иначе явным образом, могут быть эксплицитно выражены с различной степенью точности. Элементы алгоритмичности, напро-

тив, существуют главным образом в зародышевом виде, совершенно недостаточны для отражения внутренней логики происходящих процессов подготовительной и собственно новационной деятельности.

На завершающих этапах — ситуация оказывается противоположной указанной выше. (Исключение составляет последний этап, "замыкающий" рассматриваемый цикл, где социализация знания может частично выражаться в алгоритмической форме). Эта противоположность заключается в том, что на этапе перехода от гипотезы к доказательству, например, роль алгоритма объективно возрастает, а факторы социо-культурной детерминации становятся по-существу неявными.

Идеал как фактор социо-культурной детерминации воздействует не только на эффективность новаций в математизированном естествознании, способы организации и самоорганизации, но также на фундаментальные основания и доминирующую направленность его исторического развития.

Например, абсолютные алгоритмы древнегреческой математики обеспечивали ее слитность с практикой, алгоритмы сводимости послужили средством противопоставления математической теории практике, алгоритмы дифференциального и интегрального исчисления — синтезу с материально-преобразующей практикой. Это исторически первый цикл развития математики, социально ориентированный на универсальное преобразование человеком Природы. Высшей формой развития классической математики явилась теоретико-множественная математика. В социо-культурном плане становление так называемой конструктивной математики детерминировано общественно-исторической тенденцией гуманизации научного познания.

Своеобразие гуманизации математического познания заключается в перестройке ее оснований и расширении предмета, в становлении новых теорий (алгебраической теории категорий, нестандартного анализа, теории особенностей и бифуркаций), то есть преимущественно в собственно математической логико-гносеологической форме и взаимосвязанной с ней логической (например, развитие неклассических, "паранепротиворечивых" логик), но социо-культурное содержание данной перестройки состоит в зарождении новой ветви математики для отражения

качественных аспектов развития, открывающей перспективы интенсивной математизации наук, имеющих своим объектом исследования высшие формы движения, по сравнению с физической. В методологическом плане одной из общих причин реализации социо-культурной детерминации новаций в науке посредством гносеологического идеала является его объективная исторически развивающаяся взаимосвязь с общественным идеалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребане Я.К. Социальная детерминация научного познания. – В кн.: Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция знания. – М., 1981, с. 3–8.
2. Розов М.А. Знание и механизмы социальной памяти. – В кн.: На пути к теории научного познания. – М., 1984, с. 175–197.
3. Кедровский О.И., Соловей Л.А. Алгоритмичность практики, мышления, творчества. – Киев, 1980. – 184 с.

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА В СТРУКТУРЕ НАУКИ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

А.А. Печенкин (Москва)

Для современной философии революционное развитие науки стало непреложным фактом. Однако пытаясь осмыслить этот факт, современная буржуазная философия порывает с традиционным представлением о науке как о постижении объективной истины. К науке применяются ослабленные критерии. Наука объявляется "самоосознанным здравым смыслом" (Куайн), деятельностью, ориентированной на культуру (Парсонс), специфика науки связывается с методом предположений и опровержений, которым осуществляется рост научного знания (Поппер). Мы постараемся показать, что факт научных революций может быть учтен и при традиционном подходе к науке как к постижению объективной истины. В принципе эта возможность следует из марксистской

теории абсолютной и относительной истины. Мы, однако, хотим рассмотреть вопрос на методологическом уровне и раскрыть методологические импликации понятия объективной истины.

Вслед за Галилеем будем различать экстенсивный и интенсивный пути познания. Первый состоит в постижении новых сторон и сфер реальности, второй — в уточнении знания, приближении знания к действительности, существующей до человека и независимо от человека и его сознания. При экстенсивном познании выдвигаются новые гипотезы, вводятся новые модели, причем это могут быть гипотезы, противоречащие общепризнанным принципам, и модели, требующие радикального обновления понятийной базы науки. При интенсивном познании совершается построение новой теории, выявляются ее исходные понятия и принципы: теория превращается в целостную систему понятий и положений. Воспользовавшись известной метафорой К. Маркса, можно сказать, что при экстенсивном познании наука возводит отдельные жилые этажи здания, а при интенсивном — подводит под них фундамент.

Экстенсивное познание сопряжено с повышением степени субъективности знания. Это познание совершается конкретными людьми, представляющими ту или иную научную школу, продолжающими то или иное направление исследований, работающими в русле той или иной традиции. Новые стороны и сферы реальности изучаются при решении какой-либо актуальной проблемы, при утверждении какой-либо точки зрения или стратегии исследования. Но "актуальная проблема", "точка зрения", "стратегия исследования" — категории, имеющие социально-психологический контекст. Проблема становится актуальной лишь для какого-либо направления, какой-либо школы или традиции, точка зрения затрагивается каким-либо зримым или незримым коллективом исследователей. Интенсивное познание ведет к повышению степени объективности знания. Оно, конечно, тоже осуществляется конкретными людьми. Но эти люди становятся носителями всеобщего труда, которым с точки зрения К. Маркса с необходимостью является научный труд. Если при экстенсивном познании осуществляется совместный труд, кооперация ученых одной или ряда смежных специальностей, то при интенсивном — всеобщий труд, предполагающий кооперацию поколений ученых.

При экстенсивном познании действуют "локальные" методологические регулятивы, свойственные отдельным школам, традициям, направлениям исследования. Интенсивное же познание связано с максимально общими, общенаучными регулятивами.

Наука не может развиваться только в экстенсивном направлении, или только в интенсивном. В первом случае она потеряла бы свою специфику, перестала бы существовать как особая область человеческой деятельности. Новые сферы и грани действительности осваиваются в принципе и в других областях духовного производства. Во втором случае наука перестала бы удовлетворять потребностям вненаучных сфер деятельности. В ней не было бы нового знания. Экстенсивный и интенсивный пути познания не имеют конца. Бесконечность экстенсивного познания обеспечивается бесконечностью материальной действительности. Бесконечность интенсивного — неустранимой приближительностью всякого достигнутого знания.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИРОДЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

О.А. Подлишевский (Таллин)

В современных философско-методологических исследованиях для объяснения закономерной формирования и дальнейшего развития всех наук, включая естественнонаучные дисциплины, все больше привлекаются социокультурные факторы (в широком смысле данного термина, т.е. социально-исторические, социально-экономические, социально-психологические и т.п.). Многообразие общеполитических и методологических установок, с помощью которых исследователи решают сложный комплекс проблем о месте и степени влияния социо-культурных факторов на характер специфики естественнонаучного познания, приводит к различным концепциям о формах данного влияния. Среди них выделяются два самых общих подхода к решению поставленной проблемы, которые характерны как для советских, так и для зарубежных методологов.

В одном из них, определяя особенности естественнонаучного познания, методологи исходят из разделения "внутренних" или когнитивных и "внешних" или социокультурных факторов, действие которых рассматривается в качестве дополняющих друг друга или специфическим образом связанных между собой причин. При этом полагается, что роль первых можно установить, не обращаясь к социокультурным факторам, т.е. считается, что частично процесс генезиса отдельных компонентов естественнонаучных дисциплин и закономерности их дальнейшего изменения происходят на основе когнитивных процессов (логико-гносеологических или логико-методологических причин), не относящихся к области социальной детерминации.

Действие таким образом определенных внутренних факторов многими методологами связывается с формированием научного знания как систем научных утверждений и законов. Область же социокультурной детерминации распространяется на сам процесс деятельности ученых и научных сообществ.

Существует и иной подход к выявлению места и роли социокультурного влияния на характер естественнонаучного познания. Все естественнонаучные дисциплины во втором подходе рассматриваются в виде частного подвида общей социально-практической деятельности общества, особенности которой и определяют не только процесс деятельности естествоиспытателей, но и все стороны результата этого процесса. Один из вариантов такого подхода, основанный на методологическом принципе социальной памяти, предполагает анализ роли социокультурных факторов в области естественнонаучного и всего научного познания дифференцированно, прежде всего с помощью установления определенной группы материальных носителей социальной памяти и тех специфических видов информации, которые связаны с отдельными носителями.

Распространяя область социокультурной детерминации на когнитивные процессы, можно сохранить разделение на внутренние и внешние факторы детерминации, но в ином, по сравнению с первым подходом, смысле. К внутренним детерминантам могут быть отнесены такие стороны социально обусловленного процесса познания, которые характерны лишь для некоторой данной естественнонаучной дисциплины. Соответственно воздействие,

оказываемое на характер познания конкретных дисциплин другими формами социально-практической деятельности общества, относится к внешнему влиянию.

Исходя из комплексного характера научно-познавательной деятельности отдельных научных дисциплин, в рамках "общей" социокультурной детерминации естественнонаучного познания следует разграничивать и учитывать диалектическую связь между относительно самостоятельными формами или типами детерминант, которые определяют конечный результат познания. В качестве предварительной классификации выделим следующие детерминанты: предметно-практическую, теоретическую, логическую, ценность и языковую. Хотя при такой классификации известное пересечение по смыслу между отдельными детерминантами и будет неизбежным, но тем не менее определение специфики действия каждой из них позволит в более явной форме установить специфику сложного комплекса детерминированности естественнонаучного познания в социокультурном контексте. Каждая из перечисленных детерминант, являясь внутренней для некоторой конкретной дисциплины, тесным образом связана с той или иной стороной социальной памяти.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И "МНОГОМЕРНЫЙ" ОБРАЗ НАУКИ

В.Н. Порус (Москва)

1. Термин "наука" очевидно многозначен. Под наукой понимают: а) особый род интеллектуальной деятельности, состоящий в прогрессирующих попытках описания и объяснения объективных (природных, социальных, культурных и др.) явлений и универсума в целом; б) форму организации этой деятельности (научные институты, "незримые колледжи", систему образования и обучения, издания научной литературы и т.п.); продукты этой деятельности (развивающееся научное знание, теории, методы и т.п.) вместе с ее средствами и орудиями (приборы, измерительная техника, экспериментальное оборудование, сырьевая и энергетическая база и т.д.); в) определенное экономическое

предприятие (специфическая система интеллектуального производства как часть и условие современной экономики) и т.д. О науке говорят как о форме общественного сознания и как о непосредственной производительной силе. Учитывая эту многозначность, многоаспектность понятия "наука", можно сказать, что и проблематика "социальной детерминации" также является соответственно многозначной и многоаспектной.

2. В некоторых своих аспектах наука является столь очевидно "социально-детерминированной", что это не вызывает никаких споров и разногласий. По сути, главное противоречие между тезисом о социальной детерминированности и тезисом об автономности и внутренней независимости науки возникает только тогда, когда речь идет о содержании научного знания и способах (методах) его получения. Против тезиса о социальной детерминации, как правило, выдвигается тот аргумент, что в науке нельзя было бы говорить об "истинном", "объективном" знании, если бы оно детерминировалось не объектом, а социальными характеристиками субъекта /см.: 2/. Этот аргумент страдает и неточностью формулировки (научное знание детерминируется не только объектом, и не только социальной природой субъекта), и отсутствием диалектики (объективное знание достигается в социальном по своей природе процессе познания) /см.: 3/.

3. Указанное противоречие можно отнести к разряду "антиномий-проблем" /см.: 5/. Такая антиномия является неразрешимым противоречием для "одномерных", слишком абстрактных "образов" науки, отождествляющих науку с одним из указываемых выше ее аспектов, определений (позитивистский, "критико-рационалистический", "социо-культурно-ориентированный", "анархистский" и т.п. образы науки) /см.: 6, 8/. Это противоречие диалектически "снимается", разрешается при переходе к "многомерному", диалектически-всестороннему образу науки, в котором эти аспекты, определения должны находиться в синтетическом единстве. Отсюда – задача для эпистемологии и философии науки: реализовать этот синтез теоретически избегая механического суммирования этих аспектов.

4. Решение такой задачи, по-видимому, требует изменения устоявшихся представлений о характере, содержании и целях

эпистемологии. Она должна пониматься не как нормативная или дескриптивная дисциплина, занимающаяся изучением структурных и динамических характеристик научного знания как самоцелью или для выработки определенных рекомендаций ученым, а как теоретическое построение определенного образа науки (для чего, разумеется, нужно и значение о структуре и методах науки, о типичных характеристиках научных теорий, но — и многое другое, например, знание о социальных, социально-экономических, социально-психологических и др. характеристиках научно-исследовательских процессов, о их взаимозависимости и взаимовлиянии). Эпистемология становится в таком понимании — метафорически выражаясь — "теоретическим самосознанием" науки, ее духовным самоотчетом, средством собственной идентификации в системе культуры /см.: 7/.

5. Эпистемология в этом смысле выступает как теоретическое "ядро" науковедения, с одной стороны, и как специфическая, наиболее развитая часть современной теории познания, гносеологии.

6. В рамках построенной таким образом эпистемологии также будут возникать антиномии-проблемы. Одна из них может быть сформулирована следующим противоречием: наука обладает и не обладает основаниями саморазвития. Обладает: потому, что такими основаниями для "многомерно" трактуемой науки являются гуманистические смыслы (цели) научного познания. Не обладает: потому, что эти смыслы (цели) порождаются не самой наукой, а всем историческим процессом развития человеческой культуры и цивилизации (частью и условием которого является наука). Разрешение антиномии-проблемы осуществляется через "погружение" науки в контекст этого исторического процесса. Здесь и становится ясным конечный смысл понятия "социальной детерминации науки", затемняемый, когда его пытаются уловить как непосредственное определение содержания научных понятий, теорий, методов и механизмов, которым подчиняется развитие, рост науки /см.: I, 2, 4, 7/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиневич Д.А., Федотова В.Г. Основные проблемы и концепции социологии науки в ФРГ. — Социологические исследования, М., 1980, с. 197-186.
2. Косарева Л.М. Внутренние и внешние факторы развития науки (философско-социологический аспект проблемы). Аналитический обзор. М., 1984.
3. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
4. Микулинский С.Р. Мнимые контраверзы и реальные проблемы теории развития науки. — Вопросы философии, 1977, № II, с. 88-104.
5. Нарский И.С., Агудов В.В. Антиномические противоречия познающего мышления. В кн.: Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978, с. 284-297.
6. Порус В.Н., Никифоров А.Л. Эволюция образа науки во второй половине XX в. — В кн.: В поисках теории развития науки (очерки западноевропейских и американских концепций XX века). М., 1982, с. 150-181.
7. Порус В.Н. Роль диалектико-материалистической философии в построении "многомерного" образа науки. — В кн.: Социальная сущность философии и научно-технический прогресс (тезисы докладов межвузовского симпозиума 4-5 декабря 1984 г.). Свердловск, 1984, с. 125-126.
8. Федотова В.Г. Критика социокультурных ориентаций в современной буржуазной философии (сциентизм и антисциентизм), М., 1981.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ И РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

М. Раукас

1. Математика, по сравнению с другими науками, имеет довольно своеобразный статус. Математика не эмпирическая наука и в некотором отношении представляет собой систему знаковых моделей для содержательного знания. Ее чрезвычайно высокий уровень абстракции и специфика развития не раз оказывались "пробным камнем" для разного рода теорий познания.

Тезис о социальной детерминации познания, в том числе и математического, является фундаментальным для гносеологии диалектического материализма. Диалектико-материалистический подход к философско-методологическим проблемам связан с положениями, что они могут быть решены лишь на основе диалектического метода, учитывая исторический путь формирования математических теорий, понятий, символики и т.д. В связи с этим оказывается правомерным при анализе процесса развития математического познания использовать идеи, связанные с понятием "социальная память" /см. 3/.

2. История философии свидетельствует о том, что философы неоднократно пытались разрешить сложную проблему о необходимом и всеобщем характере математических знаний. Осознавая недостаточность эмпирического подхода, односторонне связывающего математические абстракции с "данными эмпирий", рационалисты 17 века выдвинули на первый план концепцию врожденных идей. В трансцендентальной философии И. Канта математика характеризуется как априорное синтетическое познание. Мы присоединяемся к авторам, считавшим, что концепция И. Канта не утратила своего значения и для современной философии математики (см. например /5/), в особенности, если интерпретировать априоризм И. Канта как "превращенную форму" исторической реконструкции социокультурных и философско-методологических предпосылок функционирования математической науки /2 : II5/.

3. В современной философии математики, как известно, долгие годы господствовали вопросы, связанные с обсуждением философских программ обоснования математики. Хотя такое обсуждение занимает важную роль в философии математики до сих пор, в последние десятилетия у некоторых зарубежных немарксистских авторов наблюдается попытка передвинуть акцент на философско-историческую трактовку процесса развития математики в его более общих чертах.

С этой точки зрения определенный интерес представляет философская концепция математики И. Лакатоша, в работах которого происходит своеобразная "гуманизация" математического познания /6/. Несмотря на то, что в концепции И. Лакатоша исчезает граница между математикой и эмпирическими науками, она позволяет раскрыть недостатки теорий, считавших развитие математики сугубо эсотерическим и кумулятивным. Сюда относятся также попытки адаптировать идеи Т. Куна на процесс развития математики таким образом, что в центре внимания оказывается модифицированное понятия "научного сообщества" /7/. Следовательно, в таких работах ставится в той или иной форме вопрос о социокультурной обусловленности развития математики.

4. Однако осознание того факта, что математическое познание имеет социокультурные детерминаторы, не заключительный способ анализа, а лишь основа для дальнейшего исследования указанной проблемы.

4.1. В связи с этим автору представляется целесообразным обратить внимание на принцип оборачивания метода /1/, /4/, позволяющей более детально подходить к вопросу о социальной обусловленности развития логико-математических наук. Принцип оборачивания метода очень важен для раскрытия сложной диалектической связи между комплексом внутренних факторов развития математики и общими социокультурными и мировоззренческими основаниями интеллектуальной эпохи. А без понимания такой связи невозможно эффективно подойти к таким узловым проблемам философии математики, как взаимоотношение математики и действительности или вопрос о природе математических абстракций.

4.2. С другой стороны, осознавая детерминированность ма-

тематического познания разнопорядковыми информационными процессами, необходимо подчеркнуть, что математика сама представляет собой чрезвычайно важный составной элемент социальной памяти. При этом на уровне логического мышления математика выступает как главный способ преобразования и сжатия социальной информации, позволяющий с помощью формальных действий получить такую новую информацию, которая без математической формализации практически недостижима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.
2. Киссель М.А. "Критика чистого разума" как первый опыт философии науки. - Вопросы философии. 1983, № 10.
3. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8.
4. Черняк В.С. "Оборачивание метода" и диалектика развития знания. - Вопросы философии, 1975, № 8.
5. Hintikka, I. Kant on the mathematical method - Knowledge and Known. Dordrecht, D. Keidel, 1974, Idem. A priori truths and things-in-themselves. Ibid. Idem. Kant Vindicated - Logic, Language - Games and Information. - Oxford, 1973.
6. Marchi, P. Mathematics as a Critical Enterprise - Cohen R., Wartofsky M. (eds.) Essays in Memory of Imre Lakatos. Dordrecht, D. Keidel, 1976.
7. Mehrtens, H. Kuhn and mathematics. - Historia mathematica, No 4, 1976, vol. 3, No 3. Idem. The interactions of mathematics and society in history. - Historia mathematica, No 4, 1977, vol. 4, No. 1.

О МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАУКИ

М.А. Розов (Москва)

Постановка вопроса о социальной детерминации науки предлагает, во-первых, четкое определение границ науки и, во-вторых, выявление тех процессов, которые "нарушают" эти границы, являясь переносчиками взаимодействия. При отсутствии определенной ясности в этих двух пунктах сам вопрос, как нам представляется, теряет какой-либо рациональный смысл.

Что же считать границами отдельных наук или науки в целом? Буквальный смысл вопроса прежде всего наталкивает на представление о пространственных или, еще конкретнее, о территориальных границах. Несомненно, каждый ученый где-то живет, где-то работает, он должен иметь письменный стол хотя бы в определенные периоды своей жизни. Можно, вероятно, нанести на карту точки или "ареалы", к которым приурочены в основном те или иные виды исследований. И все же, говоря о социальной детерминации науки, мы, как правило, не имеем в виду территориальные захваты в качестве основного вида взаимодействия.

В принципе можно отождествить науку и научное сообщество, понимая под последним множество ученых или людей, которые могут быть причислены к этому рангу. Границы науки будут определяться в этом случае нашей способностью определять относительно каждого человека, ученый он или не ученый. Это не просто, ибо не образование, ни место работы сами по себе еще ничего не значат. Мы постоянно рискуем вывести за пределы науки скромного служащего патентного бюро, не заметив, что это Эйнштейн. Но допустим, что мы справились с этой задачей и сумели достаточно убедительно выделить множество всех ученых. Каковы будут в этом случае механизмы влияния общества на науку? Конечно, можно говорить о своеобразной "текучести кадров", о роли семьи, школы, социальной среды в процессе формирования будущего ученого. Все эти вопросы так или иначе обсуждаются в литературе. И все же главной фигурой

здесь оказывается ученый, а не наука. Последняя пока ускользает из поля нашего зрения. А между тем, быть ученым — это значит принадлежать к науке, работать в науке. Иначе говоря, наука присутствует в наших рассуждениях, но неявным образом.

Очевидно, что ученый должен мыслить и получать знание. Однако процесс мышления и накопления опыта пронизывает все виды деятельности людей, являясь просто аспектом этой деятельности, и поэтому тезис о социальной детерминации мышления вообще — это почти тавтология. Можно, конечно, говорить о том, что опыт греческих гончаров повлиял на античную картину мира в плане выделения таких основных стихий, как земля, вода, огонь и воздух. Но для этого надо как-то выделить и обособить эту картину мира, ибо только ее обособленность дает основание ставить вопрос о ее истоках. Иными словами, нам мало одного процесса мышления и получения знаний. Эти знания должны как-то "отпочковываться" от их носителей, группироваться и систематизироваться, приобретать относительно самостоятельное существование. Нам нужно некое подобие третьего мира Поппера.

Но существует еще один "поток", пронизывающий, сопровождающий все виды массовой человеческой деятельности. Это деятельность семиотизации и систематизации опыта, знаний с целью управления или трансляции. В этом "потоке" формируются устные традиции передачи опыта, письменность, книгопечатание ... Это и запись налогов и долгов, и своды законов, и первые медицинские рецепты на глиняных табличках... В одном случае речь идет о технических аспектах систематизации опыта (алфавит, бумага, печатный станок), в другом — о содержании, о том, что именно систематизируется и сохраняется. Но в обоих случаях совершенно очевидна социальная обусловленность всех этих процессов.

Появляется здесь, однако, и некоторая новая возможность рассуждения. Очевидно, что запись налогов социально детерминирована. Но почему в одном случае запись производится на папирусе, а в другом — на бумаге? Это уже влияние техники. Социальная детерминация в развитии последней тоже очевидна, но она не имеет прямого отношения к содержанию записей. Мы имеем здесь как бы пересечение или слияние двух относи-

тельно обособленных "потоков", и результат тоже выглядит как нечто относительно обособленное от каждого из них в отдельности.

Аналогичный способ рассуждения проходит и для науки. Минуя детали, ее можно представить себе как пересечение или слияние процессов получения новых знаний с процессами их отбора и систематизации в соответствии с определенными принципами или образцами. Один из таких принципов — это принцип предметной организации знаний, действенность которого проявляется в многочисленных дискуссиях о предмете той или иной дисциплины. Систематизатор (коллектор), несомненно, ориентирован в своей деятельности на определенный социальный запрос, не говоря уже о традициях самой коллекторской деятельности, но содержание знания обусловлено наличием другого потока. Этот последний нельзя вырвать из социокультурного контекста, но не весь полученный опыт отбирается, а отобранный сортируется иногда совершенно независимо от способа его получения. Наука напоминает озеро, образованное слиянием несколько рек. С одной стороны, такое озеро выступает как нечто самостоятельное и имеющее свои границы, с другой — именно реки, его образующие, являются нарушителями этих границ и связывают озеро со всей окружающей территорией.

В рамках такой модели можно, например, говорить о влиянии на науку шахматной игры, ибо в рассуждениях многих крупных ученых встречаются шахматные аналогии. Но в такой же степени можно говорить о влиянии на науку всего нашего обыденного опыта, ибо без этого опыта просто нет мышления. Это можно делать в силу того, что наука все же обособлена от этого опыта за счет других, порождающих ее процессов. В такой же степени можно говорить об огромном воздействии книгопечатания на развитие науки, если иметь в виду, что системы знания и исследовательская деятельность существовали и до этого. Иными словами, социальные традиции разного типа постоянно нарушают границы науки, но эти границы все же сохраняются за счет пересечения этих традиций.

Мы не перечислили всех "потоков", слияние которых образует науку. Существуют, например, традиции организации и институализации деятельности, которые, "вливаясь" в сферу нау-

ки, порождают научные институты различных типов. Кстати, бросается в глаза, что эти институты можно разбить на две большие группы: институты, связанные непосредственно с исследованием (лаборатории, экспедиции...), и институты информационные (журналы, библиотеки, реферативные журналы...). Наконец, нельзя не учитывать, что в науке работают люди, имеющие определенные ценностные ориентации, карьерные устремления и т.п., т.е. подвластные тем социальным традициям и образцам поведения, которые характерны для соответствующего общества и культуры. Это уже четвертый поток, с одной стороны разрушающий все границы, а с другой — в равной степени участвующий в их упрочении. Не следует при этом забывать, что есть и процессы, происходящие как бы в самом "озере", ибо имеет место взаимодействие всех "потоков" и их взаимное влияние друг на друга.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУКИ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

В.С. Степин (Минск)

I. Одной из важнейших характеристик науки является ее способность исследовать не только те объекты, которые в принципе могут быть освоены в наличных формах производства и обобщенного опыта, но и объекты, массовое практическое освоение которых может быть осуществлено только на будущих этапах исторического развития цивилизации.

Познание и понимание таких объектов предполагает выработку категориального аппарата, в соответствии с которым происходит формирование и развитие конкретно-научных понятий.

Каждый новый тип системной организации объектов требует для своего освоения особой сетки категорий. Например, в процессе познания и практического преобразования малых систем можно считать, что части аддитивно складываются в целое, причинность понимать в лапласовском смысле и отождествлять с необходимостью, вещь и процесс рассматривать как внеполо-

женные характеристики реальности, представляя вещь как относительно неизменное тело, а процесс как движение тел. Большие системы требуют иной категориальной сетки: в соотношении категорий части и целого должна быть включена идея о несводимости целого к сумме частей, вещь должна предстать в качестве процесса, воспроизводящего устойчивые состояния, случайность рассматриваться как объективная характеристика процессов. Если в культуре не сложилась соответствующая категориальная система, то новый тип объекта будет восприниматься через неадекватную сетку категорий, что не позволит науке раскрыть его существенные характеристики.

2. Поскольку наука постоянно выходит за рамки предметностей, привычных здравому смыслу эпохи, постольку она нуждается в постоянной генерации все новых, часто необычных для обывательского сознания категориальных систем. Решение этой задачи обеспечивает философия, в которой могут быть выработаны необходимые сетки категорий задолго до того, как соответствующие образцы системных объектов попадут в сферу естественного научного исследования. Развивая свои категории и принципы, философия как бы готовит для естествознания своеобразные предварительные программы формирования его будущих концептуальных структур.

3. Эвристические и прогностические возможности философии неразрывно связаны с ее функционированием в качестве теоретического ядра мировоззрения.

Философия постоянно осуществляет рефлекссию над мировоззренческими структурами, лежащими в фундаменте культуры. Эти структуры заданы системой категорий культуры, которые фиксируют характерные для каждого исторически определенного вида культуры представления об основных сторонах и компонентах человеческой жизнедеятельности: о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов и т.д.

Категории культуры обнаруживают себя во всех проявлениях духовной и материальной жизни общества: в обывательском языке, феноменах нравственного сознания, в художественном освоении мира, функционировании техники и т.п. Пронизывая все сферы человеческой жизнедеятельности, они выступают в качестве

своего рода глубинных программ, которые обеспечивают сцепление, воспроизводство и вариации форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации. В классовом обществе одна и та же сетка категорий может по-разному интерпретироваться в зависимости от классового интереса (в первую очередь это относится к категориям, которые характеризуют самого человека, его ценности и его деятельность).

Сложившаяся в культуре исторически определенная категориальная модель мира сохраняется до тех пор, пока она обеспечивает воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности. Однако по мере развития общества возникают потребности в новых типах мировоззренческих ориентаций, которые обеспечивали бы переход к новым, более прогрессивным формам социальной жизни. Перестройка категориальных структур мышления является необходимым условием такого перехода. В процессе этой перестройки особую роль играет осознание системы категорий культуры, экспликация их смыслов, сопоставление этих смыслов с реалиями бытия. Такого рода рефлексия и составляет важнейшую задачу философского познания.

4. Осмысливая категории культуры, философия выражает их в понятийно-логической форме посредством философских категорий. В последних акцент сделан на понятийно-логическом способе постижения мира, хотя при этом во многом элиминируется определенный личностный смысл, заложенный в категориях культуры. Философские категории являются схематизациями и упрощениями категорий культуры. Но за счет этого мышление может работать с ними как с особыми идеальными объектами, конструируя новые категориальные сетки, которые задают новое видение не только объектов, преобразуемых в человеческой деятельности, но и самого субъекта деятельности, его ценностей и целей.

Можно указать на два главных канала, обеспечивающих генерацию в системе философского познания новых категориальных моделей мира: во-первых, рефлексия над различными феноменами культуры (материальной и духовной), и выявление реальных изменений, которые происходят в категориях культуры в ходе

исторического развития общества; во-вторых, установление содержательно-логических связей между философскими категориями, их развитие как системы, когда изменение одного элемента приводит к изменению других.

5. Задачи философского исследования никогда не ограничивались только анализом науки, хотя в европейской культурной традиции, начиная с эпохи становления естествознания, обобщение его достижений было одним из важнейших путей развития философских категорий. Важнейшая цель философии заключается в решении мировоззренческих вопросов – обсуждении проблемы человека, смысла человеческой жизни и т.д. Именно в процессе постановки, обсуждения и решения всех этих проблем философия вырабатывает и развивает свои категории и принципы, которые затем естествознание селективно заимствует из массива философского знания, превращая их в свои философские основания.

Развертывание философией прогностических функций является одним из условий как становления науки, так и ее исторического развития. Оно выступает в качестве одного из существенных моментов социальной детерминации науки.

ПРОБЛЕМА "ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА" В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Т.Я. Сутт (Тарту)

Среди мировоззренческих факторов, детерминирующих процесс познания в естественных науках, важное место принадлежит картине мира. Естественнонаучную картину мира следует рассматривать как существенный элемент "социальной памяти" человечества. Вместе с тем она выступает как регулятивный фактор постановки новых и переосмыслении старых исследовательских задач в познании мира.

Две "великих революции" в истории человеческой мысли – Коперника и Дарвина – непосредственно связаны с переоценкой сущности взаимоотношения человека и природы. Коперник опроверг геоцентрическое видение мира и "отодвинул" нас из цент-

ра космоса на его окраину. Дарвин разрушил миф о божественной предопределенности человека и показал, что в биологическом плане человек является одним из миллионов видов, возникших в процессе органической эволюции.

Прогресс познания в естествознании XX века характеризуется созданием двух фундаментальных эволюционных концепций — теории эволюирующей (нестационарной) Вселенной и синтетической теории эволюции.

Идею эволюирующей Вселенной можно рассматривать в качестве одного из центральных положений новейшей естественнонаучной картины мира (1). С этой точки зрения вся история Вселенной — от "большого взрыва" до возникновения Homo sapiens — представляет собой единый процесс, характеризующийся генетической и структурной преемственностью четырех типов эволюции — космической, химической, биологической и социальной.

Принципиальное методологическое значение для анализа соотношения человека и природы имеет принцип антропности, сформулированной Г. Иддисом (1958) и Р. Дике (1961). Согласно этому принципу только в наблюдаемой человеком Вселенной, с соответствующими фундаментальными постоянными и законами физики, возможно образование сложных устойчивых структур и, следовательно, существование жизни (2). Далее из принципа антропности следует, что жизнь во Вселенной должна зародиться одним и тем же способом и на одной и той же химической основе (3).

Эти идеи современной космологии совпадают с положением синтетической теории эволюции об атрибутивных характеристиках жизни, инвариантных теоретически допустимому многообразию форм жизни во Вселенной: белки и нуклеиновые кислоты как материальный субстрат жизни; конвариантная редупликация; естественный отбор как движущая сила органической эволюции; уникальность биологического вида.

Анализ сущности инвариантов жизни и принципа антропности позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой возникновение жизни во Вселенной детерминировано универсальными закономерностями. Однако, ввиду стохастического характера процесса эволюции, ее конкретные пути (потенциальная многонаправлен-

ность) и результаты (биологические виды) всегда уникальны (4).

На основе представленной нами гипотезы можно дать следующую интерпретацию принципа антропности: хотя эволюирующая (нестационарная) Вселенная и является единственным миром, в котором возможны возникновение и эволюция жизни, появление человека не преддетерминировано биологической эволюцией, а представляет собой событие вероятностное и уникальное (5).

На фоне современной экологической ситуации концепция уникальности жизни и человека придает проблеме взаимоотношения человека и природы новое этическое значение (6). Преодоление противоречия между характером человеческой деятельности и основными закономерностями эволюции жизни — это означает сохранение биосферы Земли не только как необходимой среды существования человечества, но и как уникального космического феномена. Деятельность во имя достижения этой цели следует признать высшим долгом человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турсунов А. Познание эволюционных процессов во Вселенной. М., 1983.
2. Новиков И., Полнарев А., Розенталь И. Численные значения фундаментальных постоянных и антропный принцип. — "Известия АН Эстонской ССР. Физика. Математика", 1982, № 3, с. 284–289.
3. Марочник Л.С., Мухин Л.М. Галактический "пояс жизни". — "Природа", 1983, № II, с. 52–57.
4. Сутт Т.Я. Проблема уникальности жизни и человека в свете современного дарвинизма. — В сб.: Вопросы современного дарвинизма. Тарту, 1983, с. 174–188.
5. Сутт Т.Я. О методологических аспектах эволюционно-теоретической интерпретации принципа антропности. — В сб.: Методологические проблемы эволюционной теории. Тарту, 1984, с. 100–109.
6. Sutt, T. Inimene ja evolutsioon. — Eesti Loodus, 1980, nr. 3–4, lk. 130–135, 220–225.

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Л.С. Сычева (Новосибирск)

Обычно, говоря о социальной детерминации познания, рассматривают влияние на науку таких сфер общественной жизни, как материальное производство, торговля, политика и т.п. Однако мы считаем, что процесс познания детерминруется не только этими внешними по отношению ко всей науке факторами, но и самим массивом наук, существующих в обществе, получивших то или иное общественное признание и престиж. Дисциплинам, имеющим более высокий престиж, часто стараются подражать. Ориентация одних наук на другие, стремление быть похожими на науки-образцы позволяет говорить о научных традициях, о подражании в мире наук.

Анализируя роль подражания и социальной памяти в функционировании человеческого общества, М.А. Розов говорит о процессах-эстафетах, считает, что "люди действуют определенным образом потому, что до них так уже действовали другие; они действуют по образцам, в качестве которых выступает предшествующая, уже реализованная деятельность, уже осуществленные формы поведения. ... Социальная жизнь - это эстафета, в которой сменяющие друг друга бегуны несут один и тот же факел" /1, с. 3/. Понятия "культура" и "традиция" столь тесно связаны в современном общественном сознании, что один из участников дискуссии по статье Э.С. Маркаряна "Узловые проблемы теории культурной традиции" К.В. Чистов даже говорит, что "термины "культура" и "традиция" в определенном теоретическом контексте синонимичны" /2, с. 105/.

В современной науке можно выделить и описать множество традиций. Одна из очень сильных и в значительной степени определяющих облик современной науки, захватившая биологию, геологию, географию, лингвистику, - традиция их теоретизации. Образцом для подражания при этом часто выступает физика. О том, что имеет место подражание физике как образцу

научной строгости, свидетельствуют многие высказывания биологов. Так, Т. Уотерман пишет: "... представители новой биологии ... следуют по иному пути, имеющему истоки в математике, физике, химии и технике — областях, которые сами часто отличались изящной строгостью и концептуальной силой" /3, с. II/. Уотерман явно исходит из представления о некотором идеале, образце науки: "Цель всякой точной науки — разработать мощную систему основных конструктов такой глубины и широты, чтобы частные явления можно было объяснить дедуктивным путем как логические следствия небольшого числа более фундаментальных принципов" /3, с. I3/. Он оценивает состояние биологии, сравнивая ее с этим идеалом: "...биология еще не достигла уровня количественной науки с хорошо развитой системой понятий" /3, с. II/, "... биология, для того, чтобы стать зрелой наукой должна иметь в своем распоряжении " /3, с. I3/, "... только на этом пути ... биология может вырасти из незрелого состояния чисто описательной науки и подняться до уровня подлинно теоретической дисциплины" /3, с. 29/.

Г. Морвиц проводит ту же мысль: "... некоторые биологи смотрят на физику с завистью и рисуют в своем воображении теоретическую биологию, которая обладала бы компактностью, изяществом и предсказательной ценностью, свойственными многим областям физической теории" /3, с. 34/. Наконец, еще один подобный манифест, принадлежащий Н. Рашевскому, автору "Математической биофизики": "В этой книге мы предполагаем заложить основы математической биологии, аналогичной по своим методам математической физике /3, с. 4I/.

Частным случаем влияния физики и математики на другие науки является функционирование в качестве образца научной строгости аксиоматически построенных математических теорий. Подражание последним породило работы по аксиоматическому построению некоторых разделов физики, а затем дух аксиоматизации проник и в биологию. Так, М. Рьюз ставит вопрос "является ли менделевская генетика настоящей аксиоматической системой?" и отвечая на него положительно, считает, что противником этого тезиса "придется потрудиться, чтобы вопреки очевидности доказать, что менделевская популяционная генетика не является подлинной аксиоматической системой" /4, с. 62/.

Физика невольно задала еще одну традицию, еще один образец научности, которому многие представители других наук хотят подражать во что бы то ни стало — формулирование знаний в виде законов. Наличие законов в обыденном сознании научного сообщества считается образцом подлинной научности, а их отсутствие приводит к оценкам той или иной научной области как не совсем научной, недостаточно строгой. Этот последний момент прямо подчеркивает М.Рьюз: " ... совершенно очевидно, что если ... в биологии нет законов, то любые попытки привести биологию (в частности, генетику к виду аккуратной, изящной, аксиоматической системы окажутся безосновательным насилием над материалом. ... Нам придется тогда довольствоваться тем, что биология — наука иного рода, чем физика и химия, причем слова "иного рода" в этом случае будут заменять слова "второго сорта" " /4, с. 49/. Проблема закона обсуждается в географии, и если не всегда отсутствие законов оценивается столь отрицательно, как это делает М.Рьюз, то наличие законов всегда оценивается как достижение желаемого.

Назовем еще одну традицию, на этот раз не из области производства знания, а из области его обоснования. Создатель теории физических структур, Ю.И. Кулаков пишет, что эта теория "представляет собой попытку "бурбакизации" физики, пересмотра ее оснований с единой точки зрения, в основу которой вместо нескольких различных полунтуитивных понятий: пространство, время, сила, масса и т.п. положено одно единственное понятие — физическая структура" /5, с. 97/. Ю.И. Кулаков явно называет своего предшественника — Н. Бурбаки, в подражание которому он поставил перед собой задачу обоснования физики.

Целью данной работы не является перечисление всех научных традиций. Мы хотели лишь показать, что такие тенденции имеют место и являются фактором социальной детерминации познания.

В заключение обратим внимание на вопрос о том, что необходимо разрабатывать методiku и методологию анализа традиций вообще. Во многих гуманитарных науках исследователи давно столкнулись с проблемой — всегда ли сходство каких-то явle-

ний означает их происхождение из одного источника, или возможны и случаи, когда похожесть социальных явлений обусловлена не подражанием, влиянием или заимствованием, а чем-то другим? Скажем, сейчас формируется много стыковых наук, таких, как медицинская демография, география рас, социо- и психолингвистика и т.п. Подражают ли они при этом биофизике или геохимии, возникшим раньше, или нет? В географии рас не ссылаются даже на очень близкую ей географию растений, хотя трудно предположить, что опыт этой дисциплины им не известен. Можно ли, следовательно, говорить о традиции только в том случае, если есть прямые и бесспорные свидетельства подражания или правомерно считать традицией и такие случаи, когда вывод о подражании образцам можно делать только косвенно?

ЛИТЕРАТУРА

1. Розов М.А. Информационно-семиотические исследования: процессы эстафеты и принцип дополнительности. - НТИ, сер. 2, 1984, № 2.
2. Дискуссия по статье Э.С. Маркаряна "Узловые проблемы теории культурной традиции" - Советская этнография. 1981, № 2.
3. Теоретическая и математическая биология. М., 1968.
4. Ръюз М. Философия биологии. М., 1977.
5. Кулаков Ю.И. Теория физических структур как абстрактная теория физических систем. - В кн.: Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1971.

СТРУКТУРА НАУЧНОЙ ТЕОРИИ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

А.С. Уйбо (Таллин)

Существующие модели научных теорий разработаны на материале естественных наук и в силу своего генезиса оказываются малопригодными при анализе методологических проблем социаль-

ного познания. Видимо, имеется потребность в универсальной модели, которая включала бы элементы и структуру, общие для специализированных форм научных теорий, таких как физическая, биологическая, историческая и т.д. Создание такой модели способствовало бы лучшему пониманию природы и динамики научного познания, в том числе и социально-исторического.

В основе развиваемого автором подхода лежит представление о научной теории как системе, генезис и функционирование которой определяются рядом относительно самостоятельных детерминант, а каноническое представление теории в виде текста не охватывает всех ее элементов. В составе теории мы выделяем базисный и производный уровни. Базисный уровень играет важную роль при формировании теории и состоит из информационного, конструкционного и нормативного базисов. Информационный базис научной теории включает те факты, для объяснения которых теория создается, и в процессе ее функционирования расширяется, пока не будет точно выявлена предметная область теории. Коротко говоря, информационный базис фиксирует множество объектов и параметров, для которого теория предполагается истинной, и является одной из форм проверочного знания. Отметим, что включение фактов в состав теории не ведет, как это полагали Т. Кун, П. Фейерабенд и др., к несоизмеримости теорий, т.к. информационный базис представляет собой относительно независимый, самостоятельный слой в структуре теории. Факты, образующие информационный базис, действительно получают свое значение в составе определенной теории и меняют или теряют его в рамках другой, но в то же время они сохраняют и некоторый "инвариант информации", благодаря чему могут существовать самостоятельно или служить проверочным знанием как для данной, так и для других теорий. Конструкционный базис научной теории образуют исчисления, при помощи которых соединяются элементы теории. Во всех случаях условием построения теории является логическая согласованность ее элементов, когда высказывания, фиксирующие принципы, теоретические законы, методологические правила и факты, связаны отношениями логического следования. При построении теории часто используются математические исчисления, если некоторые внутритеоретические отношения могут быть пред-

ставлены в виде системы уравнений, Последнее придает теории особую строгость, позволяя применять при ее разворачивании и проверке средства математического анализа. Конструкционный базис выступает в качестве одного из важнейших средств внеэмпирической проверки теорий, особенно математизированных, а также обеспечивает, при помощи транслируемых структур логики или математики, правильность теоретических конструкций.

Нормативный базис научной теории включает заимствованные из других теорий, философии, идеологии и т.п. положения, в соответствии с которыми строится данная теория. Нормативный базис обеспечивает преемственность и согласованность теоретического знания, аккумулируя наиболее устойчивые его элементы. В то же время, образуя относительно консервативную часть научного знания, нормативный базис является источником большинства внутритеоретических противоречий. Нормативный базис играет особенно важную роль в развитии научных теорий также благодаря тому, что некоторые из его положений часто закрепляются социально, что превращает их преодоление в трудную задачу, требующую не только неопровержимых доказательств или безупречных экспериментальных результатов, но и личного мужества, иногда самопожертвования. Основой такого закрепления могут служить классовые или групповые интересы, преклонение перед авторитетами или традициями, политические или идеологические факторы. Следует отметить, что в естественных науках социальная детерминация элементов нормативного базиса проявляется ничуть не слабее, чем в науках общественных. Другое дело, что в естественных науках количество таких элементов меньше, и классовые интересы в их закреплении играют меньшую роль, тогда как другие факторы социальной детерминации иногда действуют даже сильнее.

Базисный уровень выступает в качестве условий создания и средств проверки теории; не менее важен производный уровень теории, состоящий из онтологической схемы и правил оперирования и обеспечивающий функционирование научной теории как средства познания. Онтологическая схема представляет собой систему высказываний, фиксирующих сущностные элементы отображаемой в теории области реальности, их взаимодействие или генезис. Онтологические схемы – составная часть

не только научных теорий, но и философских, религиозных, мифологических учений. Появление этих схем обусловлено онтологической иерархичностью природы, несовпадением сущности и явления. Однако в составе научных теорий онтологические схемы имеют связанный характер: их строение детерминировано базисным уровнем теории. Появление новых онтологических схем, как правило, связано с пересмотром нормативных принципов. Кроме того, онтологические схемы должны быть согласованы с информационным базисом, для чего в состав теории вводятся правила оперирования, которые указывают, какие действия следует производить с носителями информации, чтобы получить факты, подтверждающие теорию, т.е. факты, существование которых следует из онтологической схемы. В отличие от правил соответствия, здесь имеются ввиду правила, по которым протекают действия ученых по получению информации — наблюдение, эксперимент, дексдирование и т.п., включая способы обобщения и фиксации результатов. В целом можно утверждать, что любая теория, построенная для какого-то фрагмента реальности, включает правила оперирования, при помощи которых чувственно данное преобразуется в факты теории и наоборот, и тем самым осуществляется проверка теории.

Между вышеназванными компонентами теории существуют определенные связи, благодаря чему теория функционирует как целостная система. Если эти связи нарушаются и элементы теории приходят в противоречие друг с другом, наступает кризис, в ходе которого перестраиваются или заменяются один или несколько блоков теории. В зависимости от степени перестройки и характера старой теории можно говорить о ее совершенствовании, построении новой теории или о научной революции. Источником такого развития выступают в первую очередь внутри-теоретические противоречия.

Системный характер имеют не только отдельные теории, но научные дисциплины и наука в целом. Поэтому перестройка или замена одной фундаментальной теории постепенно влечет за собой перестройку или замену других теорий, сначала в смежных областях, а затем и в отдаленных. Использование новых правил оперирования, перестройка конструкционного базиса, внедрение новых нормативных принципов и т.п. — весь процесс межтеоре-

тического взаимодействия является другим источником противоречий, в ходе преодоления которых развивается научное познание.

СОЦИАЛЬНОЕ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ НАУКИ

А.Д. Шоркин (Симферополь)

1. Развитие науки детерминировано столь многообразными факторами, что анализ любого из них или некоторой группы взаимосвязанных факторов составляет отдельную задачу, вполне санкционированную методологическим сообществом в настоящих условиях отсутствия теории развития науки. Актуальная потребность в такой теории, преодоление недостатков предлагаемых моделей (напр., К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Файерабенда, С. Тулмина, Г. Башляра и мн. др.), вместе с тем, требуют также и более цельного, системного представления детерминант науки, которое имело бы достаточную историко-культурную апробацию или хотя бы перспективны фактуального обоснования и ясные аналитико-методологические основания. На каких же основаниях может быть выстроена типология факторов развития науки?

2. Один из принципов типологии непосредственно связан с известной оппозицией внутренней логики развития науки и вне-научных детерминант. "Мнимая контраверза" (С.Р. Миклушинский) сторонников интерналистской и экстерналистской версий в течение длительного времени составляет, однако, один из центральных пунктов дискуссий об исходных принципах историко-научных исследований. История науки "рискует" остаться только написанной, ибо существующие разногласия способны привести к отнюдь не совпадающим "Историям". Характерно, однако, что в пылу полемики зачастую выдвигаются утрированные аргументы, которые вопреки намерениям оппонентов скорее дискредитируют, чем обосновывают защищаемые позиции.

Примером ответной реакции на излишне прямолинейные попытки установления связей проблем отдельных научных теорий

с социально-экономическими условиями может служить статья М. Хэммертона, в которой он называет теорию социально-экономической детерминированности науки "модным" и "распространенным" заблуждением /1/. Ибо почему в одинаковых социально-экономических условиях Греции одновременно существовали альтернативные гео- и гелио-центричные концепции? А как влияет современная социально-экономическая среда на дискуссию о том, были ли динозавры теплокровными животными? В этой работе, где автор выясняет причины живучести "ложных" и "вредных" концепций социально-экономической детерминированности, любопытна, однако, следующая оговорка. М. Хэммертон решительно отвергает только "жесткое", "буквальное" истолкование тезиса что "научная теория и практика определяются обществом, органической составной частью которого они являются /1, стр. 274/, но считает "бесспорно истинной" и даже тривиальной его "мягкую" интерпретацию - что, например, применение паровых машин в промышленности стимулировало развитие термодинамики /1, стр. 275/. Подобные ситуации, когда наличие вне-научных (или, в экстерналистском варианте, напротив - внутри-научных) детерминант вообще-то признается, но отвергается их безусловная эффективность и обязательность, совершенно типичны. В них своеобразным способом фиксируется различие между предпосылками и основаниями развития науки.

Назовем предпосылками условия, открывающие саму возможность научного познания, но не входящие в "тело" науки, а основаниями - детерминанты, непосредственно или в опосредованных формах включенные в науку, составляющие ее часть.

К существенным признакам науки, хотя общепринятый перечень критериев науки пока и отсутствует, следует отнести ее способность к спонтанному, имманентному развитию. В отличие от обиденного знания наука обладает внутренней логикой своего развития, ее предшествующие состояния составляют мощный импульс последующих изменений. В то же время наука является частью культуры, элементом целого, возможным только внутри этого целого и своими специфическими средствами это целое представляющим. Изолированная от культурных предпосылок наука невозможна. Предпосылки и основания науки, бесспорно, взаимосвязаны, их "полюсная" оппозиция и связи образуют не-

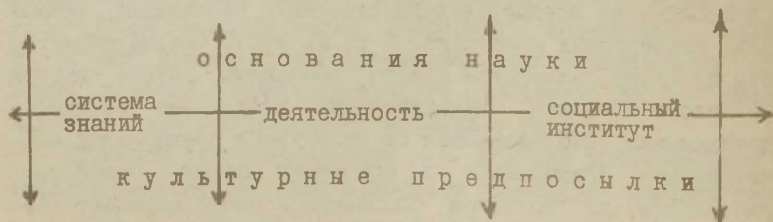
которое пространство, измерение, в котором детерминанты развития науки расставлены в определенном порядке.

3. При обсуждении социальных факторов детерминации науки зачастую подразумевается, что речь идет о вне-научных детерминантах — о предпосылках. Такое общее допущение неправомерно, ибо объект анализа — наука — изначально более сложен. Наука — это не только система знания, но, одновременно, и некоторая деятельность по ее функционированию и производству, а, кроме того, определенный социальный институт. "Триединство" науки позволяет изучать ее разными методами и, что очень важно, сопоставлять результаты получаемые изучением этих трех разных аспектов науки.

Р. Мертон, например, в основном сопрягает институциональный и деятельностный аспекты науки. современные советские исследователи в ряде работ удачно анализируют процессы становления науки и научных революций, сопоставляя развитие средств и программы научно-познавательной деятельности с достижениями в развитии знания. К сожалению, значительно реже анализ проблем развития науки ведется в сопоставлении всех трех "ликов" науки.

Реальная трехаспектность бытия науки и является тем вторым основанием, на котором целесообразно развернуть типологию ее детерминант. Факторы развития науки соотносимы: а) со сферой предмета, цели смысла и средств познавательной деятельности; б) с массивом научного знания; в) с наукой как социальным институтом.

4. Пространство типологии, в котором размещаются детерминанты развития науки, таким образом, оказываются двумерным: одно его измерение образовано оппозицией и связью предпосылок и оснований, другое — разделяет детерминанты в соответствии с аспектами бытия науки.

Упорядочить детерминанты в "вертикальном" измерении — значит показать, какими конкретными способами наука вживлена в культуру, выделить формы и механизмы их сочленения и опосредования. К элементам такой развертки науки как системы знания можно, например, отнести: отдельную научную дисциплину, интертеоретическую целостность, метафизико-когнитивные основания науки, исторически сложившуюся конфигурацию знания, особенности языка эпохи, логические стандарты. Культурной предпосылкой науки как социального института являются производственные отношения, которые через запросы производства и социальное санкционирование детерминируют функционирование научных сообществ. Наука как деятельность с ее парадигмальными канонами и стандартами научной рациональности вписана в более широкую общепринятую систему запретов и разрешений, в систему подразумеваемых, но неформулируемых запретов, отделяющих бессмыслицу от имеющего смысл в данной культуре.

"Горизонтальное" упорядочение детерминант означает установление корреляций трех "ликов" науки. Если объектом изучения является социальная детерминация науки, то здесь выясняется воздействие научных сообществ, социальных санкций и приказов на развитие средств и канонов научно-познавательной деятельности, на глубину дисциплинарных новаций, на изменения в системе интертеоретической целостности философских оснований науки и т.д.

5. Объект "наука" сложен в еще одном отношении: он составлен разными типами знания — гуманитарным и естественно-научным, резко отличными по целям и стилю фундаментальными и прикладными исследованиями, включает сотни разнородных дисциплин. Насколько правомерно говорить о науке как о едином предприятии? Д.К. Саймонтон (Арканзасский ун-т), основываясь на результатах факторного анализа списка почти тринадцати тысяч научно-технических достижений, составленного П. Сорокиным, склонен, например, считать понятие единой науки "весьма сомнительным" по отношению к ее совокупной истории, хотя развитие некоторых групп научных дисциплин и оказывается взаимосвязанным /2/, /3/. Несомненно, анализ подсистем науки и их координации составляет отдельную задачу, внутрен-

нее пространство науки неоднородно и анизотропно. Эта "глубина" науки составляет третье измерение и третье основание таксономии детерминант науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hammerton, M. A fashionable fallacy. - New scientist, L., 1977, No 3, vol. 76, p. 274-275.
2. Simonton, D.K. Invention and discovery among the sciences: a P-technique factor analysis. - Y. of vocational behavior, N.-Y. - L., 1975, vol. 7, No 3, p. 275-281.
3. Simonton, D.K. Interdisciplinary and military determinants of scientific productivity: a crosslagged correlation analysis. - Y. of voc. beh., N.-Y. - L., 1976, vol. 9, No 1, p. 53-62.

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Б.Г. Юдин (Москва)

Релятивистская социология науки по своим исходным установкам во многом резко расходится с предшествующей традицией изучения науки в западной социологии. Прежде всего эти расхождения касаются понимания задач и возможностей социологии в анализе науки, что, в свою очередь, обусловлено другим пониманием самой науки.

Для того типа социологии науки, который принято ассоциировать с именем Р. Мертона, было характерно представление о логическом примате эпистемолого-методологического анализа перед социологическим. Предполагалось, что в рамках первого решается вопрос о сущности и специфике науки (а точнее - научного знания и способов его получения), и что даваемое эпистемологией и методологией решение этого вопроса является исходным для социологического изучения науки. Коль скоро определено - или по крайней мере в принципе эпистемолого-методологическими средствами может быть определено, - в чем

именно заключается специфика научного познания, научного подхода к изучению действительности, на долю социологии выпадает два класса задач. Первый — это исследование взаимоотношений между индивидами, занимающимися научным познанием, в той мере и постольку, в какой мере и поскольку эти взаимоотношения обеспечивают осуществление, воспроизводство и развитие научной деятельности. Ко второму классу задач относится изучение внешних условий (социальных и культурных) с точки зрения их стимулирующей или, напротив, тормозящей роли по отношению к имманентному развитию науки.

Научная деятельность, согласно этим представлениям, имеет два измерения: одно, исходное и определяющее — это когнитивное измерение, т.е. взаимодействие исследователя с изучаемыми объектами, явлениями и процессами; второе, в своих принципиальных характеристиках определяемое первым — это социальное измерение, т.е. взаимодействие исследователя со своими коллегами и, опосредованно, с окружающими системами социальных отношений. Взаимодействия между коллегами регулируются специфической системой ценностей, норм и установок, которая, будучи социально институционализированной, выступает в качестве этоса науки. В свою очередь, наличием этого специфического этоса и определяется возможность реализации в достаточно широких масштабах когнитивного отношения к реальности, возможность прогрессивного накопления удостоверенных, обоснованных и признанных массивов научного знания.

Сторонники этой системы воззрений — мертонианцы (хотя, впрочем, не только они), чаще неявно, а иногда явно исходили из того, что наука — это социальный институт, опирающийся на демократическую, либеральную, прогрессистскую систему ценностей в определенном смысле представляет собой социальный идеал; что, наконец, даже и общесоциальные условия могут оцениваться с точки зрения того, насколько они обеспечивают возможности беспрепятственного прогресса науки и в какой мере ценности и институты общества гармонируют с этосом науки. Что касается самой науки, то ее социальная ценность с этой точки зрения представляется безусловной.

Практически все эти тезисы, предпосылки и представления традиционной социологии науки подвергается критическому пе-

решению в работах социологов релятивистской ориентации. В этой связи необходимо подчеркнуть, что истоки релятивистской социологии науки лежат не только в развитии западной философии науки и общей социологии; не менее серьезным оказалось и воздействие того, что получило название "кризиса доверия к науке". Этот кризис, разразившийся в буржуазном общественном сознании в конце 60-тих годов, во многом был инспирирован ультрарадикальным движением "новых левых". Он поставил под сомнение ценность науки как социального института, способствующего общественному прогрессу — под влиянием идейных предшественников и идеологов "новых левых", например, философов Франкфуртской школы, наука и научное знание стали пониматься как один из механизмов, обеспечивающих и укрепляющих доминирующие позиции правящих социальных групп и угнетенное положение эксплуатируемых слоев общества.

Наука, таким образом, перестает восприниматься как нечто самодостаточное и самоценное, как особая, специфическая сфера человеческой деятельности. Все большее распространение начинают приобретать концепции, рассматривающие ее как одну из систем верований в ряду таких систем, как миф, религия, идеология и т.п., причем утверждается, что по способам обоснования и функционирования нет принципиальных различий между ней и другими системами верования. Наряду с этим получают развитие точки зрения, согласно которым наука и свойственная ей система ценностей отождествляется не с либерализмом и демократизмом, а с институтами подавления и нивелирования личности. Иначе говоря, наука истолковывается как сугубо подчиненный, служебный социальный институт — как инструмент в руках репрессивных, манипуляторских социальных сил.

Таков тот идейный фон, на котором формируется релятивистская социология науки: под сомнением оказалась и познавательная, и социальная значимость науки.

III. СЕКЦИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

М.А. Абрамов (ИФАН)

1. Происхождение философии как "постигающего в понятиях мышления" сложнейшая многоплановая проблема. Становление логического мышления как строго последовательного мышления, подчиняющегося определенным нормам, требованиям, кристаллизации абстрактно-понятийного аппарата — исследование этого процесса представляет значительный исторический и методологический интерес.

2. Какими же факторами обуславливался процесс превращения сначала мифологического, затем "досократовского" философствования, во многом еще метафорического в новую форму рациональности, наследником которой является современное теоретическое мышление. Одним из показателей разрыва с традиционным, "анонимным" мышлением явилось именно возникновение субъективного философствования, которое провозглашало истину, разыскивало ее на свой страх и риск, опираясь не на внешний традиционный авторитет, а на собственные установки. Характерно, что почти одновременно возникает лирическая поэзия, которая также характеризуется личностным началом.

3. Материалистический подход к истории развития форм общественного сознания отвергает, конечно, всевозможные идеалистические "версии", сводящиеся к обнаружению априорно заданных форм мышления; или к развертыванию духовного содержания абсолютной идеи и т.п. Разложение синкретического мифологического сознания обуславливалось возникновением классов, возникновением и ростом городов, ремесел, торговли, новых отраслей производства. Все это служило предпосылками кван-

тования личности, также как и образования новых дифференцированных форм общественного сознания.

4. Нам хотелось бы обратить особое внимание на влияние возникших демократических институтов, народных собраний, судов и т.д., опиравшихся в своей деятельности на писанные законы (номосы) и конституции. Об этом говорил в свое время Дж. Д. Бернал в своей книге "Наука в истории общества", М., 1956). "Способность к аргументации стала возможной также благодаря политическим особенностям греческой жизни... В то же время интенсивная политическая жизнь города с особым значением в ней торговых сделок и судебных дел, в которых каждый человек первое время являлся своим собственным адвокатом, а судьи избирались жеребьевкой, сделала возможным и действительно необходимым развитие до наивысшей степени искусство аргументации" (с. 97).

5. Созревание новых, более сложных общественных отношений, обусловленных возникновением новых социальных, политических и правовых институтов требовало адекватных форм истолкования и применения номосов и соотношения их с конкретными прецедентами.

Одним из первых свидетельств взаимодействия политическо-правовой практики и возникающего философского мышления служит известный фрагмент из сочинения Анаксимандра "О природе": "А из чего вещи возникают, в то же самое они по необходимости и разрешаются. Ведь за свою нечестивость они несут кару и наказание", в котором по гипотезе Йегера присутствует судебно-правовая терминология.

6. Весьма ценный материал обнаруживается в отрывках древнего комедиографа Эпихарма, особенно в фрагменте условно именуемом "Кредитор и должник". В этой сценке "должник", опираясь на тезис традиционного мышления о всеобщей изменчивости, отрицает на суде, что он и кредитор являются теми же самыми субъектами, поскольку с того момента, как они заключили сделку прошло какое-то время и они изменились. Из этого отрывка помимо прочего можно заключить, что значение судебных также как и политических органов в демократических полисах неуклонно возрастает и разработка соответствующих норм правил мышления, модусов аргументации совершенно необходима

для нормального отправления судопроизводства.

7. Многие фрагменты учения Гераклита содержат указания на то высокое значение, которое Гераклит придавал законам (номой). В ряде фрагментов Гераклит устанавливал наличие "ноэтического" мира и пытался выяснить природу логических отношений противоположностей, условия высказываний о них.

8. Учение Парменида делает дальнейший шаг в направлении к выработке логически строгого мышления. Он впервые в философской литературе не декларирует тезис, а пытается его обосновать. Доказательство единственности бытия строится на утверждении невозможности, немнслимости, невыразимости иного мира, мира небытия. "Не доказать никогда, что небытие существует, — провозглашает Парменид, воспроизводя тем самым обстановку судебного разбирательства. Парменид демонстрирует, что некоторые утверждения могут быть отвергнуты в силу невозможности их обоснования. а другие, напротив, приняты именно в результате доказательств — черта, свойственная политической и процессуальной практике.

9. Зенон и одновременно с ним "старшие" софисты применяют уже изощренную систему доказательств. Тут и *argumentum ad Hominem*, *Reductio ad Absurdum*, *Reductio ad Impossibile* etc.

Единство философской и политико-правовой аппликации логических средств ярко обнаруживается в сохранившихся отрывках книги Горгия "О несущем". Единство социального корня философского и судебно-правового понятийного аппарата зафиксировано в понятии "категория", которое означает не только общее понятия, но и определение состава преступления.

ПРИНЦИП МОНИЗМА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

Н.Т. Абрамова (Москва)

В литературе отмечается, что продолжающаяся дифференциация современной науки порождает разобщенность в сущности единого человеческого знания, что такая разобщенность ощутима для понимания социально-исторической обусловленности познания¹. Чтобы преодолеть такую ситуацию, необходимо осоз-

¹ Ребане Я.К. Некоторые проблемы комплексного изучения со-

нать, каким путем, за счет каких теоретико-познавательных средств осуществляется обобщение гетерогенного знания. Ответ на этот вопрос заставляет обратиться к некоторым общим принципам познавательной деятельности. К их числу принадлежит принцип монизма. Предпосылочная роль принципа монизма выражается в том, что целый ряд наук связывают своей теоретический идеал с поисками общего основания. В качестве определенной формы обобщения знания принцип монизма потому и имеет методологический смысл, что он применим во всех тех случаях, когда возникает потребность в осмыслении целостности разрозненного знания. В различные культурно-исторические периоды развития знания, в зависимости от имевших место уровня развития и способов обоснования знания, мировоззренческих установок и пр. принцип монизма находил специфическое обличье, форму выражения. Вот почему коренные изменения общественно-исторической практики можно поставить в связь с выдвижением своеобразных способов обоснования единства научного знания.

Вместе с тем при всем многообразии форм воплощения принципа монизма в зависимости от исторической сменяемости самих общих систем знания о мире от античности до современности можно выделить два типа моделей обоснования единства. В модели, идущей от милетской школы, многообразие мыслится как ветвистое дерево, имеющее единый "корень" или основание. Последнее выполняет функцию эталона общности. Путем его экстраполяции производится теоретическая реконструкция всего дерева в целом. Другая модель, истоки которой связаны с именем Парменида, является альтернативой первой. За исходный пункт исследования здесь берется целое, которое является образцом для каждой входящей в него части. Противоположным будет и ход познавательного движения, его вектор: дерево познания оказывается как бы повернутым кроной вниз, и токи идут наоборот — от целого к частям. Несмотря на различие, обе модели основываются тем не менее на общих посылах. Это, во-первых, методологическая убежденность в подобии, тождественности различных объектов по единому основанию. Во-вторых, в

пиальной детерминации познания. — Социальная природа познания. М., 1979, с. 88.

том, что образец сходства задан, именно в соответствии с ним ведется реконструкция всего многообразия; между образцом (основанием) и многообразием (обосновываемым) устанавливается генетическая связь — субстанциальная или эпистемологическая. В-третьих, процедура обобщения осуществляется за счет редукции.

Развитие монистической традиции характеризуется применением принципа монизма к новым объектам. Однако новизна современной ситуации не только в самом факте экстенсивного расширения, в открытии "иных" сфер приложения, причем в обоих его ипостасях. Важно другое, а именно обращение к мозаичным, гетерогенным объектам, имеющим парадоксальную природу. К их числу принадлежат квантовая частица, имеющая корпускулярно-волновую природу; это альтернатива биологической и социальной сущности человека; ныне это попытки вскрыть общность естественных, общественных и технических наук и др. У таких систем элементы несовместимы друг с другом, обладают взаимоисключающими свойствами, а подчас выступают как антиподы. Мы хотим подчеркнуть, что новые конкретно-исторические условия выдвинули задачу обоснования единства многообразия иного типа.

Стремясь увидеть парадоксальные объекты как нечто единое, целостное, мы вынуждены искать подходы, отличные от идеала монизма в его классическом варианте. Нестандартность пути обоснования единства гетерогенного многообразия выразилась не в отказе от идеи подобия. Ведь обобщение практически всегда достигается посредством отождествления. Эту новизну мы усматриваем, во-первых в процедуре выбора основания общности, и, во-вторых, в ином типе общности. Поскольку между элементами такого множества лежит "пропасть своеобразия", ни какой из антиподов, ни их совокупность не могут выступить в качестве основания общности; не возможны редукционные процедуры. Именно поэтому столь созвучными современному стилю мышления оказались идеи "своеобразия", "индивидуальности" моделей научного знания, отрицающие фундаменталистски-редукционистский образ науки.

Ныне мы столкнулись с такими задачами, для решения которых были привлечены иные способы отождествления разнородных

объектов. Чтобы увидеть антиподы как "одно и то же", стали прибегать к внешнему критерию отбора. Такой критерий по способу происхождения не связан со свойствами элементов данного множества. Его нахождение предполагает переход к качественно иным понятийным образованиям. В одних случаях это может быть теоретический синтез, означающий "прорыв" в область новой теории (в современной физике такие попытки представлены, например, "моделью большого объединения"). Более специфическим для современности является другой способ, когда основание концептуализации берется из методологической сферы (укажем на идеи дополнительности, системности и пр.). Разнообразие таких критериев предполагает, однако, сходство процедуры выбора: основание общности взято из другой понятийной сферы, выход за пределы той, из которой черпаются понятия для описания членов мозаичного объекта.

Все сказанное о парадоксальных объектах и способах обоснования их единства позволяет внести новые дополнения² в понимание монистической ориентации. Наш вывод сводится к предположению, что методологическим ключем при обосновании единства разнообразных типов знания может послужить идея о том, что поиск оснований обобщения следует проводить не в том же самом, а в другом понятийном ареале. Новый тип монизма, опирающийся на иной способ выбора оснований единства, целесообразно охарактеризовать как неклассический.

² Мы уже провели разграничение между понятиями "монистическое воззрение" и "монистический подход" в зависимости от разных сфер приложения принципа монизма. См. подробнее: Н.Т. Абрамова. Монистическая тенденция в развитии знания. — Вопросы философии, 1982, № 9.

РАЗВИТИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ, СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А.Ф. Бегшалвили (Тбилиси)

1) Значение духовной культуры как фактора социальной детерминации жизни человека нельзя в полной мере понять, если не учитывать активности личности.

2) При рассмотрении детерминирующей функции духовной культуры необходимо обратиться к анализу деятельности отдельных индивидов, поскольку, в конечном счете, культура реализуется в действиях людей, живущих в данном обществе.

3) Решения, определяющие тот или иной поступок человека, больше всего детерминированы всем укладом личности. Поэтому если в понимание свободы вкладывать такое содержание — принятие решения от себя, от своей самости — нетрудно заметить явление, которое можно назвать парадоксом свободы: чем более свободно решение человека, его выбор, тем более полно оно детерминировано его самостью, внутренним содержанием его личности, и наоборот, чем более оно детерминировано, тем более оно свободно.

4) Внутренние побуждения и вообще все внутреннее содержание личности тоже не висят в воздухе: они детерминированы различными факторами, в том числе понятиями, представлениями, вкусами и т.д., составляющими культуру данного общества и насаждаемыми в данной культурной среде. На этой детерминации основаны успехи педагогики, юриспруденции, этики и т.д., конечная цель которых в том, собственно, и заключается, чтобы заложить в личности определенные понятия данной культурной среды, которые определяют в будущем поведение данной личности, направят его в ту или другую сторону.

5) Факт существования этих дисциплин и соответствующих учреждений, и успехи, достигнутые ими, является весомым ар-

гументом в пользу детерминированности поступков людей, с помощью факторов культуры, поскольку эти последние кристаллизуются в поведении людей. В понимании детерминирующей роли факторов культуры большую роль может оказать понятие "социальной памяти" Я.К. Ребане /1/.

6. Надо учитывать и другой ряд фактов: так же как зависимость наших решений, желаний, выбора и т.д. зависит от факторов культуры, подтверждается очевидными фактами, так же и полная их детерминированность противоречит другому ряду столь же очевидных фактов. Надо признать, что эта детерминированность решений, желаний, вкусов, оценок и т.д. не может быть полной и всеобъемлющей. иначе нельзя будет объяснить такой очевидный факт, как наличие разнообразия личностей — их стремлений, оценок, вкусов и т.д. Если все они полностью или в значительной степени детерминированы социальной средой и порожденной ею культурой, то при наличии одинаковости этих определяющих факторов и определяемые следствия должны быть одинаковыми.

7) В поисках примирения противоположных друг другу фактов взор исследователя невольно должен повернуться к другому члену этой детерминации, к самой личности, к детерминируемому. Можно будет допустить, что этот второй член детерминации не является полностью пассивным, не есть "чистая доска", на которую детерминирующие факторы наносят то или иное содержание. Похоже на то, что он обладает способностью выбирать из различных сторон, аспектов окружения некоторые; и именно те, которые его формируют, детерминируют таким или иным образом. "Так что, если окружающую среду сравнивают с воспитателем человека, можно сказать, что воспитуемый сам выбирает, какие из наставлений воспитателя принять к сведению и какие нет" /2, 88/.

8) Активность личности, проявляющаяся вышеописанным образом является одним из важнейших факторов, объясняющих механизм детерминирующей функции духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. "Философские науки", 1977, № 5.
2. Бегиашвили А.Ф. Неопозитивизм и Экзистенциализм. Тбилиси, 1975.

К КРИТИКЕ "ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗУМА" ВИЛЬГЕЛЬМОМ ФОН ГУМБОЛЬДТОМ

А.Я. Воробьев

Вильгельм фон Гумбольдт был одним из тех немецких мыслителей, который не только стоял у истоков немецкого идеалистического историзма, но и оказал значительное влияние на последующее развитие немецкого буржуазного исторического сознания. Многие идеи созданной им теории истории стали основополагающими принципами немецкого идеалистического историзма и сохранили свое значение вплоть до его кризиса /1, 154-186/.

На формирование исторического мировоззрения Гумбольдта глубокое влияние оказали два обстоятельства: существовавшая в Германии система общественных отношений Французская буржуазная революция. Воспитанный в духе гуманистических традиций немецкого Просвещения, он весьма критически относился к существующим в Германии порядкам, и, в первую очередь, к прусскому абсолютизму. В нем он видел главное препятствие на пути развития человека, достижения им идеала гуманности /2, 6-9/.

Рассматривая в 1791 г. принятие новой конституции как попытку преобразовать общественную жизнь Франции в соответствии с принципами чистого разума, он писал: "Никакой государственный строй, установленный соответственно предварительно принятому плану разумом, который якобы обладает силой

беспрепятственно навязывать проекты действительности, не может рассчитывать на процветание; лишь такой государственный строй будет процветать, который возникнет в процессе борьбы могущественного случая с противостоящим ему разумом" /3, 34/. Данное положение Гумбольдт распространил на всю сферу человеческой деятельности, что позволило ему не только поставить под сомнение добродетельную природу исторического разума и его безусловную силу, но и обосновать идею об истории как "естественно-историческом процессе" в духе разработанного им учения об органическом развитии /5, 268-295/.

Разуверившись в беспредельных возможностях разумных сил в истории, он усомнился и в его творческом потенциале адекватно воспроизводить с помощью понятий объективную действительность. "Мы, — заявлял он, — не можем полагаться на положения и выводы чистого разума" независимо от того, идет ли речь о природе или обществе /4, 46/.

То, что разум может открыть законы природы, он не отрицал, но не считал это демонстрацией его всеисилия. Об истинном могуществе разума, по мнению Гумбольдта, можно было бы говорить, если бы он мог, открыв законы природы, найти их предельное основание. Однако решение этой задачи, постижение принципа, стоящего выше закона, ему не под силу /4, 46/.

Еще более бесперспективную картину рисует Гумбольдт, говоря о применении чистого разума к анализу общественных явлений. Встретившись с бесконечным многообразием социальных явлений, разум или превращается в педантичного собирателя фактов, неспособного сколько-нибудь их упорядочить, или в его творениях господствуют "фантазии о том, чего не существует, гипотезы занимают место истин" /4, 46/.

Объяснение этому Гумбольдт находит, в первую очередь, в различии предметов, на изучение которых направлен разум, а не в нем самом. Проводя демаркационную линию между неживой и живой природой, составной частью которой он считал общество, он указывал на два препятствия, с которыми приходится сталкиваться разуму при описании явлений органической природы и, особенно, в сфере социального бытия. Во-первых, с бесконечным множеством индивидуальных и неповторимых, замкнутых в себе сущностей, действия которых далеко не всегда поддают-

ся точному расчету /6, 382-383/. Во-вторых, "жизнь не мыслима без движения". Более того, поскольку "живое... изменяется и развивается в себе и благодаря себе", постольку "математический и механический разум", который привык все объяснять с точки зрения внешней причины, не в состоянии воспроизвести объект таковым, каков он есть на самом деле /6, 377; 7, 96, 104/.

Познавая историческую действительность, разум посредством понятий расчленяет ее на части, а тем самым как бы убивает ее, лишает ее жизни. Все попытки свести воедино расчлененные элементы, как правило, замечает Гумбольдт, завершаются превращением живого целого в пустые абстракции и вместо органической системы образуется некая сумма механически соединенных частей. Как в первом, так и втором случае единичное нивелируется, утрачивает свои особенности, свою индивидуальность. Следовательно, подчеркивает Гумбольдт, "именно там, где исследование касается высшего и глубочайшего момента, использование механического и логического разума" лишено всякого смысла /9, 72/.

Столкнувшись с проблемой адекватного воспроизведения развивающегося объекта и признав ограниченность рациональных средств познания, Гумбольдт стал искать новые пути, которые бы позволили решить эту задачу. Однако это был не тот путь, которым позднее пошел Гегель, разработав диалектическую логику. Разочарование в силе формально-логического разума, а именно с ним имел дело, в первую очередь, Гумбольдт, послужило поводом его недоверия к разуму вообще. Путь, которым он пошел, в значительной мере пролегал за рамками рационального объяснения, где главным инструментом исторического познания был объявлен "метод внутреннего понимания и свободного творчества, благодаря которому объективная истина рождалась всей силой субъективной индивидуальности" /9, 72/.

Таким образом, критикуя "исторический разум", Гумбольдту не удалось ни преисполнить историческую науку ее собственным духом, ни избежать антиисторизма в историческом познании. Это была дорога, которая, открыв дверь для проникновения иррационализма и субъективизма в историческую науку, с неизбежностью должна была завести ее в идейный тупик. Спустя

столетие, так и произошло. Немецкий идеалистический историзм, следуя за Гумбольдтом, оказался в состоянии глубокого кризиса, из которого не может найти выхода и по настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев А.Я. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкий идеалистический историзм. — В сб.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1983, вып. 17.
2. Гумбольдт В. Опыт установления пределов государственной деятельности. Сиб., 1908.
(Работа написана в 1792 г.)
3. Humboldt W.von. Ideen über Staatsverfassung, durch neue französische Constitution veranlasst (1791) — In: Humboldt W.von. Werke., Bd.1.
4. Humboldt W. von. Über Gesetze der Entwicklung der menschlichen Kräfte (1791). — In: Humboldt W. von. Werke, Bd.1.
5. Humboldt W. von. Über den Geschlechtsunterschied und dessen Einfluss auf die organische Natur (1794). — In: Humboldt W. von. Werke. Bd.1.
6. Humboldt W. von. Das achtzehnte Jahrhundert (1796-97). — In Humboldt W. von. Werke., Bd.1.
7. Humboldt W. von. Geschichte des Verfalls und Unterganges der Griechischen Freistaaten (1807). — In: Humboldt W. von. Werke in fünf Bänden. Berlin, 1961, Bd.2.
8. Humboldt W. von Betrachtungen über die Weltgeschichte (1814). In: Humboldt W. von. Werke., Bd.1.
9. Menze Cl. Wilhelm von Humboldts Lehre und Bild von Menschen. Ratingen bei Düsseldorf. 1965.

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Д.П. Горский (Москва)

I. Ознакомление с литературой убедило меня в том, что данная тема разработана еще крайне слабо. Авторы, как правило, рассматривают отдельные стороны, моменты, аспекты вопроса и не поднимаются до соответствующих обобщений и создания собственных концепций. Исключением является разработка этой проблематики Я.К. Ребане как оригинальной концепции социальной памяти, которая позволяет взглянуть на различные стороны социальной детерминации в некотором их диалектическом, внутреннем единстве.

II. Следует различать:

1. Социальную детерминацию познания в некотором универсальном смысле (познание как особая деятельность возникает в обществе, порождается его потребностями и осуществляется всегда в рамках общества).

2. Социально-историческую детерминацию познания (познание детерминировано историческим уровнем развития общества, его производством, его культурой, знаниями, накопленными человечеством: вряд ли в условиях античности могла бы возникнуть трудовая теория стоимости или релятивистская механика).

3. Социально-производственную детерминацию познания (материальное производство формирует задачи, стоящие не только перед техническими, но и перед фундаментальными науками, формирует предмет научного исследования; эта детерминация хорошо освещена в истории науки).

4. Социально-культурную детерминацию (некоторые математические теории развивались под влиянием появления в обществе азартных игр; некоторые математические теории, развиваемые П.Л. Чебышевым, именно таковы).

5. Социально-классовую детерминацию познавательной деятельности (к этой форме детерминации относится использование

господствующими классами в антагонистическом обществе научных результатов в своих корыстных целях; классовые интересы влияют и на содержание общественных наук, таких как политэкономия и философия, на содержание философско-интерпретационного слоя науки вообще. В настоящее время весьма актуальными являются соображения В.И. Ленина, высказанные им на этот счет (см. В.И. Ленин, ПСС, т. 18, с.363-364). Связь наук с политикой, с интересами господствующего класса в настоящее время осуществляется по самым различным направлениям.

III. В связи с тем, что в настоящее время наука превращается в непосредственную производительную силу общества, некоторые взаимоотношения науки и общества претерпевают существенные изменения. Наука на данном этапе общественного развития далеко опережает производство. В XIX веке такое опережение также наблюдалось, но не в такой мере и не столь часто (ср. работы Фарадея-Максвелла). В каком-то смысле наука становится детерминирующим фактом по отношению к производству. Научно-техническая революция оказывает детерминирующее влияние на все сферы общественной жизни. Изменяется и положение рабочего в системе общественного производства. К сожалению, проблемы социального познания, возникающие в связи с превращением науки в непосредственную производительную силу вообще не обсуждаются в нашей литературе. (См., напр., книгу "Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979 г.).

IV. Социально-психологические факторы, детерминирующие познание, совсем почти не изучены. Приверженность той или иной парадигме, вера в ту или иную гипотезу, объясняющую один и тот же факт, принятие или непринятие той или иной интерпретации одних и тех же фактов или теорий, принятие одной теории и отвержение другой, порождают иногда ожесточенную борьбу между сообществами ученых. В формировании этих приверженностей принятий и непринятий играет роль:

- а) одаренность, авторитет личности руководителя, лидера;
- б) общественный авторитет господствующих в обществе взглядов и парадигм;
- в) принцип престижности:

Л₁) Если ученый знакомится с парадигмой А и делает в ее

рамках некоторые успехи, признаваемые и пропагандируемые сообществом, то больше шансов на то, что он будет защищать ее, а не соперничающую с ней парадигму В, с которой он знакомится позднее и не получает в ее рамках научных результатов и не имеет поддержки; он в таком случае стремится ее критиковать.

Л₂) Ученый может покинуть принимавшуюся им парадигму А и перейти на позиции парадигмы В, если сообщество парадигмы А перестает его поддерживать, а сообщество парадигмы В обещает ему всяческую поддержку.

Ученый может стремиться создавать новые парадигмы, отказываясь от ранее существовавших парадигм и критикуя их, не будучи уверенным, что новая парадигма лучше прежних. Такой переход есть одно из средств создания для себя publicity.

Формулирование такого рода принципов престижности и иных социально-психологических форм детерминаций можно было бы продолжить. Эти принципы существенно отличны от чисто научных соображений, которые также детерминируют наши приверженности, принятия и неприятия, нашу веру (belief). Привычность взглядов и парадигм может играть роль важного психологического детерминирующего фактора. Такие же факторы как естественность и простота могут играть и роль психологических и чисто научных аргументов в пользу указанных принятий и неприятий парадигм и точек зрения.

У. Формулирование общего достаточно "жесткого" формального критерия, позволяющего отличить, то что принадлежит объекту изучения самому по себе от того, что привносится действием социальных и социально-психологических факторов, связано с большими трудностями и вряд ли вообще возможно. Это отличие осуществляется в процессе развития тех или иных конкретных знаний, в ходе их применения на практике, что свидетельствует о великой фильтрующей способности диалектических свойств познания.

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА ПОЗНАНИЯ И ДИАЛЕКТИКА ЗНАНИЯ-МНЕНИЯ

Э.Э. Грауберг (Таллин)

1. Характерная черта современной науки — стремление ее к самосознанию, которое является необходимой предпосылкой объективного и достоверного познания. Эта новая черта науки подтверждает справедливость материалистической диалектики, учитывающей не только движение объекта, но и процесс его отображения в мышлении. В периоды революционных изменений в науке происходит обострение вопросов, что является объективным, а что относится к самому мышлению. В каждой конкретно-исторической ситуации научного познания диалектика субъективного и объективного получает специфическую интерпретацию. Поэтому каждый раз приходится особо выявлять и обосновывать эту диалектику.

2. В связи с изменением в истории познавательных ситуаций как бы заново надо решать ряд важнейших проблем соотношения знания и мнения, получивших начало в древнегреческой философии и представленных наиболее полно в концепциях Парменида, Платона и Аристотеля. Данные концепции опирались на идею существования неизменных сущностей и только относительно их признается возможность достоверного знания-эпистемы. Известно, что после Платона и Аристотеля долгое время в качестве научной "эпистемы" считалось несомненное знание, претендующее на абсолютность и неизменность. Все, хотя бы в малейшей степени гипотетическое, относилось в разряд "доксического" знания, то есть интерпретировалось как субъективное мнение. В средневековой системе знания было много "искусств" и лишь одна наука, понимаемая по типу античной эпистемы. Начиная с Декарта, наука относится к сфере фундаментальных структур знания, а не к области средств исследования, поэтому даже после Ньютона гипотеза как средство исследования не считается научным знанием. По существу и в классической науке "эпистема" в качестве идеала знания сохраняла свой аристотелевский и средневековой характер, хотя структура ее ра-

дикально изменилась.

3. В гносеологии важнейшим, начиная с Декарта, становится проблема начала познания. Декарт выдвигает важный методологический принцип – принцип сомнения. Но в философии начинать с "cogito" можно было только на определенной ступени познания, когда это начало открывало возможности для выражения философского мышления и развития казалось уже забытой диалектики, которая была действенным средством познания у античных мыслителей. Судьба картезианского "cogito", имеющего свою историю в трансцендентальном "cogito" Гуссерля и до-рефлексивном "cogito" Сартра, учит, что проблема начала – одна из сложнейших философских проблем. Данная проблема актуальна и в марксистской философии. Если мы, например, берем в качестве начала познания понятие движения, то приходим к онтологии, основным результатом которой является утверждение типа: все конкретное – относительно. А все неконкретное. Абсолютно? Если же мы берем за исходный пункт понятие материи, то философия сводится не просто к интерпретации результатов естественных наук в философских категориях. Если же за исходный пункт берутся те или иные парные категории и особенно – основные, такие, как бытие и мышление, то мы приходим к идее тождества бытия и мышления, субъекта и объекта. Тогда фигуры Шеллинга и Гегеля "маячат" перед нами во всей своей непреодолимой гениальности, и мы забываем, что эта идея тождества также имеет свою начальную судьбу, когда произошло разложение гегелевской философии в лице младогегельянцев, неогегельянцев и т.п.

4. Проблема начала решена К. Марксом в "Тезисах о Фейербахе" в пользу понятия практики. Практика выступает не просто в качестве критерия истины, то есть в качестве гносеологической категории, но и как категория, характеризующая условия познания на данном этапе истории. Согласно социальной детерминации познания практика всегда относительна. Другими словами, диалектическое познание объекта не ограничивается пределами одной логической непротиворечивой и замкнутой системы знания. Единный объект познания "тематизируется" различными точками зрения. Даже в развитии одной теории наступает такой момент, когда она несовпадает сама с собой. Она распа-

дается на ряд альтернативных гипотез, которые не сливаются и не поглощаются взаимно, а некоторое время противостоят друг другу. Альтернативные точки зрения как бы образуют "возможные миры", отражающие лишь момент абсолютной истины, которые выступают в качестве диалектического столкновения относительных истин. Каждая из них определяется своим предметом и его объективной структурой. Каждая из них раскрывает лишь то, что дано в самом предмете. Каждая из них имеет свою "логику", свое оформленное содержание, выступающее в качестве определенного задания (круг специфических проблем), которое определяет ее дальнейшее развитие. В своем развитии каждая альтернативная теория выходит за свои пределы и сталкивается с другой теорией. Так происходит расширение и углубление знания в смысле освоения новых объектов. Взаимодействие альтернативных теорий, появление диалектических противоречий в рамках отдельной теории оставляет знание внутренне незавершенным, незамкнутым.

О КОНКУРЕНЦИИ ЮРИДИКО-ПОЗИТИВИСТСКОГО И ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

И.Н. Грязин

I. Кризисные явления в развитии позитивизма затронули и область философских основ правопознания. При этом влияние постпозитивистских идей философии науки (в частности, Куна, Поппера, Тульмина и др.) здесь, однако, значительно уступает тенденции возрождения концепции естественного права.

I.1. Эта тенденция может быть рассмотрена как обратная по отношению к процессу рождения юридического позитивизма в период кризиса феодализма. Таким образом взаимное критическое отношение теории естественного права и юридического позитивизма представляет значительный интерес с точки зрения понимания определенных имманентных взаимосвязей в развитии правознания.

I.2. Применимость естественно-правовых концепций в усло-

виях, значительно отличающихся от таковых в период их классической формы служит первым аргументом в пользу суждения о том, что естественное право может быть абстрагировано от его конкретного содержания как некоторая форма (способ) мышления о праве.

1.2.1. История развития правовой мысли отвергает ставшее хрестоматийным мнение, что теория естественного права является выражением буржуазного юридического мировоззрения в противовес идеологии феодальной аристократии: теория естественного права в ее классической форме отстаивалась и сторонниками феодального абсолютизма — Гоббсом, Блэкстоуном, Шерботовым и др. Следовательно, естественно-правовая концепция может считаться относительно самостоятельной по отношению к конкретному юридическому содержанию.

2. Классическим примером методологической дискуссии между зарождающимся юридическим позитивизмом и классической теорией естественного права можно считать работу Бэнтама /1/ посвященную критике теории Блэкстоуна /2/. Основные различия в их позициях сводятся к следующим положениям.

2.1.1. Блэкстоун: нормы права есть часть общих законов природы.

Бэнтам: право есть поведение политического суверена.

2.1.2. Блэкстоун: позитивное законодательство не исчерпывает всего содержания права и может противоречить ему (теряя при этом свой авторитет).

Бэнтам: право и позитивное законодательство идентичны, ибо вне законодательства отсутствуют реалии, являющиеся достоверной основой мышления о праве; естественно-правовые определения суть тавтологии.

2.2. В философско-методологическом плане различие юридического позитивизма и концепции естественного права сводится тем самым к следующим моментам.

2.2.1. Естественное право по существу отрицает качественное различие законов общественного развития и политического управления от естественных законов. Точка зрения позитивизма противоположна.

2.2.2. Метод естественно-правовой теории спекулятивен, в то время как юридический позитивизм настаивает на эмпири-

ческом характере правового знания.

3. Развитие юридического позитивизма и развертывание его теоретических возможностей обусловили его значительную критику в послевоенный период. Смысл этой критики заключается в том, что юридический позитивизм, сводя права к области лишь сущего, лишается возможности его содержательной интерпретации и оценки. Это несостоятельно и с точки зрения формальных правил построения научной теории.

3.1. Так как одна из функций естественно-правовой теории заключалась в критике позитивного законодательства и его оправдательного отражения в теории, то критика юридического позитивизма приобретает неизбежно естественно-правовой характер. При этом можно предположить, что положения возрожденной концепции естественного права учитывают позитивистскую критику в адрес ее классической формы.

4. Начало возвращения на естественно-правовые позиции в теории права в значительной мере связано с концепцией "внешней" и "внутренней" морали права Л.Л. Фуллера. Последняя представляется абсолютным условием бытия любого права как такового и является сводом правил законотворчества. Действительность правил "внутренней" морали права обосновывается Фуллером ссылкой на их необходимость в некоторых элементарных ситуациях взаимодействия между людьми.

5. Дальнейшее развитие концепции естественного права (в работах Ролса, Нозика, Финниса) связано с привнесением в теорию уровня ее саморефлексии, анализа ее собственных методологических основ и предпосылок. С учетом позитивистской критики в адрес теории естественного права по поводу фактической необоснованности положения о естественном состоянии общества, оно интерпретируется теперь в качестве мыслительной конструкции, аксиоматической основы построения юридической теории. Это ведет к анализу формальных качеств данных исходных положений с целью выявления логических возможностей их дедуктивного развития.

6. Сравнительный анализ исходных положений концепций Ролса, Нозика и Финниса обнаруживает в них наличие двух элементов.

6.1. Элементарная ситуация взаимодействия людей в мало-

численном обществе как некоем "атоме" социального целого.

6.2. Наличие некоторого общего фактора (общественное благо, стремление к счастью и т.п.), не сводимого к совокупности качеств отдельных людей.

7. Привнесение элемента (п. 6.2) связано с тем, что реальные системы норм права и морали по существу не сводимы к элементу (п. 6.1) и не могут быть им объяснены. Тем самым тенденция к рациональной аксиоматизации оказывается безрезультатной – динамика общественного и правового развития неизбежно выводится из постулата, содержание которого по существу является иррациональным.

7.1. Можно полагать, что сама тенденция дедуктивного построения естественно-правовой теории является в значительной мере результатом влияния аналогичных попыток аналитического позитивизма в юридической науке.

8. Различие в аксиоматиках аналитического позитивизма и теории естественного права ведет, соответственно, к отождествлению и различению права и закона. Это ведет и к различным типам функций соответствующих теорий – если позитивистская теория может носить лишь описательные характер, то естественно-правовая теория (чей объект не совпадает с позитивным правом) может претендовать на нормативное значение, как это имело место в период господства ее классической формы. Иными словами – теория приобретает не свойственную ей функцию – становится выразителем норм права.

9. Различие классической и возрожденной теории естественного права заключается в различных логических уровнях отражения в них своего предмета – если классическая теория естественного права являлась содержательным аналогом естественных наук, то в своей возрожденной форме она следует одной из моделей построения естественнонаучного знания – дедуктивному выведению теории из ограниченного объема эксплицитных аксиом.

10. Указанные моменты свидетельствуют, о наличии внутренних противоречий в развитии правопознания, относящихся к его формам, способам мышления о нем. Следовательно, развитие и конкуренция правовых теорий обусловлены не только содержательными моментами, но и поступательным развитием правопо-

знания, конкуренцией теоретических моделей, отражающих право как некий первичный результат познавательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bentham, J. A Comment on the Commentaries. (Ch. Everett, ed.), Oxford: Clarendon Press, 1928.
2. Blackstone, W. Commentaries on the Laws of England. 9-th ed., L.(s.n.), 1783.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

А.М. Гугнин (Днепропетровск)

Основой марксистско-ленинской концепции социального детерминизма является признание закономерного характера общественной жизни. Однако это не означает, что ход истории предопределен заранее и осуществляется с фатальной необходимостью. Законы исторического материализма, определяя основную линию общественного развития, вместе с тем не предопределяют конкретных вариантов стечения исторических обстоятельств и протекания индивидуальных явлений и событий. Но последовательное проведение марксистского принципа социального детерминизма позволяет и требует учитывать, и обобщать отдельные, существенные варианты исторического развития.

Обобщение отдельных вариантов, типов "исторического действия" осуществляется специфическими законами исторической науки — историческими закономерностями. Отметим, что еще встречаются возражения против самой идеи существования особых законов, открываемых историей. Главной из причин таких

возражений является то, что до сих пор исследователи исторической закономерности мало внимания уделяли анализу критериев исторической закономерности, то-есть признаков, по которым исторические закономерности можно отличить от закономерностей других общественных наук - социологии, политической экономии, научного коммунизма и пр. Пока такие критерии не будут определены, отмечают оппоненты концепции исторической закономерности, все попытки "конструирования" исторических законов" останутся проблематичными".¹

Учитывая имеющуюся литературу по обсуждаемой проблеме, а также опыт исторического познания, относительно понятия "историческая закономерность" можно сделать следующие выводы: историческая закономерность вырастает из совокупности действия законов различных общественных областей; историческая закономерность по своему объему шире понятия общесоциологического закона, так как охватывает многообразные связи из различных сфер жизни общества, но в то же время по глубине проникновения в сущность "беднее", "поверхностнее" закона исторического материализма; проявляется историческая закономерность часто через группу общесоциологических законов; историческая закономерность не всегда формулируется так точно и строго, как закон.

Первым шагом на пути выведения критериев исторических закономерностей является установление в них признаков научного закона, чего в первую очередь требует принцип социальной детерминации общественного познания. Для этого следует обратиться к практике исторических исследований различного уровня. По замечанию известного советского методолога истории Э. Лооне "проблема о наличии законов истории может быть решена положительно даже независимо от изучения историографии; однако таким образом не может быть решен вопрос о том, "каковы логические свойства познавательные характеристики этих законов".²

Особенности формирования понятия "историческая закономерность" можно раскрыть на примере открытия В.И. Лениным исторической закономерности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в эпоху империализма.³ Примером исторической закономерности может служить также

учение о социалистической ориентации в общественной жизни развивающихся стран. Историками открыты и закономерности более узкого плана. Это, к примеру, обобщения, касающиеся конкретных условий борьбы крестьян против феодалов в Европе в XIII-XIV вв., выведенные С.Д. Сказкинским в работе "Некоторые закономерности классовой борьбы крестьян в средние века". В 1982 г. вышла монография С.А. Плетневой "Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей" - исследование, в котором комплексное рассмотрение отдельных явлений жизни кочевников дало возможность автору открыть целый ряд закономерностей исторического развития, позволивших объединить в единые эволюционные ряды или стадийные группы самые различные народы, существовавшие в степях от периода их появления до XX в.

Что же дает право считать данные обобщения законами?

Во-первых, приведенные обобщения отражают повторяющиеся, устойчивые связи.

Во-вторых, указанные закономерности отражают причинно-следственные отношения рассматриваемых явлений и процессов.

В-третьих, отношения и взаимосвязи, которые выражены в данных научных положениях, при соответствующих условиях имеют всеобщий характер. Ситуации, зафиксированные, в приведенных закономерностях, неоднократно повторялись в различных районах мира, приводя к аналогичным результатам в области социального развития.

В-четвертых, указанные закономерности специфически отражают необходимые, сущностные связи. Конечно, историческую необходимость в "чистом виде" выражают общесоциологические законы, однако, поскольку общее в истории проявляется через индивидуальное, специфическое, то историческая закономерность должна улавливать сущностное и необходимое именно в единичных и конкретных проявлениях общего.

В-пятых, указанные закономерности, имея объективный характер, реализуются как и все общественные законы, посредством целенаправленной человеческой общественной деятельности.

В-шестых, указанные обобщения - примеры законов - тенденций, которые "не имеют иной реальности, кроме как в при-

ближении, в тенденции, в среднем..."⁴

И наконец, на основе данных обобщений возможно достоверное предвидение течения общественных процессов в определенном направлении, что имеет неоценимое практическое значение. Этим признаком выражается конкретная социальная детерминация познания исторических закономерностей. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС об этом говорилось так: "Дискуссии по поводу законов и категорий науки, при всей их значимости, не должны носить самодовлеющего, схоластического характера. Партия надеется, что в результате научных исследований будут чаще появляться добротные практические рекомендации".⁵

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Ю.В. Практика и историческая наука. Томск, ТГУ, 1981, с. 375.
2. Лооне Э.Н. Философские проблемы исторической науки. В сб. "Философские проблемы исторической науки", Тарту, ТГУ, 1982, с. 21.
3. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. II, с. 222.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 39, с. 355.
5. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г. - Киев, Политиздат Украины, 1983, с. 34.

РОЛЬ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ ЗНАНИЯ

В.В. Кизима (Киев)

Институционализация – один из важнейших атрибутов социальной действительности, означающей фиксацию определенных способов, результатов и условий деятельности в качестве правил, норм, законов и эталонов, следование которым обеспечивается действием специально создаваемых для этого организаций и учреждений. Значение институционализации в развитии знания связано с общественной природой познания, опосредующей ролью социальных институтов в отношении человека к природному и

социальному миру.

Формирование, функционирование и смена институтов является основным фактором индивидуализации социальной тотальности, в том числе духовной жизни общества, и ее динамики. Благодаря институционализации рождается, трансформируется и развивается общественное сознание как таковое, индивидуальное сознание может приобретать общезначимый характер. Реальное место и роль знания в обществе определяется степенью его институционализации. Познающий субъект отстает от исторического времени или опережает его, когда его познавательная деятельность осуществляется вне господствующих институциональных норм и соответствует времени, выражает его сущность, когда наиболее полно воплощает в своей деятельности гносеологические нормы, закреплённые структурой официальных научно-исследовательских программ, учебных планов и пособий, методических и методологических правил и требований.

Институционализация знания связана с относительным обособлением его от первоисточника, наделением самостоятельным бытием, приводит к разработке соответствующих средств и методов познания, выработке определенных норм познавательной деятельности, т.е. является условием профессионализации субъекта познания. Вне институтов познание носит любительский характер, вследствие чего, как правило, не выходит за рамки обыденного сознания.

Вместе с тем, институционализация знания означает, в определенной мере, отрыв познания от массы индивидов, остающихся вне данных институциональных отношений. С другой стороны, она ведет к формированию специализированных субъектов институционализированного знания, деятельность которых может приобретать настолько автономный характер, что становится самоцелью (искусство для искусства, наука для науки, знание ради знания). Здесь заключена объективная возможность отрыва практики от познания и познания от практики, которая в определенных социальных условиях приводит к противопоставлению эмпирии и теории, "практиков" и "теоретиков", жизни и знания и т.п. и порождает традиционализм и застой, с одной стороны, и схоластические тенденции с другой.

Институционализация является направляющим фактором позна-

ния, детерминирует его предмет и методы, "высвечивает" не любые, а определенные его аспекты. Каждый этап культурно-исторического процесса порождает качественно новое разнообразие проявлений индивидуального сознания, однако, в общем случае, лишь часть их приобретает институционализированный характер. Благодаря институционализации познавательное отношение человека к миру на каждом этапе общественного развития определенным образом "акцентировано". Данная "акцентировка" исторически меняется и культурно-исторический процесс в целом реализуется как всестороннее и глубокое раскрытие возможностей человеческого познания, в ходе которого прежний познавательный опыт дополняется новым, происходит универсализация знания вширь и вглубь, осуществляется единство индивидуальных и общественных "компонентов" духовной жизни.

Вместе с формой знания институционализация задает и его содержание. Соотносясь с миром через нормы общественной жизнедеятельности, субъект, тем самым, подходит к социальной и природной среде с позиций условий, которые задаются институциональной структурой общества, видит мир в соответствии с тем, какие императивы определяют его практическую и теоретическую деятельность. Общественные институты являются призмой, через которую человеческое сознание "разлагает" бытие и специфика которых сказывается на результатах данного членения. Институциональная структура общества является "узлом связи" гуманитарного и естественнонаучного знания, их ответственности друг другу.

Стихийно возникающий в истории разрыв познания и практики в условиях сознательно планируемого общественного развития уступает место выработке таких форм институционализации, в условиях действия которых опредмечивающий и распрепредмечивающий моменты человеческой деятельности становятся неразрывно связанными, превращение богатства индивидуальных познавательных тенденций в нормы общественного познания и общественную практику выдвигается в качестве одной из центральных задач. Проблемная ориентированность человеческой деятельности взамен функциональной и репродуктивной, оптимизация механизмов непосредственного участия субъекта в интегральной познавательной и практической деятельности общест-

ва, саморазвитие индивида как условия развития общества, единство труда и культуры, превращение культуры в непосредственную производительную силу общества — решение данных вопросов связано с развитием новой, коммунистической формы институционализации.

Институционализация — средство и форма трансформации знания в практическое сознание, сущего в должное, всеобщего в единичное. Институционализация — условие и способ реализации творческой деятельности как развития человеческого в человеке в ходе решения им его жизненных проблем, развития подлинного гуманизма. Отчужденные формы институционализации преодолеваются в той мере, в какой институты из гипостазированных структур функционирования трансформируются в подвижные средства обеспечения процесса разрешения реальных противоречий. Диалектика институционализации определяет координацию, субординацию, динамику функционирования и развития императивов духовной и практической деятельности, взаимодействия знания и практического сознания.

Механизм институционализации включает в себя: оценку ситуации (проблемы), принятие решения (установление нормы, требования, закона и т.п.), организационные меры по обеспечению реализации решения, управление ходом реализации. Индивид должен быть избавлен от необходимости преодоления барьеров на пути использования необходимых ему институциональных структур и влияния на них, от чувства неуверенности, униженности и робости перед ними. Он должен иметь возможность не "вклиниваться" в те или иные институты, а "подключаться" к ним, везде ощущать себя хозяином, быть уверенным и уважать себя как хороший специалист уверен в себе и красив в своем деле. Только в этом случае институционализация, познание и творчество сольются в единый поток свободного выявления человеком себя как целостного существа, будут означать единство сущности человека и его существования.

ЦЕННОСТЬ И ОЦЕНКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А.М. Коршунов, В.Ф. Шаповалов (Москва)

В философско-методологическом анализе исторического познания важным является вопрос о роли и месте ценностно-оценочного подхода в исторической науке. Поскольку предметом исследования для историка выступает общество, историческая реальность, деятельность субъекта — человека, поскольку научное историческое исследование включает в себя определенное отношение историка к изучаемому предмету, одной из форм которого является ценностный подход к объекту, выражающийся в оценочных суждениях. В обществе любые события так или иначе значимы, любое явление выполняет ту или иную роль. При этом ценностная характеристика распространяется и на самого субъекта, являющегося носителем определенных форм деятельности, находящегося в определенной системе социальных отношений. Историческое познание, в первую очередь, в качестве своей основной задачи имеет именно выявление значимости деятельности людей, их функций в системе общественных отношений. Значимость отдельных событий, вместе с тем, может быть различной не только по степени их влияния на развитие общества, но также по характеру этого влияния.

Важнейшая функция ценностно-оценочного подхода в исторической науке состоит в том, что посредством оценок объект познания — деятельность субъекта (главным образом субъекта прошлого времени), раскрывается как значимый для деятельности современной. Прошлое всегда связано с современными потребностями. Но сами по себе потребности недостаточны для использования прошлого и современности. Прошлое должно предстать перед современным субъектом как значимое для его актуально протекающей деятельности, должно быть выявлено в функции служить удовлетворению современных потребностей. Осознание значимости прошлого для современности и осуществляется посредством оценки. Историческое познание опосредуемое преемственностью материальной практики, испытывает на

себе ее влияние. Практика "вводит" в состав исторического знания оценочный компонент, заставляя относиться к прошлому с точки зрения его значимости для современности. Оценка способствует также превращению исторических знаний в действие, в реализацию знаний о прошлом в деятельности современного субъекта. Прошлое, как правило, не дает готовых рецептов для деятельности современной. Это объясняется, во-первых, конкретно-историческим характером законов истории, тем обстоятельством, что новое поколение действует, как правило, в новых, а порой совершенно иных социальных условиях. Во-вторых, человеческая природа не есть некоторая совокупность неизменных свойств, а обуславливается исторически изменчивой системой общественных отношений.

Для правильного решения вопроса о месте и роли ценностно-оценочного подхода и способах его реализации в исторической науке следует иметь в виду то, что связь с прошлым устанавливается не непосредственно в сфере познания, а, прежде всего, в сфере материально-практической деятельности. Значимым для современной деятельности является имеющийся опыт человечества как духовный, так и материально-практический, опыт накопленный прошлыми поколениями. Значимость исторического опыта объективна по отношению к познающему субъекту, ибо опыт прошлого с необходимостью включается, в той или иной форме, в материально-практическую деятельность. Именно эта включенность прошлого опыта в современную практику говорит о его функции служить современной деятельности и является, вследствие этого, объективной основой оценки прошлого. Социальное прошлое значимо для современности в силу его активной причастности к формированию опыта. Таким образом, особая роль ценностно-оценочного подхода в социально-историческом познании обусловлена не просто и не только тем, что предметом познания здесь выступает субъект, общество, человек. Эта роль определяется тем, что современный субъект в своей материально-практической деятельности объективно использует прошлый опыт — духовный и практический, в силу чего, минувшая история есть всегда его история.

Одной из основных функций оценки в историческом познании является ориентация знания на практическое действие, превра-

жение установки в деятельность. Поскольку исторической науке в рамках общественного разделения труда принадлежит важная роль в увязывании прошлого опыта с потребностями современности, постольку это предполагает превращение прошлого опыта в форму научного историографического знания. Но это же ведет и к тому, что в рамках исторической науки с необходимостью должен содержаться и ценностно-оценочный компонент, ибо без этого невозможен переход к последующим ступеням на пути реализации и практического использования прошлого опыта. Оценка, выражаемая в исторической науке не только через посредство рациональных форм познания, но и через наглядно-образные средства, обращенные как к разуму, так и к эмоциям субъекта, составляют предпосылку последующего (происходящего, как правило, уже вне рамок исторической науки) свертывания знания в практические рекомендации. Задача самой исторической науки далеко не такова, чтобы непосредственно давать рекомендации для современной практики, находить в прошлом рецепты, годные на все времена. Однако в ее составе, внутри исторического знания содержится такой момент, который составляет предпосылку выхода, аккумулированного в знании опыта прошлого — в практику. Это — его оценочный компонент.

Следует отметить, что ценностно-оценочный характер исторического познания может быть по-разному (часто далеко не адекватно) осознан учеными и соответственно этому по-разному выражен в практике исследования. Исторически и логически возможен и такой подход, который начисто отрицает наличие оценок в историческом познании. Утверждение безоценочного характера познания истории составляет методологическую базу буржуазного объективизма. Отрицание правомерности оценок в исторической науке и в социальном познании вообще — характерная черта той ветви буржуазной методологии истории, которая ведет свое начало от позитивистской историографии. На противоположной точке зрения — на позициях абсолютизации ценностно-оценочного подхода стоят буржуазные философы и методологии истории, продолжающие неокантианскую традицию. Буржуазной методологии на протяжении XIX–XX вв. свойственно парадоксальное движение из одной крайности в другую, характеризующее ее неспособность научно решить вопрос о роли и месте ценностно-

оценочного подхода в историческом познании. И дело тут, конечно, не в субъективных слабостях буржуазных ученых, а, прежде всего, в том, что большая и важная группа оценок в истории в своей основе имеет идеологический характер, затрагивает интересы классов.

УРОВНИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Н.Г. Магомедов (Пермь)

Эффективная научная политика, направленная на совершенствование познавательных, практических и идеологических функций общественных наук, должна основываться на глубоком знании механизмов многоуровневой детерминации обществознания, закономерностей его структуры и развития.

В сложной системе детерминации обществознания целесообразно выделить несколько взаимосвязанных уровней, какими являются макросоциальные условия, научное сообщество и личность исследователя. На каждом из указанных уровней действуют несколько факторов, нередко образующих иерархию и в конечном счете, воздействующих на гносеологические и логические свойства обществознания, степень его истинности, на идеологическое, ценностно-нормативное содержание его. На макросоциальном уровне наиболее важными детерминантами обществознания выступают экономический строй, политическая система, идеология, общественная психология, духовная атмосфера общества, здравый смысл эпохи (разумеется, в системе названных факторов решающее значение имеет экономическая структура общества). На уровне научного сообщества большое значение для развития обществознания имеют возникающие там отношения, связанные с разделением и кооперацией труда исследователей в рамках дисциплинарного сообщества, научного коллектива или исследовательской группы, различные формы коммуникации в научном сообществе, функционирующие в нем нормы, традиции и т.д. В структуре сознания личности исследователя на продукты ее профессиональной деятельности су-

дественное влияние оказывают мировоззрение, идеологические установки, нравственный облик, ценностные ориентации и мотивы исследовательской деятельности.

Относительно полное объяснение познавательных явлений требует учета взаимосвязи, взаимопреломления различных уровней их детерминации, что необходимо, прежде всего, для раскрытия промежуточных звеньев детерминации, которыми опосредуется решающее воздействие экономических причин. Чтобы апелляция к макросоциальным (социально-экономическим, политическим и др.) факторам детерминации обществензнания не оставалась декларативно-символической, необходимо выявлять, как данные факторы преломляются в структуре научного сообщества или же, как они влияют на систему ценностных ориентаций личности исследователя. В частности, важно знать, как исходящий от экономических и политических институтов общества социальный заказ воплощается в исследовательских программах, разрабатываемых тем или иным дисциплинарным сообществом. Проводимая общественными институтами научная политика непосредственно сказывается на воспроизводстве научного сообщества через подготовку кадров, организацию системы образования и преподавания социальных дисциплин, на возможностях и интенсивности коммуникации в научном сообществе и т.д., что, в конечном счете, влияет на качество результатов познавательной деятельности. Культурно-идеологические ценности общества, его духовная атмосфера оказывают влияние и на научный этос дисциплинарного сообщества, и на систему ценностных ориентаций личности исследователя, на соотношение в ней ориентаций на идеологические, индивидуально-прагматические и когнитивные ценности, что, несомненно, тоже влияет на познавательную деятельность.

Следует отметить, что факторы, относящиеся к различным уровням социальной детерминации обществензнания, не всегда влияют на него в одном и том же направлении. Возможны случаи, когда эти факторы влияют на гносеологические свойства обществензнания в противоположных направлениях или же когда действие одних факторов "блокируется" другими (так, например, влияние некоторых политико-идеологических факторов может встречать сопротивление со стороны здравого смысла или

общественной психологии, которые по-своему влияют на общественное познание; определенные познавательные нормы научного сообщества могут вступать в противоречие с ориентацией некоторых исследователей на прагматические ценности и т.д.). Огромное влияние на содержание, степень истинности общественногнания оказывают идеологические позиции исследователей. Передовые идеологические позиции оказываются важным фактором прогрессивного развития общественногнания, но лишь при условии одно-временной ориентации исследователей на когнитивные ценности (на полноту и объективность научного описания социальных явлений, глубину и всесторонность их объяснения, точность социального предсказания и т.п.). Важно, чтобы идеологические, пропагандистские функции общественных наук не приобретали самодовлеющее значение, препятствующее глубокому решению правомерных научных проблем с позиций реализма; эффективное осуществление самих идеологических функций общественных наук, очевидно, должно опираться на высокое гносеологическое качество процедур описания, объяснения и предсказания в данных науках.

Неизбежны определенные изменения в уровневой системе социальной детерминации общественногнания на различных этапах его развития; в данной системе может колебаться значимость, удельный вес отдельных факторов детерминации (при решающей роли способа производства). На современном этапе развития общественногнания, в частности, возрастает роль научной политики общественных институтов развитого социализма в формулировании социального заказа, в определении стратегических задач общественных наук, в развитии дисциплинарных сообществ. Вместе с тем, усиливается институционализация отдельных дисциплин, совершенствуется коммуникация в дисциплинарных сообществах (как в информационном, так и социально-организационном аспектах), складываются более детализированные и действенные нормы профессиональной деятельности. Все это ведет к возрастанию роли научного сообщества как одного из уровней детерминации общественногнания. При этом надо еще учитывать усиление ориентации социальных исследователей на определенные когнитивные ценности, что способствует относительной самостоятельности общественногнания.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

А.И. Несавас (Вильнюс)

До 80-х годов в общих обзорах по социологии часто высказывалось мнение, что грандиозные программы социологии знания, в особенности ее "классического" периода, претерпели существенную теоретическую реориентацию или были признаны бесперспективными. Эти выводы подкреплялись тем фактом, что число социологов, работающих в этой области, постепенно сокращалось. Кроме того, приводились данные, свидетельствующие о сокращении научных публикаций по проблемам социологии знания, тем самым как бы подтверждая, что это направление исчерпало свои интеллектуальные возможности и переживает теоретическую стагнацию. Эта репутация была также результатом ее неопределенного научного статуса как "пограничной" области, хотя уже в 20-е годы предпринимались попытки оформить социологию знания в отдельную социологическую специальность.

В последнее время появляется все больше признаков того, что ситуация кардинально меняется и можно говорить о явном увеличении интереса к проблемам социологии знания, о своеобразном ее теоретическом ренессансе и зарождении новых исследовательских стратегий. Об этом свидетельствует не только увеличивающийся интерес к теоретическому наследию М. Шелера и К. Маннгейма¹, выход новых хрестоматий по социологии знания², но и интенсивные дебаты вокруг следующих тем:

- 1) статуса социологии знания в структуре общей социологии;
- 2) реконструкции ее исторического развития;
- 3) мертоновской парадигмы социологии знания;
- 4) границ и теоретических возможностей социологии знания.

Несмотря на множество работ, посвященных анализу возникновения и последующего разветвления социологии знания, еще недостаточно осознан факт, что сама реконструкция ее исторического развития — важная и пока неразрешенная проблема.

Особенно это касается постмангеймского периода или так называемой фазы "нормализации", когда более четко определился объект социологии знания. Эта нормализация была тогда достигнута, благодаря принятию концепции науки, которая рассматривала научное знание исключительно с эпистемологической точки зрения. Вследствие этого, социология знания отказалась от анализа научного знания в категориях социальной обусловленности познавательных процессов.

В последних работах по социологии знания запрет касаться эпистемологической проблематики постепенно снимается. Как ни странно, решающим фактором в этом развитии оказались новые направления в теории познания, опровергающие традиционные представления о науке и развитии научного знания. Эта постпозитивистская традиция в философии и истории науки оказывает все большее влияние на социологию знания и в ближайшем будущем, вероятно, приведет к важным переоценкам ее интеллектуальной истории и, возможно, всей теоретической программы "классической" социологии знания.

Самая общая формулировка проблем социологии знания зафиксирована в "парадигме социологии знания", предложенной Р.К. Мертоном еще в 1945 г. Она явно указывает на универсальный характер социологии знания, целью которой считается объяснение отношения знание - общество. Однако в постмангеймовскую эпоху усилия социологов были направлены на то, чтобы превратить ее в узкую социологическую специальность. Это было продиктовано, прежде всего, философскими трудностями: проблемами релятивизма и логического противоречия, с которыми сталкивается социология знания. Однако, лишь ценой отказа от общего анализа социальной детерминированности знания, был достигнут статус социологической специальности. Это стало одной из главных причин теоретической стагнации социологии знания, ее неспособности реагировать на важные интеллектуальные процессы, проходящие в других областях социальных наук. Эта стагнация была связана и с тем, что некоторые существенные проблемы "классической" социологии знания были поглощены общей социологической теорией, а часть проблематики перешла к другим социологическим дисциплинам. Существенную роль сыграло и то обстоятельство, что многие социологи

не уловили социального измерения в самой эпистемологической проблематике и в аргументации как самого К. Маннгейма, так и его критиков.

Новый подход к научному знанию, связанный с философскими идеями Т. Куна, И. Лакатоша, П. Фейерабенда и С. Тулмина, открывает реальную возможность социологии научного знания. Тем самым, актуальным становится вопрос о специфике, границах и теоретических возможностях социологии знания, как собственно социологической дисциплины. Заслуживают внимания также попытки заполнить старый пробел и решить, наконец, вопрос о том, в каком отношении находятся структуры социальных групп и их сознание. Особенный интерес вызывают эмпирические и теоретические исследования возможных эволюционных изменений в отношениях между обществом и сознанием. Как результат этих усилий, в современной социологии знания появляются новые темы: возрастающая роль знания в современном обществе (Д. Белл, Н. Элис), возникновение "нового класса" (А. Гоулднер), растущее влияние новой "касты жрецов" (Г. Шельски/. Исследования социальной организации, получения и функционирования знания (от уровня здравого смысла до научных теорий) имеют важное значение не только для социальной теории, но и для благосостояния общества.

Своеобразный возврат социологии знания к более общей теоретической перспективе, характерной для формулировки проблем ее основоположниками, является качественно новым развитием, обусловленным культурными и социальными условиями. В частности, этому способствовало не только усиливающееся взаимодействие между социологией, философией и историей науки, но и определенный сдвиг западной социологии к, так называемой, "стабилизационной" программе. Таким образом, новая исследовательская стратегия означает не только пересмотр теоретической программы "классической" социологии знания, но и стремление вывести современное западное общество из состояния "кризисного сознания". Решая эти вопросы, социология знания вернет себе центральное место в социологической теории.

ЛИТЕРАТУРА

- I. Scheler, M. Problems of a Sociology of Knowledge. London, 1980; Mannheim, K. Structures of Thinking. London, 1982; Mannheim, K. Konservatismus. Frankfurt am Main, 1984.
2. Sociologie de la connaissance. Ed. J. Duvignaud. Paris, 1979; Der Streit um die Wissenssoziologie (Hrsg. von V. Meja und N. Stehr).- Frankfurt am Main, 1982; Society and Knowledge. Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge (Ed. by N. Stehr and V. Meja). - New Brunswick (N.J.), 1984.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ФОРМА ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Н.Н. Макарова (Томск)

Предметом изучения исторической науки является историческая реальность во всем своем многообразии. Основой всего исторического процесса есть общественно-историческая деятельность человека как материальная, так и духовная. Свое закрепление деятельность находит в историческом опыте, который включает в себя опредмеченную деятельность в виде предметов материальной и духовной культуры и знания, полученного в результате практической деятельности субъекта и осмысления ее в процессе познания. Исторический опыт аккумулируется в общественном сознании и создает материальные и духовные предпосылки для деятельности настоящего. Исторический опыт есть опыт деятельности субъекта по освоению объективного мира и познанию его. "Прошлое реально существует в современности не просто в виде материала деятельности или накопленных знаний, а в процессе деятельного взаимодействия субъекта исторических событий с объектом" /6. 22/.

Исторический опыт включает в себя не всю историческую реальность, а только ту ее часть, которая актуальна для со-

временной деятельности. Очевидно в структуру исторического опыта будут входить наиболее устойчивые, повторяющиеся элементы и тенденции исторической реальности, дающие ключ к пониманию закономерностей прошлого и деятельности настоящего, детерминированного этими закономерностями. В.И. Ленин придавал большое значение историческому опыту. Анализируя положение в России после Февральской революции 1917 г., он неоднократно обращается к опыту Великой буржуазной революции во Франции, к революционным событиям в Европе 1848 г. К примеру, характеризуя роль мелкой буржуазии в революции, В.И. Ленин замечает: "Мелкобуржуазные массы не могут не колебаться между буржуазией и пролетариатом. Так было во всех странах, особенно в 1789-1871 годах. Так идет дело и в России. /II, 346/. Историческая наука в теоретическом плане и должна давать осмысление этого опыта прошлой деятельности. "Являясь диалогом между настоящим и прошлым, историческая наука отвечает на вопросы, формулируемые современностью" /4. 75/.

Понятие научно-исторического факта оказывается тесно связанным с категорией исторического опыта. Исторический факт является той категорией, которая раскрывает одну из сторон исторического опыта — его способность переносить реалии прошлого в настоящее, связи практики прошлого и настоящего посредством определения моментов исторического опыта.

Исторический факт как гносеологическую категорию можно рассматривать как форму передачи исторического опыта и возможности последующей фиксации его в теоретическом знании.

Исторический опыт является основанием, прежде всего, для эмпирического уровня исторического познания. Исторический факт фиксирует те стороны, связи и отношения (единичные на уровне факта) исторического явления, которые в своей совокупности представляют исторический опыт, и дают возможность ему служить предпосылкой к обобщенному и всестороннему познанию исторического процесса, к созданию теории. Сам исторический факт такой возможности не дает (для обобщения исторического опыта). Он является базой, отправным пунктом для размышлений, последующего построения теории, которая и дает возможность для осмысления исторического опыта. "Проблема исторического опыта выступает в марксистской науке как

проблема осмысления тенденций исторического развития" /4, 177/.

Для построения теории недостаточно и самого разнообразного набора исторических фактов, так как они не равноценны по своей значимости, по степени полноты отражения исторической реальности. Так, факт единичной забастовки рабочих и факт пролетарской революции будут занимать различное место в теории мирового революционного процесса. Каждый исторический факт отражает определенный элемент структуры объекта исторической реальности. Необходимо выяснить иерархию данной структуры, внутренние взаимосвязи для ее адекватного отражения в теории. На этот процесс большое влияние оказывает современность, практические потребности познающего субъекта и вытекающие из них мировоззренческие и методологические принципы, первоначальная концепция субъекта." Выбор мировоззренческих и методологических принципов для той или иной теории определяется общим уровнем развития науки, уровнем развития той конкретной науки, к которой относится данная теория...." /2. 27/. Весь этот комплекс складывается из многих предпосылок, имеющих в своей основе теоретический характер.

Таким образом, исторический факт несет в себе диалектику прошлого и настоящего как форма передачи исторического опыта, как выражение взаимосвязи деятельности прошлого и современности. С одной стороны, в историческом факте находят свое отражение события исторической реальности, материальной практики и духовно-познавательной деятельности прошлого; с другой стороны, само выделение и установление исторического факта тесно связано с потребностями настоящего, с современной практической деятельностью. Исторический факт является первоначальной ступенькой выделения, определения и осознания исторического опыта, отражаемого во всей своей совокупности в теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Куда привели революцию эсеры и меньшевики? ПСС, т. 32.

2. Илюшечкин В.П. О двух системах одноименных категорий в теории общественных формаций. — В сб. Философские проблемы исторической науки. Тарту, 1982, с. 27-50.
3. Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллин, 1980.
4. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978.
5. Петров Ю.В. Практика и историческая наука. Томск, 1980.
6. Сайко С.П. Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата: Наука, 1975.
7. Уваров А.И. Исторический опыт — основа объективности исторического познания. — В сб. Принципы объективности и его роль в социальном познании. Калинин, 1980.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМА КОНТРИПРИМЕРОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЪЯСНЕНИИ

А.А. Порк (Таллин)

1. Концепция социальной памяти, разработанная Я.К. Ребане¹, применима как методологическая схема для философского анализа исторической науки. Я. Ребане отмечает, что "развитие человеческого познания осуществляется на базе внегенетического накопления в социально-культурной среде. В теоретико-познавательном плане эта огромная сфера внегенетического накопления может быть рассмотрена как внегенетическая информация (...) Обозначим ее для краткости термином "социальная память"². Главным носителем социальной памяти является реальный человек как социально и культурно "запрограммированное" существо. Но существуют и такие носители социальной памяти, которые по отношению к человеку имеют довольно самостоятельное существование. Я. Ребане выделяет три большие группы таких носителей социальной памяти: 1) орудия производства и овеществленные результаты труда, часто обобщаемые в понятиях "материальная культура" и "вторая природа"; 2) объективные социальные отношения; 3) язык в широком смысле, т.е. "естественные" языки, их различные технические

видоизменения, а также внеязыковые семиотические средства.³ В плане познавательного-смыслового содержания социальной памяти Я.Ребане выделяют три группы явлений: 1) знания; 2) логическая структура мышления в широком смысле, т.е. включая не только формально-логические, но и содержательно-категориальные и математические средства преобразования исходных данных; 3) социальные ценности, фиксируемые, как правило, с помощью различных форм общественного сознания.⁴

2. Многим проблемам методологии истории можно дать интерпретацию в свете вышеуказанной схемы. На основе принципа социальной памяти можно разработать теоретически обоснованную типологию исторических источников,⁵ выделить новые аспекты проблемы объективности исторического познания,⁶ углублять понимание принципа партийности,⁷ разработать типологию познавательных ситуаций в истории,⁸ по-новому поставить проблему языка исторической науки и т.д. Преимуществом концепции социальной памяти в методологическом плане является комплексность: отдельные гносеологические проблемы исторического познания получают разработку в контексте целого ряда социально-культурных детерминантов познания, а не в логическом "вакууме", как это часто бывает в немарксистской философии истории.

3. В качестве примера отдельного вопроса исторического познания можно рассматривать проблему контрпримеров в историческом объяснении. Первый уровень — логико-гносеологическое изучение вопроса. Одна из немногих попыток анализировать проблему контрпримеров в логическом плане принадлежит Р. Мартину.⁹ Р. Мартин дает дедуктивистскую интерпретацию контрпримеров в историческом объяснении. Согласно его точке зрения контрпримеры показывают недостаточность (в логическом смысле) определенных причин в историческом объяснении. Автором настоящих тезисов была предпринята попытка доказать, что дедуктивистский подход к проблеме контрпримеров является слишком узким и строгим, что проблему контрпримеров можно решить посредством применения вероятностного анализа.¹⁰ Вероятностный анализ показывает, что контрпример II "работает" по принципу: "В свете II становится более вероятным, что событие А не было причиной события Б".¹¹ Из этого вытекает,

что контрпримеры имеют познавательную ценность даже тогда, когда заранее известно, что одно историческое событие не является достаточной причиной другого исторического события. Другими словами, контрпример "Христианство было официальной религией в Восточно-Римской империи, но эта империя просуществовала до XV-го столетия" имеет познавательную ценность даже тогда, когда заранее известно, что утверждение "Христианство было достаточной причиной того, что Западно-Римская империя погибла в V веке" не соответствует действительности.

4. В свете схемы социальной памяти можно сказать, что вышеприведенный анализ контрпримеров является аспектом изучения "логической структуры мышления в широком смысле" (см. пункт I). Одновременно на основе схемы социальной памяти можно выделить другие главные направления изучения проблемы контрпримеров в историческом объяснении: связь познавательной ситуации анализа контрпримеров с уровнем развития материальной культуры, с объективными социальными отношениями, со спецификой языка историка, с конкретно-историческим содержанием данного исторического исследования, и с социальными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. — Философские науки, 1977, № 5; его же. Социальная детерминация — комплексная проблема исследования. — Общественные науки, 1980, № 4.
2. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. — Вопросы философии, 1982, № 8, с. 46.
3. Там же, с. 47.
4. Там же, с. 49.
5. Уйбо А.С. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого. — Философские науки, 1982, № 1.
6. Там же.

7. Порк А.А. Историческое объяснение, "конкуренция" причин и концепция социальной памяти. - Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1984, вып. 695, с. 81-82.
8. Там же, с. 83.
9. R.Martin. Historical Counterexamples and Sufficient Cause. - Mind, 1979, vol. LXXXVIII, pp. 59-73.
10. Порк А.А. Критический анализ концепций исторического объяснения в буржуазной философии 1940-х - 1980-х гг. Рукопись диссертации на соиск. учен. степени доктора филос. наук. - Тарту, 1983, с. 257-261.
- II. Там же, с. 260.

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Э.Л. Розин (Москва)

1. Принцип социально-классовой детерминации политических учений - один из важнейших марксистско-ленинских методологических принципов познания политической идеологии. Признание социально-экономической обусловленности, в конечном счете, политических учений дает возможность вскрыть действительные причины их генезиса и развития, а также их активно-воздействующую роль на общественно-исторический процесс. Историко-материалистическое понимание процесса познания государства и права предполагает признание определяющей роли экономического базиса в жизни государства и права.

2. Изучение истории политических учений с позиций их социально-экономической обусловленности позволяет вскрыть земное ядро политических доктрин, их классовый характер и служебную функцию. Выяснение классовой природы политической идеологии является первостепенной задачей истории политических учений и эффективным оружием в борьбе с буржуазной идеологией. Это способствует классовой закалке, осуществлению важной задачи, поставленной июньским (1983 года) Пленумом ЦК КПСС.

Политические учения являются непосредственным отражением закономерно совершающейся в классовом обществе борьбы между классами за государственную власть. Опираясь на общие закономерности исторического материализма, история политических учений изучает и специфические закономерности возникновения и развития политических идей. Отказ от рассмотрения специфических закономерностей возникновения и развития политической мысли способствует субъективистским, вульгаризаторским оценкам значения того или иного политического учения.

3. Принцип социально-классовой детерминации познания политических учений дает возможность для подлинно научных выводов о характере и значении политических идей прошлого и настоящего, правильного понимания вклада того или иного мыслителя в развитие политической теории. Именно классовый подход к познанию политической теории открывает путь к верному пониманию идеологического наследия домарксовской политической мысли. Признание классового характера политических идей не имеет ничего общего с пренебрежительным отношением к политическим мыслителям.

4. Однако изучение политических учений не может сводиться только к раскрытию и характеристике их классовой сущности. Такое одностороннее понимание задач исследования политической мысли ведет к релятивизму и вульгарному социологизму, к непониманию того, что познание политических учений невозможно без раскрытия ее гносеологических основ, ведет порой к нигилизму и не соответствующим марксистско-ленинскому принципу объективности познания оценкам политических доктрин.

Подлинно научную картину политической идеологии дает одновременное ее изучение как с позиций социально-классовых, так и гносеологических, изучение политической мысли с точки зрения того, в какой мере достигнутое знание политических институтов и отношений представляет собой поступательное восхождение политической идеологии, ее развитие по сравнению с предшествующей политической мыслью. История политических учений исследует развивающееся постепенное постижение человеческой мыслью сущности государства и права, процесс, совершающийся в условиях борьбы передовых политических идей с реакционными. Это обязывает определить не только классовую

природу и характер политических идей, но и их теоретическую ценность.

5. Гносеологический аспект познания политических учений позволяет правильно объяснить значение взглядов мыслителей в процессе осознания сущности политических институтов. Различные направления политической мысли предстают тогда не просто как борющиеся в идеологии направления, отражающие интересы различных классов, но и как определенные ступени процесса познания государственности. Этот аспект дает возможность уяснить, что историко-материалистическое истолкование государства и права представляет собой революцию в политической идеологии, качественно новый научный этап в познании государственности.

6. Учет социально-классового и гносеологического аспектов познания политических институтов и отношений позволяет верно оценить взаимное влияние политических идеологий, проблемы преемственности, уяснить, что именно на последующих ступенях познания используется и перерабатывается из старых политических концепций. Из многообразных политических доктрин прошлого необходимо вычлнить действительно ценные и плодотворные идеи, подготавливавшие по крупицам почву для более углубленного понимания государства и права. Это ни в коей мере не означает отказа от критики буржуазной теории филиации идей, объективистской оценки политических мыслителей прошлого, так же как партийность в политической идеологии не означает пренебрежительного отношения к ним, ни отказа от выяснения того вклада, который внесет мыслителем в общий процесс познания государственности.

7. Ленинское положение о том, что всякой научной идеологии (в отличие, к примеру, от религиозной) соответствует объективная истина, подтверждается историей политических учений. В тех случаях, когда политические мыслители, исследуя государственность, брали за основу государственно-правовой опыт, в их идеях обнаруживаются, как правило, элементы объективной истины.

Наличие этих элементов в прогрессивных политических идеях прошлого обязано, главным образом, влиянию движений и идеологии народных масс.

8. Исследование политической идеологии мыслителя не должно идти в отрыве от его философских взглядов. При этом следует учитывать, что господство идеализма в политических доктринах до возникновения марксизма не исключает отдельных элементов материалистического понимания (Макиавелли, Руссо, Гельвеций, Монтескье, Радищев и др.). Иной раз отдельные взгляды домарксистских политических мыслителей выходили за пределы их общих идеалистических конструкций.

9. Разработка социально-классового и гносеологического аспектов истории политических учений является одной из важнейших задач этой науки. Осуществление ее будет способствовать исследованию актуальных проблем истории политических учений, а также поднимет уровень научной критики буржуазной политической идеологии, реформистских и ревизионистских измышлений.

Вместе с тем необходимо учитывать опасность искусственной гиперболизации детерминации познания государства и права социально-экономическими факторами, ведущей к недооценке детерминации, идущей от субъекта-человека, класса, партии, которые способны своими целенаправленными действиями существенно менять характер и направление государственно-правовых институтов.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

Г.К. Тауринь (Рига)

В Новое время завершается процесс дифференциации теоретического познания (мышления) на философское и частнонаучное познание мира. Потом происходит дальнейшая дифференциация частнонаучного познания на естественнонаучное и социальное познание. Кроме того, еще следует различать отдельные типы познания: обыденное, художественное и научное. И социальная детерминация по-разному проявляется в указанных сферах и типах познания. Но, в целом, "марксистско-ленинская философия исходит из понимания познания как социально-опосредованной,

исторически развивающейся деятельности отражения. Познавательное отношение, предметно-историческая деятельность и коммуникация рассматриваются в их диалектическом единстве" /1/.

Маркс, Энгельс и Ленин создавали и творчески развивали свое учение прежде всего потому, что рабочий класс объективно нуждался в научном мировоззрении и идеологии для осознания и выполнения своей исторической миссии. Именно здесь-то и проявляется социальная детерминация диалектико-материалистического познания мира в научной философии. В итоге, учение классиков марксизма-ленинизма возникает и развивается как диалектическое единство познания мира в целом и отражения общественного бытия в общественном сознании рабочего класса.

Относительная самостоятельность философского познания логически и гносеологически обусловлена предметом философии и системой внутренних "закономерностей движения философского знания" /3/ и познания. На этой основе возникают и развиваются внутренние противоречия философского познания, которые не являются отражением объективных противоречий в мире.

Процесс создания теоретических объектов предмета философии социально детерминирован познающим субъектом, существующим делением общества на классы. Ибо речь идет о создании общего теоретического мировоззрения конкретного класса. Философское познание с необходимостью включено в социокультурную деятельность общественных классов. "Связь абстрактного мышления (включая и философское. — Г.Т.) в том виде, как оно осуществляется в науке (и в философии. — Г.Т.) с практикой опосредуется тем, каким образом само научное познание выступает в качестве элемента социокультурной деятельности. Наука влияет на практику, а практика оказывает воздействие на науку" /5/. То же самое относится и к научному философскому познанию мира в целом и созданию общего теоретического мировоззрения рабочего класса. Вот почему философское познание есть диалектическое единство логического, гносеологического, социального, аксиологического.

В.И. Ленин в работе "Материализм и эмпириокритицизм" социальную обусловленность философского познания выражает сле-

дущим образом: "за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьба, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела... являются материализм и идеализм" /6/. Но гносеологически и логически борьба главных направлений философии детерминирована противоположными решениями основного вопроса философии как отношения мышления к бытию. На этой основе возникает и развивается главное противоречие философского познания мира в целом, обуславливающее относительную самостоятельность философии в ее развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980, с. 136.
2. Марксистская философия в XIX веке. Книга первая. М., 1979, с. 7.
3. Махов А.С. Ленинская методология социального познания. М., 1974, с. 173.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6-7.
5. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984, с. 108.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 380.

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХЕОЛОГИИ)

В.А. Скиданова, Л.Н. Сумарокова (Одесса)

Археологическое описание обычно относят к той наименее "предпосылочной" стадии эмпирического познания, которая предшествует объяснению, исторической интерпретации, теоретическим реконструкциям. В соответствии с этим описание противопоставляется объяснению, а дискриптивная археология понимается как логически предшествующая теория исторической

интерпретации /1, 2/. Однако в археологии все в большей мере проявляется та общая тенденция современного научного познания, которую А.Ф. Зотов характеризует следующим образом: "То, что ... понималось как описание мира, не нуждающееся, естественно, ни в какой специальной интерпретации, теперь стало способом представления мира, способом, который, конечно, должен быть дополнен социальным механизмом предметной интерпретации" /3/. Осознание этого обстоятельства иногда сопровождается релятивистскими, субъективистскими вводами: принимаемые механизмы предметной интерпретации ("фильтры", через которые "пропускается" исходный материал), с точки зрения исторических релятивистов, так искажают информацию, что она отражает не столько объект, сколько сам этот "фильтр" /4/. Критика подобного реалитивизма должна, как представляется, опираться не только на различение собственно познавательных и социальных предпосылок познания, на обоснование аксиологической нейтральности механизмов предметной интерпретации, но и на анализ такого рода "фильтра" как специализированного средства выявления объективной информации, содержащейся в источнике лишь неявно, имплицитно.

Использование археологических источников как носителей социальной памяти /5/ предполагает, с нашей точки зрения, разработку правил интерпретации не только собственно языковых, но и вещественных источников, тем более, что границы между ними не всегда отчетливы: А.С. Уйбо выделяет, например, "переходную сферу" между языковыми и вещественными источниками /6/. В пользу такого вывода свидетельствует то, что даже процедура каталогизации археологических находок, составляющая важный момент описания и реализующаяся в разнообразных археологических отчетах, описаниях и т.п., сталкивается с проблемой "обоснования средств представления объекта в терминах данного описательного языка" /7/: для одного и того же материала могут быть использованы разные сетки типов, а каждая из них предполагает свое членение, структурирование материала. При этом выбор языка описания не может быть однозначно детерминирован только признаками археологических источников, ибо, взятые вне соотнесенности с реальны-

ми системами человеческой деятельности, они слишком полисемичны и неопределенны. Таким образом, уже начальные этапы археологического описания неизбежно должны включать некоторые процедуры соотнесения с информацией, хранящейся в социальной памяти, определения значимости исходного материала для реконструкции тех или иных видов целенаправленной человеческой деятельности. Фиксация внимания на активном, творческом, конструктивном характере исследования археолога приводит к субъективизму лишь в том случае, если главные факторы, управляющие мышлением его в этом случае, трактуются как чисто субъективные, основанные на личных предпочтениях. Напротив, объективность полученного результата зависит от того, насколько полно учтены связи источников с реально возможными историческими действиями.

Критерий истинности эмпирического знания, таким образом, состоит не в его беспредпосылочности, а, напротив, в степени полноты использования объективной информации, хранящейся в социальной памяти, при переходе от единичных данных к факту, предполагающему реконструирующую деятельность исследователя. При этом переход от единичных данных к факту не всегда может быть представлен как индуктивная процедура, основанная на линейной зависимости от количества данных. Дело не должно здесь сводиться к противопоставлению "научных" индуктивных моделей описания и "донаучных" герменевтических актов, выражающих специфику гуманитарного познания. Критерии научности факта должны ориентироваться не на "демаркационные линии" между естественнонаучным и гуманитарным знанием, а на учет специфики изучаемых систем: статистическая трактовка факта часто оказывается вполне пригодной в социальных науках и, вместе с тем, обнаруживает ограниченность, неадекватность для некоторых видов современного физического эксперимента /8/. А.И. Уёмов и Б.В. Плесский обращают внимание на существование так называемых уникальных систем, к исследованию которых неприменимо общенаучное требование воспроизводимости, повторяемости, основанное на статистической трактовке факта. /9/. Предлагаемые этими авторами понятия уникальной системы, уникального наблюдения, уникального эксперимента, безусловно, заслуживают изучения, обсуждения с учетом самого широкого

го контекста современных научных исследований, в том числе археологии. Критерии уникальности археологических объектов не могут, конечно, не опираться на весь объем социокультурных знаний. Само признание возможности уникальных систем как предмета исследования требует уточнения критериев научности факта, оснащения работающим системным инструментарием не только методологов науки, но и археологов-практиков.

Таким образом, реконструирующая деятельность археолога уже на уровне исходного описания источников включает ряд процедур интерпретации, существенно опирающихся на социально детерминированные предпосылки мировоззренческого и методологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порк А.А. Историческое объяснение. Таллин: Ээсти раамат, 1981, с. 186-188.
2. Шер Я.А. Методологические вопросы археологии. - "Вопросы философии", 1979, № 10, с. 78.
3. Зотов А.Ф. Диалектика развития науки, ее ценностные установки и познавательные схемы. - "Вопросы философии", 1976, № 1, с. 110.
4. Уйбо А.С. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого. - "Философские науки", 1982, № 1, с. 34.
5. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - "Вопросы философии", 1982, № 8.
6. Уйбо А.С. Указ. работа, с. 33.
7. Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983, с. 44.
8. Плесский Б.В., Уёмов А.И. К проблеме критериев объективности эмпирического знания (системные аспекты). - "Философские науки", 1984, № 3, с. 91.
9. Там же, с. 92.

В.Г. Федотова

Для избежания вульгаризации в понимании социальной природы естественных, технических и общественных наук целесообразно различать формы социальных влияний на развитие науки — прямые, открытые, непосредственные, также как социальный заказ, определенная организация научной деятельности, и скрытые формы влияния, называемые некоторыми авторами латентными. Уровень латентной социальной детерминации характеризуется тем, что в правилах и стилистике научной деятельности содержатся такие приемы и идеализации, которые могут возникнуть только в определенных социальных условиях, и потому эти правила и идеализации можно рассматривать как косвенный ответ на социальный заказ в определенном типе научного исследования.

В обществознании латентные социальные детерминации могут быть прослежены на примере двух исследовательских ориентаций — натурализма и культур-центризма, задающих такие идеализации обществознания, которые определены социальными условиями его развития. Об этом мы подробно писали.^I

К числу общих черт социальной обусловленности естественных, технических и общественных наук можно отнести: идеальное воспроизведение в науке практической деятельности и отсюда — возможность обратного влияния науки на практику; многообразие форм связи и способов опосредствования этапов развития науки с этапами развития производственной и социальнопреобразующей деятельности (социальный заказ, общественная потребность, латентная социальная детерминация, социальные влияния); становление объекта познания как части объективной реальности, выделенной практикой; наличие "культур-

^I В.Г. Федотова. Понимание в системе методологических средств современной науки. — В кн.: Объяснение и понимание в научном познании. — М.: ИФ АН СССР, 1983, с. 87-118.

ных ресурсов" научного познания — схем деятельности, представленных в логике мышления своей эпохи, объективно существующих результатов духовного труда, а также норм самой науки; исторический характер методов и методологий.

Специфика социально-культурной обусловленности общественного познания характеризуется такими чертами, как: развитие общественногнания под влиянием социально-преобразующей деятельности и обыденно-практического опыта; влияние на развитие общественных наук объективных видимостей общественного сознания, становящихся одним из объектов изучения; социально-классовая детерминация общественногнания, методологически выраженная в принципах объективности и партийности; социально-классовый отбор познавательных схем общественногнания; влияние ценностных регулятивов и, вместе с тем, их научное уточнение в результате работы; зависимость общественногнания от уровня развитости исследуемого объекта и др.

В методологическом плане остаются не вполне решенными проблемы соотношения методов естественных и общественных наук и их единства, которые по-разному решаются советскими исследователями. Приведем некоторые характерные точки зрения.

1. Общественные и естественные науки едины в том, что в них действует схема объяснения, научная аргументация, устраняющая вненаучные ценности. Отнесение к социально-гуманитарному знанию тех высказываний, которые содержат ценности, является ошибочным. Они принадлежат миру культуры, а не науки (М.С. Козлова).

2. Методы как естественных, так и общественных наук могут быть применены к любому объекту. Они характеризуют лишь разное отношение к нему (Л.А.Маркова, В.М. Межуев, В.Ж. Келле). Отношение к объекту как естественному предполагает исключение ценностного отношения к нему, превращение его в объект сходный с природным, существующий независимо от человека. Но и к природе можно относиться как вовлеченной в человеческую деятельность. Например, производительные силы — это силы воздействия на природу, но они интересуют нас в плане их социальных функций. Или природа как среда обитания человека представляет интерес уже для социально-гуманитарного знания.

3. Наука едина в своей социальной обусловленности. Ее единство достигается посредством движения естествознания к обществознанию, проникновению методов общественных наук (метода понимания) в естествознание (И.С. Алексеев).

Полагаем, что в каждой из этих моделей зафиксированы в абсолютизированном виде некоторые особенности научной деятельности: 1) как ни связано научное познание с ценностями, оно противоположно ценностному отношению, не сливается с ним; 2) история науки свидетельствует о возможности натурализации социального объекта и культур-центристской интерпретации естествознания; 3) последнее время общенаучные закономерности начинают проявлять себя очень активно. Многие методологические подходы (метод понимания, методологическая роль социально-культурных факторов, ценностных ориентаций), ставшие характерными для обществознания, проявили свою значимость для естественных и технических наук. Поэтому указанные точки зрения вовсе не являются конкурирующими, как это выглядит порой в научных дискуссиях, а скорее взаимодополняющими, свидетельствующими о преобладании интеграционных тенденций в науке.

Социально-культурные влияния на естествознание эксплицируются в отдельных фрагментах науки, как правило, лишь в эпоху революционной ломки ее представлений. Чаще подобные экспликации возможны на уровне дисциплины или даже наук о природе в целом. В общественных науках социально-культурные факторы, оказавшие влияние на результат, могут быть обнаружены, как правило, в каждом фрагменте знания. Вся совокупность социально-культурных влияний на науку не эксплицируется в общей форме и не может быть выявлена без историко-научного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.
2. Мирская Е.З., Шульман М.М. О характере социальной детерминации научного знания. — В кн.: Социология науки в СССР: вопросы теории и практики. — М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1982, с. 39–51.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОНИМАНИЯ

А.Д. Цофнас (Одесса)

Считается, что наиболее активно проблему понимания разрабатывала философская герменевтика. Последние годы определенный интерес к проблеме проявил постпозитивизм. Однако в рамках данных движений понимающие процедуры обосновывались не столько социальными, сколько индивидуальными и коллективными психологическими факторами. Самое большее что было достигнуто, в частности, понимающей социологией, — это исследование роли предпонимания, "пред-рассудка", обыденного сознания и естественного языка в организации общения людей /1/. Причины недооценки социальной детерминированности понимания связаны, во-первых, с нечеткостью гносеологической постановки вопроса, что находит отражение либо в противопоставлении понимания познанию (герменевтика), либо в их отождествлении (постпозитивизм), а во-вторых, с идентификацией субъекта понимания или с индивидуальными переживаниями (В. Дильтей, Э. Гуссерль, П. Рикёр и др.), что приводило к субъективизму и иррационализму, или с коллективным надличностным знанием (Т. Кун, Ст. Тулмин и др.), что ведет к рационализму и объективизму попперовского типа.

Между тем в домарксистской философии проблема понимания ставилась именно в гносеологическом ключе. Гегель, например, как и Аристотель, отличал понимание от герменевтического истолкования. По поводу последнего он полемизировал с Ф. Шлеермахером, тогда как гносеологический смысл понимания раскрывали им в дискуссии с И. Кантом. Суть гегелевской точки зрения сводилась к тому, что понимание, как "конечный результат развития теоретического духа" /2/, достигается на пути абстрагирования и восхождения от абстрактного к конкретному, т.е. на пути образования "объективного" понятия и превращения его в идею.

Кант же говорил об обратном. Полагая, что "... в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще как априорные условия" /3/, то есть, как теперь принято писать,

опыт всегда "теоретически нагружен", Кант связывал понимание с подведением объекта под понятие.

Ясно, что Кант и Гегель говорили о разных — противоположных и взаимодополнительных — момента познания: о получении и формировании объективно-истинных знаний, с одной стороны, и о субъективно-понятийном представлении эмпирических данных в целостный предмет, с другой. Современное использование термина "понимание", когда подчеркивается именно субъективность этого процесса и его результата, по смыслу соответствует кантовскому употреблению. Примечательно, что и Гегелю не удалось разорвать данные стороны познания. Это отмечено В.И. Лениным: "Бросается в глаза, что иногда Гегель идет от абстрактного к конкретному..., — иногда наоборот (субъективное понятие — объект — истина (абсолютная идея))" /4/.

Классики марксизма не только дали критику как гегелевского идеализма, так и кантовского априоризма в гносеологии, но и наполнили сами понятия субъекта познания и его деятельности новым содержанием. Социальная детерминированность понимания, как и познания в целом, основана на "интегризации" общественной деятельности человека, на проявлении субъекта познания как совокупности общественных отношений, на реализации понимающей деятельности в рамках общественно-исторической деятельности, вообще. "Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — но и мое собственное бытие есть общественная деятельность" /5/. И только в процессе практики снимается противоположность двух направлений познания, что, однако, не устраняет их гносеологической и методологической специфики.

Постановка вопроса о том, приводит ли понимание к экстенсивному приращению знания /6/, затеняет эти особенности. Пониманию соответствуют лишь методы использования наличных знаний для целостного воспроизведения объектов любой природы. И. Кант выдвигавший требование наглядности понимания, в процессе "подведения созерцаний под чистые рассудочные понятия" /7/ пользовался так называемыми "трансцендентальными схемами" — отношениями и, вместе с тем, методами конструиро-

вания объекта, предполагаемыми рассудочным понятием. Если оставить в стороне априоризм и не сводить схемы только к "априорным определениям времени" /8/, то можно увидеть, что Кант довольно близко подходил к осознанию специфики системного подхода, где целостное понимание объектов достигается путем перехода от определенного концепта к вещи именно через некоторую структуру, соответствующую этому концепту /9/.

Понимание, таким образом, гносеологически обеспечено процедурами концептуального моделирования объекта познания. Смысл концептов задан соответствующими теориями, теоретическая деятельность социально детерминирована. В более широком смысле, научные картины мира и другие целостные феномены духовной культуры в сумме своей все же не дадут мировоззрения, но сами являются системами образно-теоретического отражения определенных областей действительности, основанными на конкретных мировоззренческих идеях. Социальная же детерминированность мировоззрения в дополнительном обосновании не нуждается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А.А. Современная философская герменевтика: Критический анализ. - Минск: 1984.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. - М.: 1977, с. 310.
3. Кант И. Критика чистого разума. - Соч. в шести томах, т. III. - М.: 1964, с. 187-188.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.
5. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд. 2-е, т. 42, с. 118.
6. См.: Лооне Э.Н. Три концепции понимания: сущность и социальные контексты. - В сб.: Социальная детерминация познания. - Тарту: 1982, с. 131-132.
7. Кант И. Соч. в шести томах, т. III, с. 221.
8. Там же, с. 226.
9. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. - М.: 1978, с. 126.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДЖОНА УАЙЛДА

И.В. Дурина (Москва)

В европейском экзистенциализме проблема познания не занимает центрального места, а выполняет скорее вспомогательную функцию, раскрываясь через понятие "экзистирования". Проблема социального познания в американском экзистенциализме развивается, главным образом, в рамках синтеза экзистенциальной философии и социологии, который привел к образованию собственно экзистенциальной социологии. К этому направлению, кроме "экзистенциальной феноменологии" Э. Териакьяна, можно отнести "социологию абсурда" С. Лаймэна и М. Скотта, а также "экзистенциальную социологию", развиваемую в настоящее время Дж. Дугласом и его сотрудниками /1/. При этом на первое место выдвигается теория "жизненного мира", значительно пересмотренная, по сравнению с гуссерлевской и определяющая решение проблем свободы, выбора, коммуникации, взаимоотношения человека и общества, познания и т.д. К данному направлению принадлежит и концепция Дж. Уайлда /2/.

Впервые "жизненный мир" выступает как тема самостоятельного исследования Уайлда в книге "Человеческая свобода и социальный порядок" (1959 /3/, которая знаменует новую ступень развития его философии в сторону субъективизма. Учению о "жизненном мире" предшествовала концепция так называемого "космического мира", где Уайлд исходил из существования двух миров — "космического" и "индивидуального". При этом "космический мир" являлся единым, первичным и определяющим по отношению к индивидуальному (таким образом Уайлд, наполняя индивидуальный мир экзистенциальными характеристиками, стремился в то же время преодолеть экзистенциалистский субъективизм). По Уайлду, человеческая личность — не изолированная "разумная вещь", бытие которой атомарно или замкнуто, напротив — его бытие "заброшено" в социальный мир, в котором он борется и "заботится". Бытие-в-мире — основной интенцио-

нальный аспект человеческого бытия. Таким образом, "практические миры свободных индивидов" детерминируются "космическим миром" (под которым Уайлд разумеет объективную действительность вообще, включая и социальную). В результате Уайлд отвергает экзистенциалистское положение, что "космический мир" изменяется и конструируется человеком. "То, что мы желаем познать, это, в конечном счете, не порядок, который мы выдумали, а порядок, который действительно существует", - возражает он Хайдеггеру /4/.

Пытаясь преодолеть "практический субъективизм экзистенциализма, Уайлд предлагает собственную схему познания мира "как он есть", вводя в свою гносеологию ступени объективного логического познания и принимая каузальные связи. Процесс познания, в целом, в понимании Уайлда выглядит следующим образом: первый шаг в достижении истины предполагает использования всех наших познавательных способностей - чувств, ощущений и разума - для описания объектов "так, как они даны нам". Следующий шаг должен выделить существенные аспекты этих сложных данных и интенциональные формы, в которых они объединены. Уайлд следует здесь феноменологическому методу описания Гуссерля. Дальнейшая ступень - поиски объяснения с точки зрения оснований и причин. Последним шагом будет формулировка целостной теории, которая внутренне согласована и в то же время включает все познанные сущности и аспекты бытия. На каждой стадии этого процесса достижение истины должно зависеть от приоритета данных опыта над объяснением и интерпретацией. С этой же целью преодоления субъективизма Уайлд решает и проблему истины: истина (бытие как оно есть само по себе) не принадлежит познающему акту и безотносительна к человеку. "Наше познание истины, - пишет он, - человеческий акт, который зависит от нас и принадлежит нашему бытию. Но истина, которую мы познаем, совершенно независима от нас" /5/. Однако, в этот период Уайлд оставляет за пределами своего внимания социальный аспект познавательного процесса.

Непосредственно к проблеме социальной детерминации существования индивида вообще и его познавательной деятельности, в частности, Уайлд обращается одновременно с обращением

к теории "жизненного мира", когда он уже отказывается от попыток "рационализации" экзистенциализма и развивает свою философию в сторону субъективизма. "Космический мир", по сути дела, исчезает, поглощается индивидуальным миром, который превращается в единый "жизненный мир", понимаемый Уайлдом в том расширительном значении, которое придавал ему прагматизм. Взаимодействие человека и окружающего его мира, как природного, так и социального, рассматривается им не с точки зрения, основанной на объективном научном исследовании, включающим и обусловленность индивида окружающей средой, и предметно-преобразовательную деятельность самого человека, а как некая иррациональная укорененность его в своем "жизненном поле", потеря которого означает, в конечном счете, распад личности и смерть. Одной из существенных структур "жизненного мира" является социальность, которая раскрывается Уайлдом в понятии "двойной интенциональности" (Уайлд заимствовал это понятие у Э.Териякьяна): сознание направлено не только к миру ("мировой горизонт"), но и на других людей. В этом ключе раскрывается проблема социальной детерминации познания: чувства и действия субъекта не просто интенциональны и определены объектами посредством активного мышления о них, как полагал Гуссерль, но в любом акте мышления есть контекст наличия других людей. Человек не может быть свободен от этой интенциональности, она сообщает ему "осведомленность" о социальном, привычки и нормы группы.

Таким образом, обращаясь к жизненным реалиям Уайлд не идет дальше типично экзистенциалистских построений, сводящих общественные отношения к межличностным контактам, что приводит к сужению социологического кругозора, когда вне поля зрения остаются основные материальные зависимости, в которые вовлечены одновременно массы индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alijevoň D. Existencialismus v Súčasnej amerikej sociologii. In: "Sociologicky časopis", No 3, 1984, s. 276-290.
2. J. Wild. "The Challenge of Existentialism", Bloomington,

1955.

3. J. Wild. "Human Freedom and Social Order. An Essay in Christian Philosophy". Durham, 1959.
4. J. Wild. "The Challenge of Existentialism", p. 203.
5. J. Wild. "The Challenge of Existentialism", p. 199.

III. СЕКЦИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУРЫ И ПОЗНАНИЯ

А.С. Ахизер (Москва)

1. Любая форма социальной детерминации развития культуры и познания превращается из внешней во внутреннюю, приобретает форму определенной логики развития культуры и познания.

2. Единство внешней и внутренней детерминации вытекает из воспроизводственного характера всей деятельности человека, из того что "в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни" (1), из того, что оно включает не только воспроизводство общественных отношений, деятельности, но и всей духовной жизни (2), культуры во всех ее формах.

3. Воспроизводство действительной жизни есть единство воспроизводства ее целостности и расчлененности, что связано с необходимым и неизбежным изменением соотношения между элементами целого в процессе воспроизводства. Расчлененность культуры, как и ее особой формы познания, связана прежде всего с воспроизводственной, субъектно-объектной деятельностью человека. В ней можно выделить, во-первых, потребности, цели и ценности субъекта. Культура всегда ориентирована в соответствии с чисто человеческим содержанием, с задачами воспроизводства человека, всей системы его исторически сложившихся целей и ценностей. Во-вторых, культура структурирована в соответствии с объективным содержанием предметного мира, с внутренними законами объекта. В-третьих, культура организована, структурирована в соответствии со способностью человека преодолевать в процессе своей воспроизводственной деятельности противоречия между субъективными потребностями и объективными возможностями, между двумя соответ-

внутренних аспектами культуры. Налицо модальности культуры: ценностная, предметная и рефлексивная, т.е. типы ориентации, непосредственно определяемые субъективно-объективными отношениями. Их существование связано со способностью человека делать саму культуру во всех ее формах, логику возникновения модальностей, динамику их системы и т.д. предметом познания и деятельности. Модальность появляется на определенной стадии конкретно-исторического развития. Например, модальность предметности связана с возникновением неолита (3). Исследование исландских саг показывает, что в них отсутствует представление о независимой предметности, "не существует исторической истины, не зависимой от людей" (4). Длительное время человечество не ставит никаких вопросов о достоверности того, что познает, а потому и не добивается ее" (5).

4. Домодальный этап развития культуры сменяется связанным с возникновением форм культуры, которые отличаются друг от друга соотношением модальностей. Например, ведущей модальностью науки является предметность, тогда как для искусства характерна иная картина. Например, цитируя пушкинское: "Над вымыслом слезами обольюсь", Ю.М. Лотман пишет: "Блестящая характеристика двойной природы художественного произведения: казалось бы, сознание того, что перед нами вымысел, должно исключать слезы. Или же обратное: чувство вызывающее слезы, должно заставить забыть, что перед нами — вымысел. На деле оба эти — противоположные — типы поведения существуют одновременно и одно углубляет другое" (6). Следовательно путь к пониманию модальности искусства лежит через анализ постоянного перехода ценностной и предметной модальностей.

5. Внутренняя детерминация неотделима от внешней. Например, изучение мифологических моделей мира, показывает, что они являются необходимым элементом, звеном воспроизводственного процесса в целом, "программой поведения для личности и для коллектива" (7), т.е. формой целостной социальной детерминации.

6. Развитие культуры и познания логики включает расчленение самих модальностей. Можно указать на следующие аспекты расчлененности культуры: а) уровни, связанные с разной сте-

пенью обобщенности, с последовательными ступенями развития культуры от освоения беспорядочного хаоса до конкретизации содержания культуры, включая выделения модальности, формирование их систем; б) ценностная модальность культуры расчленяется на оппозиции, т.е. на благоприятное-неблагоприятное, верх-низ, мужской-женский, сакральный-мирской и т.д.; предметная модальность расчленяется в соответствии с расчлененностью предмета познания, например, в соответствии с существующими формами движения материи; г) рефлексивная модальность культуры поляризуется на условия и цели.

7. Воспроизводство внутренней логики культуры и познания включает интеграции расчлененности в единое целое, в острейший конус (8). Оно непосредственно детерминирует направленность воспроизводства деятельности. Это требует дальнейшего изучения закономерностей, путей движения мысли в разных типах культуры, связанных с разными типами детерминации, отношения опосредованной в непосредственной детерминации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.
2. Ахизер А.С. Личность рабочего в общественном воспроизводстве. В кн.: Философия и культура. И., 1983; его же, Рост активности рабочего и прогресс производства (теоретические проблемы). — В кн.: Социальная активность рабочих в социалистическом обществе: Факторы и направленность развития. М., 1984.
3. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984, с. 46–48.
4. Гуревич А.Я. Сага и истина. — В кн.: Труды по знаковым системам. Вып. 13, Тарту, 1981, с. 32–33.
5. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978, с. 15.
6. Лотман Ю.М. Искусство в ряду моделирующих систем. — В кн.: Труды по знаковым системам. Вып. 3, Тарту, 1967, с. 139.
7. Иванов Вяч. Вс., Торопов В.Е. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965, с. 7.

О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Б.Л. Губман (Калинин)

Проблема культуры является одной из центральных в классической и современной буржуазной философии. Эволюция ее решения во многом обусловлена трансформацией положения личности в системе общественных отношений капитализма эпохи свободной конкуренции и империализма. Попытаемся проследить социальную детерминированность постклассической буржуазной философии культуры, ее отличительные черты.

Начиная с эпохи Возрождения культура становится предметом самостоятельного философского анализа. В докапиталистический период общественная жизнь и сфера культурного саморазвития человека мыслились продолжением естественно-природного универсума. Лишь в буржуазном мире человек начинает осознавать надприродность общественных связей и специфику своего бытия как творца культуры и истории. Этому способствовала крутая ломка традиционных общественных отношений и их замена "вещными". Отражая сложившуюся ситуацию, классическая буржуазная философия культуры последовательно реализует мыслительную "парадигму", отличительными чертами которой являются гуманизм, рационализм и историзм субстанциалистского толка. Гуманистическая установка влечет рассмотрение диалектики общественной жизни с точки зрения ее влияния на судьбы саморазвития личности. Одновременно предполагалась рационалистическая убежденность в способности человека познать строй универсума и самостоятельно строить на этой основе свой культурно-исторический мир. Рационализм сопряжен с приверженностью субстанциалистскому историзму, согласно которому человеку доступно понимание единого духовного начала общественной жизни, последовательно прогрессивно развертывающегося.

вающегося во времени и телеологически "запрограммированного". В наиболее рафинированном виде эта идеалистическая культурфилософская "парадигма" реализуется в немецкой классической философии.

Радикально иная модель рождается в постклассической идеалистической философии культуры эпохи империализма. Запечатлевая "самочувствие" личности, фатально уверовавшей в неискоренимость социального отчуждения и подавленности индивида враждебными общественными структурами, она характеризуется тремя основными моментами — идеей "агонии гуманизма", отрицанием классического рационализма и историзма субстанциалистского толка. Постклассическая буржуазная философия культуры отвергает оптимизм классической и пересматривает ее основоположения, отражая кризис современного капитализма.

Ситуация "агонии гуманизма", рисуемая всеми без исключения буржуазными авторами, чревата подавлением творческой активности индивида со стороны социальных структур и объективных форм культуры. Сегодня многие западные авторы, подобно Ж.-М. Доменаку, верно подмечают, что буржуазная гуманистическая культура, возникшая в эпоху Возрождения и вдохновлявшаяся идеалом создания условий для всестороннего развития личности, обратилась в свою противоположность. Но они не видят того, что объективные формы культуры восстают против человека, их творца, именно благодаря имманентной логике подчиненности "вещным отношениям", задающим цель буржуазного производства. Сам факт "агонии гуманизма" получает как положительную, так и отрицательную оценку буржуазных теоретиков. О закономерности "смерти человека" в западноевропейской культуре говорит сегодня не только лидер структурализма М. Фуко, но и ведущий теоретик казалось бы полярного направления "новой философии" Б.-А. Леви. Как это ни парадоксально, среди наиболее рьяных защитников "агонизирующего гуманизма", придерживавшихся разнообразных направлений философско-антропологической ориентации, мы находим и представителей католической и протестантской мысли. Они предлагают различные варианты спасения буржуазного гуманизма путем обращения к "вечным" религиозно-нравственным ценностям.

В постклассической буржуазной философии культуры подвер-

гается яростной критике и рационализм классического типа, ибо полностью утрачивается вера в возможность постижения универсума и самосознательной свободной активности индивида, осуществляемой на этой основе. Объективные формы культуры, формирующие отношение человека к природе и обществу, рассматриваются как противостоящие ему и неподконтрольные его действиям. Это в одинаковой мере фиксируют течения как сциентистской, так и антропологической ориентации. В мире символических форм Э. Кассирера, "культурного априори" структурализма, "объективных идей" К. Поппера и других теоретических конструкциях сциентистского толка человек оказывается подчинен неподконтрольной его усилиям стихии. Ту же ситуацию в патетически-трагических тонах описывают экзистенциалисты, сторонники философской антропологии, Франкфуртской школы, "новой философии" и других антисциентистских направлений. Отрицая классический рационализм и утверждая "непрозрачность" мира, буржуазные авторы ориентируются во многом на отражение в массовом сознании тотальной отчужденности индивида от природных и социокультурных предпосылок его существования, расхождения цели капиталистического духовного производства и задачи культурного развития личности.

Утрата глобальной социальной перспективы, мироощущение кризиса диктуют и третью важнейшую черту постклассической буржуазной философии культуры — ниспровержение субстанциального историзма. В постклассических буржуазных концепциях сциентистского, антропологического толка нет места вере в поступательный социально-культурный прогресс человечества, реализующийся с необходимостью и стремящийся к единой цели. В рядах критиков гегелевского "субстанциализма" находятся даже неогегельянцы Б. Кроче и Р. Дж. Коллингвуд. Наиболее яростно отрицают этот тип историзма экзистенциалисты, теоретики Франкфуртской школы, "новой философии" и ряда других направлений. Но и в сочинениях постпозитивистов и структуралистов, говорящих о господстве в общественной жизни объективных мыслительных структур, нет места утверждению о их прогрессивном, телеологически predetermined саморазвертывании. И все же "субстанциалистские рецидивы" дают о себе знать в многочисленных буржуазных концепциях культурного

кризиса. Племизируя с материалистическим пониманием истории, буржуазные теоретики возвращаются к спекулятивным идеалистическим схемам социокультурного развития, одновременно ограничивая их "критическими" оговорками. Это говорит о непоследовательности постклассической буржуазной философии культуры.

Являясь отражением трагических противоречий существования личности в условиях современного капитализма, постклассическая буржуазная философия культуры не в силах объяснить реальные причины сложившейся ситуации. Ее основные пороки становятся очевидными в свете материалистического подхода к проблеме культуры, базирующегося на началах реального гуманизма, рационализма, предполагающего раскрытие генезиса иррационального в общественной жизни, и последовательного научно обоснованного историзма.

ОБ ОСНОВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ХР. ВОЛЬФА

В.В. Зибен (Тарту)

1. Для деятелей немецкого Просвещения свойственна вера во всемогущество человеческого разума и в огромную силу математического метода познания (рационализм). В отношении Вольфа картина более сложная. Да, он тоже ратует за это, но и признает как ограниченность наших возможностей (разума), так и применимости математического метода. "Между тем опыт показывает, ..., что наш рассудок никогда не бывает вполне чистым, но при отчетливости постоянно остается еще много неясности и темноты" /I, § 285/. Более того, он еще до Канта пытается указать человеческому рассудку его границы. Говоря о совершенстве как отдельных тел, так и всего мира, Вольф утверждает, что "никакой человек не может его постичь, так как требуется бесконечный рассудок" /2, § 214/.

2. Вольф признает два особых источника познания — опыт и разум. Чувство и воображение он относит к низшей способности

познания, а рассудок и разум к высшей. При этом первое явно недостаточно, хотя он и считал, что "лишь чувства побуждают нас к мыслям о вещах, которые находятся вне нас" /3, § 5/, так как опыт говорит о внешнем вещи, о феномене, а истинная сущность вещей постигается на втором уровне. Он подчеркивает, что на низшей ступени познания еще нельзя видеть взаимосвязей, которые видны с высших ступеней, но на верхнюю ступень нельзя прыгнуть или подняться благодаря случаю, а нужно медленно вырабатывать /4, с. 16/. Все фактологическое знание он называет историческим познанием, являющимся предисторией философского. Последнее является познанием более высокого порядка - научным познанием, так как оно исследует уже основания этих фактов, а не сами факты. Для него опыт является единственным источником увеличения наших знаний о действительности, а экспериментальной науке, хотя она и относится к низшей способности познания, он придает статус науки.

3. В "Предварительных сведениях" к "Немецкой логике" /3, § I-I7/ Вольф, приведя определения философии, науки и возможного переходит к рассмотрению человеческого познания, его многоплановости, выделяя в нем три вида: познание историческое (познание фактов или того, что есть и совершается); познание математическое (количественное определение вещей); познание философское (т.е. не просто установление факта, но и разумное объяснение основания факта). Он говорит о их пользе и постепенно вводит все элементы своей системы. Этот методический прием постепенного введения новых понятий, которые поясняют или уточняют уже введенные, весьма последователен и системен. "Все, что человек познает, он познает посредством правильного употребления рассудка" /4, § 192/.

4. В понимании Вольфа, философия является строгой наукой, причем строгость происходит от её метода. В то же время он определяет философию как науку о возможном как таковом. При этом он считает, что "воля бога есть источник действительности вещей" /I, § 988/. Он утверждает, что возможность вещей доказывается без идеи бога и что наука исходит из взаимосвязанности, а прямая и правильная последовательность представлена им как один из высших законов и философского метода. Наука, по Вольфу, мыслима лишь как система: правиль-

ная последовательность отдельных частей и образует целое — систему. При этом его система определяется дидактической целью и методическим законом, т.е. построение массива "учебного знания" опирается на строгую и правильную логическую последовательность.

5. Решающим моментом в философии Вольфа является ее метод (отчетливость, ничего непроверенного, т.е. недоказанного, правильная последовательность и т.д.), который понимается им как порядок, которого следует придерживаться при обращении с тезисами. Невярная трактовка противниками метода Вольфа послужила причиной непонимания и обвинения его в жестком рационализме, который хочет с помощью математического метода и по образцу математики перестроить философию. Для Вольфа — главное — это владеть методом, так как от этого зависит все: возможность достижения уверенного (точного и надежного) познания, что и является целью его философствования. Стремление к такой достоверности познания было характерным для философии начиная с Декарта. Вслед за Декартом, Спинозой, Вейгелем, Чирнгаузом и Лейбницем Вольф считал математику всеопределяющей моделью, но он не считал, что философия заимствует свой метод у математики — он не переносил математического метода в философию, как утверждали его противники, а наоборот, он исходит из того, что математический и философский методы идентичны, в том смысле, что правила обоих исходят из одного источника — из истинной логики.

6. Логика Вольфа как и его философия является наукой, построенной строго дедуктивно. Для него принципы противоречия и достаточного основания, являясь онтологическими, в применении к понятиям и положениям логики становятся и принципами логики. Более того, у него многие понятия имеют прежде всего онтологический смысл и лишь затем теоретико-познавательный. Свою Логiku Вольф делит на две части: в теоретической /гл. I—IV Логики/ обсуждаются "три действия рассудка" — понятия, суждения и умозаключения /4, § 55/; в приложении /гл. V—XV Логики/ "я показываю пользу этого учения в открытии истин как через посредство правильного использования чувств в опыте, так и через разум, посредством правильного употребления рассудка" /4, § 55/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wolff, Chr. Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt.. (Deutsche Metaphysik). Halle, 1725 3 Aufl.
2. Wolff, Chr. Anmerckungen Über die vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt... Frankfurt am Mayn, 1724, 631 S.
3. Wolff, Chr. Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit. Halle, 1754, 14 Aufl.
4. Wolff, Chr. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schtiften die er in deutschen Sprache von den verschiedenen Teilen der Weltweisheit ans Licht gestellt. - In: Wolff. Gesammelte Werke. Hrsg. von Verlag G. Olms, Bd.9, Abt.1, 1973, 672 S.
5. Зибен В.В. О причинах "возрождения" интереса к учению Христиана Вольфа в ФРГ. - Учен. записки Тартуского госуниверситета. Вып. 693. Социальная детерминация философских концепций. Социальная детерминация познания. Труды по философии. Тарту, 1984, с. 26-36.
6. Зибен В.В. К вопросу о теоретических источниках философии Христиана Вольфа. - Учен. записки Тартуского госуниверситета. Вып. 693. Социальная детерминация философских концепций. Социальная детерминация познания. Труды по философии. Тарту, 1984, с. 37-56.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СУБСТРАТНОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Ю.И. Зуев, С.Г. Секундант (Одесса)

Культура - это прежде всего система способов деятельности, закрепленная в социальной памяти (см. I). Духовные способы деятельности задаются рецептурно или с помощью реляционного способа представления реальности. Наиболее фунда-

ментальные способы представления и истолкования реальности содержатся в категориальной парадигме.

Социум генетически детерминирует категориальную парадигму, а функционально категориальная парадигма определяет многие существенные черты культуры.

Наш категориальный каркас в своем истоке субстратен. Ядро его заимствовано еще из первобытного сознания. Субстратная категориальная парадигма – такая центрированная динамическая система /2, с. 41/, в которой все категориальные оппозиции осмысливаются на базе категориальной оппозиции предмет/изменение /3, с. 337/.

Уже у истоков человеческой истории овладение чуждым миром происходит с помощью выпеления из континуума реальности отдельных вещей. Вещь выхватывается из чуждого с помощью определенного набора операций. Этот факт отражается в этимологии слова "предмет". Так, в лат. *objectum* 'предмет' корень *jacio* 'бросать, кидать, метать'; греч. *πράγμα* означает 'дело' и 'вещь'. Предмет и изменение воспринимаются одновременно. Представления о предмете и операции неразделимы. Это проявляется в лексико-морфологическом синкретизме /4, с. 40/ и в том, что в ряде языков одно и то же действие, направленное на различные объекты, обозначалось различными словами /5, с. 8/.

Освоение соответствующего фрагмента реальности в конце концов стало закрепляться с помощью наименования. Предметное выделение вещи является объективной предпосылкой дальнейшего практического оперирования ею, а наименование вещи является предпосылкой оперирования словом как репрезентатором вещи-образа. С помощью моделирования словами-образами теперь программируется предметная деятельность. Более того, только теперь и стало возможным говорить о собственно человеческой деятельности.

Организация деятельности постепенно возрастающих обществ требует формирования ряда категориальных оппозиций, в частности, оппозиции часть/целое.

Противопоставление часть/целое – одно из первых, о чем свидетельствуют те конструкции наших далеких предков, которые палеонтологи называют каменными сейфами.

Расчленение предметов — важная форма овладения ими. Теперь понять нечто — значит разобрать ее; ср. русск. "разбираться" и болг. "разбирам" — "понимать, знать толк".

Отдельные предметы отличаются друг от друга на основании оппозиции свойств, без этой оппозиции результаты деятельности неразличимы. Формирование категориальной оппозиции предмет/свойство существенно для организации жизнедеятельности общества. Однако свойство не сразу мысленно отделяется от вещи и действия. На первых порах представление о свойстве репрезентируется с помощью представления о предмете и изменении /5, с. 9/. Даже на довольно поздней ступени родоплеменной организации выявление у предмета того или иного свойства сливается с представлением о новом предмете, "Так, в массачузетском языке *musketomp* значит "черный мужчина". Здесь слово "черный", прикинувшее к существительному, вовсе нельзя отделить от него, так как оно само по себе было бы непонятно, и то же самое относится и к другим сложным выражениям..." /5, с. 46/.

У других этнических групп представление о свойстве тесно срослось с представлением об изменении. Так, качественные слова в нивхском, корейском, вьетнамском, китайском и гренландском языках многие лингвисты относят к глаголам или так или иначе сближают с ними /6, с. 109; 7, с. 85, 8, с. 43—49; 9, с. 10: 5; с. 79/.

В этом последнем случае свойство осмысливается в качестве субстратного заменителя изменения.

Еще медленней, чем представление о свойстве, от представления об изменении отделяется представление об отношении. Поскольку же функционально операция задается с помощью отношения, в период господства субстратного мировоззрения операции задаются рецептурно. Рецептурный характер задания операций — существенная черта мышления в период деспотизма субстратных представлений. Такой способ задания операций является на первых порах сколком с предметной деятельности, ее мысленной моделью. Конечно, в рецепте не только непосредственно отражается практический опыт коллектива, но и "достраивается", приобретает нечто такое, чего не было в чело-

веческой практике. Отражая огромный опыт коллектива, рецепт становится необходимым элементом культуры и представляется его носителем, чем-то совершенно естественным. Это мешает осознать возможность альтернативы данной форме операторики.

Рецептурный кодекс всемогущ и универсален. Рецептом организуется вся жизнедеятельность общества и ее отдельных членов. Жесткость рецептурного кодекса поддерживается всей системой социальных отношений и, в свою очередь, поддерживает ее. Способ деятельности, законсервированный в рецепте, закрепляет социальный статус самого деятеля. Рецептом диктуется то, что нужно делать, но в нем нет оправдания самой деятельности. Он по своей природе догматичен.

Всемирное рецепта начинает расшатываться лишь при зарождении капиталистических отношений. Но это стало только возможным потому, что к этому времени субстратная категориальная парадигма начинает принимать все новые и новые реляционные представления т.е. в период зарождения новой, реляционной категориальной парадигмы, которая несла новую операторику /3, с. 342/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. — Философские науки, № 5, 1977.
2. Логика и методология системных исследований. Киев — Одесса: Выща школа, 1977.
3. Диалектическая концепция понятия. Ред. д-р филос. наук А.П. Шептулин. Мн.: Наука и техника, 1982.
4. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
5. Шерцль В.И. О конкретности въ языкахъ. Воронежъ, 1885.
6. Отаина Г.А. Качественные глаголы в нивхском языке. М.: Наука, 1978.
7. Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1954.

8. Станкевич Н.В. О границах прилагательных во вьетнамском языке. - Учен. зап. ЛГУ, № 2, 1961.
9. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л., 1952.

ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ РАЗВИТИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.С. Горский (Киев)

1. Характерной особенностью современного развития духовной культуры общества зрелого социализма является возрастание роли исторического сознания, социальной памяти как существенного компонента самосознания личности и фактора, формирующего его. Активный интерес к историческому прошлому без труда констатируется на самых различных уровнях современного общественного бытия. Истории отводится роль "важного инструмента воспитания гражданственности" /1/.

2. Несмотря на кажущееся противоречие такого явления факту возрастания темпов социального прогресса, уникальности задач, решаемых современной культурой, само по себе оно объяснимо.

Одной из закономерностей развития культуры вообще является принципиальная соотнесенность масштаба обосновываемых ею идеалов, связанных с прорывом в будущее, с глубиной постижения исторической традиции, на которую опирается актуальная духовная культура. Масштаб исторического базиса культуры находится в прямой пропорциональной зависимости от возможностей всестороннего развития личности, предоставляемых актуальной культурой. Подлинный прогресс на путях всестороннего развития личности, осуществляемый в процессе совершенствования общества развитого социализма, позволяет столь же всесторонне использовать исторический потенциал, накопленный на протяжении многовекового развития мировой цивилизации. В этом заключен глубинный смысл сформулированной В.И. Лениным задачи освоения в процессе коммунистического строительства

достойный культуры, созданный предшествующим развитием человечества /2/.

3. Говоря об истории как факторе, детерминирующем развитие культуры, мы исходим из понимания культуры как всеобщего способа бытия человека, включающего опредмеченные результаты человеческой деятельности и характеристику самой деятельности, направленной на достижение саморазвития человека как общественного существа. "Главное в содержании культуры, — как подчеркивает Т.И. Ойзерман, — не вещи, а люди, общество. С этой точки зрения специфическую сферу культуры можно было бы определить как "третью природу", т.е. природу общества, человека. В этом смысле культура является человеческим, личностным бытием "второй природы" /3/. Поскольку культура направлена на саморазвитие человека как общественного существа, постольку посредством культуры реализуется потребность общения человека с окружающим его миром. В культуре человек не противопоставляет себя миру как объекту или средству, но соотносится с ним как самозначимым компонентом общения. Поэтому можно говорить о диалогичности культуры, если учитывать, что диалог строится на основе отношения принципиального творческого равенства его участников. В культуре реализуется потребность диалога (а) с прошлым, (б) настоящим и (в) будущим. В каждом из этих трех направлений, обуславливающих диалогическую природу культуры, определенную роль играет историческое знание.

4. Естественно, определяющая роль его в реализации "диалога с прошлым", в процессе которого формируется социальная память культуры. Анализ роли исторического знания с этой точки зрения предполагает необходимость учета диалектики наследства и наследия в процессе осуществления исторической преемственности. Наследство — означает совокупность опредмеченных результатов прошлой человеческой деятельности, которыми располагает актуальная культура. Наследие — характеризует совокупность смыслов, придаваемых памятникам прошлого актуальной культурой. Памятники культуры не связаны однозначно с определенным смыслом. В процессе функционирования в истории культуры они проявляют присущую им многозначность. Поэтому формирование социальной памяти предполагает

не механическое перенесение в состав актуальной культуры наследства прошлого, или же отбрасывание его, но осмысление его в качестве наследия с целью выявления актуального смысла, который приобретает оно в свете задач, реализуемых современной культурой.

5. С точки зрения развития диалога с настоящим историческое знание служит существенным фактором формирования способности человека к взаимопониманию как результату и предпосылке межчеловеческого общения. Приобщаясь к наследию прошлого, человек неизбежно должен мысленно осуществить выход за пределы непосредственно данного ему в окружающей действительности. В этом смысле обращение к истории служит развитию способности выйти за рамки собственного, непосредственно данного нашему "Я". Совершенствование такой способности является предпосылкой развитого умения понять "иного" как адресата нашей деятельности, оно служит важным фактором воспитания интеллигентности как обязательной характеристики всесторонне развитой личности.

6. Наконец, познавая историческое прошлое, соотнося его с настоящим, мы получаем возможность познать закон перехода от одного общественного состояния к иному, что позволяет решать задачи прогностического характера, в которых актуальная культура реализует присущую ей потребность "диалога с будущим".

Таким образом, развитие исторического познания, внедрение результатов его в актуальной культуре является одним из существенных факторов, детерминирующих культурный прогресс общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черненко К.У. Утверждать правду жизни, высокие идеалы социализма. Речь на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР. - Правда, 1984, 26 сент.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.
3. Ойзерман Т.И. Проблема культуры в философии марксизма. - Вопросы философии, 1983, № 7, с. 77.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭВОЛЮЦИИ НАУКИ ОБ
ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

А.В. Ермакова (Москва)

1. Организация труда в капиталистической промышленности становится предметом научной разработки с начала XX в. Эволюция капиталистической НОТ обусловлена, с одной стороны, социально-экономической формой производственных отношений, а с другой, объективным уровнем и характером развития общественных производительных сил. Своеобразно переплетаются эти два аспекта в буржуазных теориях, претендующих на социологическую и общеполософскую интерпретацию происходящих в организации промышленного труда изменений.

2. Главная цель введения первых научных принципов в организацию промышленного труда — увеличение производительности за счет максимально эффективного использования имеющейся на предприятии рабочей силы в условиях растущего ее дефицита. Основное средство для достижения этой цели — доведение до максимума внутриводского разделения труда при соблюдении двух принципов: отделение управленческих и организаторских функций от исполнительских; максимальная специализация и упрощение трудовых операций. Важнейшими методами считались хронометраж и изучение движений работника. Научному анализу и рационализации подлежали лишь мускульные, механические движения человека. Узкоспециализированное производство того периода еще не выработало соответствующих механизмов для более полной "утилизации" других способностей наемных трудящихся (в частности, эмоциональных, интеллектуальных).

Каждый этап НОТ получает в буржуазной теории социологическую окраску, выступая как идеологическая доктрина. Так, у Ф. Тейлора в идеологическую ценность возводятся слаженность и порядок. Социальные конфликты трактуются лишь как "недопонимания", вызванные несовершенством научной организации

труда и общественных отношений.

3. Следующий этап в развитии капиталистической организации труда — "школа человеческих отношений" или "тейлоризм с человеческим лицом" (в США — с начала 30-х гг., в странах Западной Европы и Японии — после второй мировой войны) — связан с поисками новых факторов повышения производительности, когда технико-организационные резервы в рамках НОТ исчерпаны. Происходит поворот к применению гуманитарных наук в сфере труда. Он обусловлен тем, что использование работника лишь в качестве исполнителя чисто механических движений натолкнулось на сопротивление человеческой природы: повышается утомляемость рабочих, апатия, "производственная тоска", увеличиваются показатели травматизма и нервных заболеваний. Одновременно растет ответственность работника за все более дорогостоящую технику в условиях усложняющихся технологических процессов. Эмоциональное состояние трудящихся объективно оказывается существенным фактором, влияющим на производственные показатели, которые во все большей степени зависят от "неформальной", "человеческой" стороны производственной обстановки.

Оставляя неизблемыми основные принципы тейлористской НОТ, "школа человеческих отношений" занимается проблемами совершенствования эмоциональной атмосферы "вокруг труда": разрабатываются методы психологического стимулирования, рекомендации по улучшению межличностных отношений внутри производственных подразделений.

Одновременно "школа человеческих отношений" в промышленности выступает как буржуазная идеологическая доктрина, направленная на обеспечение "хорошей смазанности человеческих структур", установление "классового мира", подрыв рабочего движения.

4. С развитием НТР, представляющей коренные, качественные изменения в системе общественных производительных сил, в сфере трудовой деятельности происходят решающие изменения. Опережающее интеллектуальное, духовное развитие работника становится объективным условием успешного развития техники, технологии и их применения. "Духовный рост человека впервые в истории становится решающим фактором материального производства"¹.

На первом, начальном этапе НТР, который сейчас переживает человечество, наблюдается определенное несоответствие между уровнем развития главной производительной силы — человека и реальными условиями и характером его труда. Существенно повышается общеобразовательный и квалификационный уровень работников. Резко интенсифицируются все формы общения людей, качественно меняется система коммуникативных связей. Растет степень активности людей во всех сферах их жизнедеятельности. И только сфера труда нередко предлагает рутинные условия, примитивное содержание деятельности, мало чем отличающиеся от промышленности начала века. Об остроте противоречия внутри системы производительных сил современного капитализма свидетельствует рост с начала 60-х гг. показателей текучести кадров, абсентеизма, травматизма, нарушений трудовой дисциплины, падения качества продукции и с начала 70-х гг. прямое выдвижение рабочими требований, направленных на улучшение условий труда и его содержания. Капиталистическая промышленность начинает все сильнее ощущать зависимость результатов своего функционирования от решения проблемы человека и его развития.

Эти объективные процессы обусловили появление теорий "гуманизации труда". Работа интерпретируется как главная сфера жизнедеятельности человека, с которой связаны основные потребности его личности. Происходит отказ от тейлоровских принципов НОТ в пользу усложнения содержания труда, развития сотрудничества между его исполнителями, роста ответственности и самостоятельности каждого работника, поощрение инициативы, предлагаются коллективные формы организации труда.

Появление теорий "гуманизации труда" отразило тот факт, что развитие общественных производительных сил в настоящее время подготовило необходимые материальные условия для превращения труда в первую жизненную потребность, чему препятствует капиталистическая форма производственных отношений. Отсюда несоответствие между размахом шумихи в западной печати о "гуманизации труда" и слабым практическим внедрением наиболее радикальных рекомендаций (в частности, бригадных методов). Концепция "гуманизации труда" означает не столько фактический переход на новый этап в организации тру-

да, сколько появление очередной идеологической доктрины, предлагаемой в качестве панацеи для решения любых социальных конфликтов, достижения наивысшего "качества трудовой жизни" и всестороннего развития человеческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

- I. Научно-техническая революция и ее социальные аспекты. — Коммунист, 1982, № 12, с. 17.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ УТОПИИ

И.А. Исаев (Москва)

1. Одним из определяющих признаков утопического сознания является его социальная детерминированность, выявляющаяся в процессе формирования данной утопической конструкции (гносеологический аспект) и в самой ее внутренней структуре и семантике (онтологический аспект). Определенная социальная среда порождает конкретные типы утопического сознания, а конкретная утопия моделирует в себе определенную социальную структуру и ценности.

2. Фридрих Энгельс, анализируя факторы, порождающие утопии, замечал: "Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, пришлось изобретать, создавать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались они в подробностях: тем дальше должны

были уноситься в область чистой фантазии"¹.

3. Стимулом для утопического конструирования является социальная неудовлетворенность существующим положением вещей. Поэтому утопическое социальное моделирование направляется прежде всего на цели и ценности, желанные для определенных социальных групп, но отсутствующие в окружающей социальной среде. Конструкторы утопий могут осознанно допускать их возникновение в видимой временной или пространственной перспективе (собственно утопия) или заранее предполагать нежелательность и невозможность их реального появления (антиутопия).

4. К. Мангейм давал чисто негативное определение утопии, подчеркивая такое ее качество, как перманентное отрицание существующего порядка вещей. Восходящие социальные группы используют собственные утопические модели в качестве взрывных механизмов по отношению к существующей социальной структуре². Предполагаемые же позитивные элементы утопии будут носить на себе знак, обратный реально существующим элементам атакуемой ею системы. Однако такой подход заставляет значительное внимание обращать на детали утопической конструкции, также представленной в качестве законченной системы. Ее детали будут наделены определенной реалистичностью и неизбежно заимствуются конструкторами утопии у одной из сфер социальной детерминированности, в которой она рождается и размещенной в конкретном пространстве и времени.

5. Однако социальная обусловленность утопии выявляется не столько в ее деталях и "технике" (структура модели, язык описания и пр.), сколько в самом факте ее формулирования. Утопия выставляется в качестве альтернативы существующей социальной действительности, наделяясь также определенной вероятностью; она только один из (не) возможных вариантов разрешения ситуации. Существом ее оказывается прежде всего способ открытого мышления, заранее допускающий любую возможность изменения социальной действительности. Н.А. Бердяев определял этот тип сознания как "порыв" в царство духа³.

6. В этой связи наиболее адекватной формой утопического мышления становится "профетизм". Ему удаётся найти язык и модели, не связывающие утопию с конкретными деталями времени

и места. Особенностью "профетического" языка является его многозначность, как раз и позволяющая при толковании реальных (или кажущихся таковыми) ситуаций видеть большее число возможных вариантов и оставляющая для мышления большую степень открытости.

7. К. Мангейм исходил из того предположения, что утопия является в наибольшей целостности только в начале своего исторического пути. С этим он связывал ее первоначальный энергетизм и порыв. Утопия растворяется и исчезает, когда видение несущего ее в себе социального слоя "прозаизируется", постепенно вписываясь в реальное социальное бытие. Остаточным явлением этого процесса является конфликт ранее сформулированных идеалов и ныне существующей социальной реальности. В этой связи К. Мангейм выделял различные позиции интеллектуалов, оценивающих конфликт утопии с реальностью: романтическую (консерватизм), скептическо-аналитическую (либерализм), экспрессионистско-экстатическую (хилизм).

8. Слияние утопии и социальной реальности осуществляется, таким образом, на высшем уровне социальной детерминированности и приводит к самоуничтожению утопии. И вместе с тем утопия, согласно Мангейму, привносит в новое социальное бытие свою старую модель. Неясным остается, чем же детерминирована сама эта модель, возникшая до и вне растворяющей ее социальной реальности. Чтобы объяснить независимость утопической модели от реальной среды, Мангейм связывает ее с независимым социальным существованием идеологов-интеллектуалов.

9. По Мангейму, утопичность той или иной идеи выявляется представителями господствующего в данной системе и в данное время социального слоя. Именно они в состоянии установить "нереальность" и трансцендентность возникающих утопий существующему бытию и социальной системе. Следовательно, сам этот слой не нуждается в собственной утопии, поскольку последняя может взорвать социальную действительность. Но в таком случае социальная детерминированность (в неискаженном виде) может порождать только антиутопии. Вместе с тем идеологичность, по Мангейму, всегда присущая теориям господствующего класса и вскрываемая классами восходящими, не может

позволить адекватно осмыслить социальную обусловленность самих этих теорий, а следовательно, и критикуемых утопий.

10. Поскольку утопия всегда конструктивна и систематична, в ней выявляется имманентно присущая тенденция к целостности. Реализация этой тенденции ведет, однако, к утрате открытого характера утопического мышления. Для утопии характерны черты запространственности и надвременности (в литературных изображениях утопий их модель представлена уже в готовом, ставшем виде. История утопий, как правило, дается в пересказе, она крайне уплотнена)⁴. Сам выбор типа утопий: пространственного или временного (обращенного к прошлому или будущему) указывает на возможности ее альтернативного описания. Переносы утопии в конкретное пространство (например, остров) или время ("золотой век") служат целям создать закрытую среду, позволить системе замкнуться. Но как раз именно в этот момент утопия и теряет свой первоначальный энтузиазм и пафос, застывая в зафиксированной пространственно-временной позиции. Породившие утопический порыв социальные факторы отходят на задний план и исчезают, уступая место социальному конструированию в ограниченных рамках уже канонизированной утопии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1955, т.2, с. II2.
2. Mannheim K. Ideology and Utopie. N.Y. 1936. p.366
3. Berdjajeff N. Royaume de L'esprit et royaume de César. Neuchâtel, 1951, p.168.
4. См. Mumford L. The Story of Utopias. NY. 1962.

О ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РАБОТАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Т.И. Киллак (Тарту)

1. Широко распространенные в свое время точки зрения, согласно которым мировоззрение представлялось либо синонимом философии, либо синонимом всеобщего миропонимания, к сегодняшнему дню уже потеряли свою значимость. Вместе с тем актуализировался вопрос о том, имеет ли мировоззрение какой-либо собственный познавательный смысл, не сводимый к значениям иных познавательных конструкторов того же класса?

2. Историко-философский анализ показывает, что при концептуальном осмыслении мировоззрения инвариантом его познавательного смысла выступила совокупность представлений о целостности мира. При этом целостность мира могла быть понята либо субъективным (кантовское, отнесенное к специфическим слоям духовной практики конечного человека тотальность чувственно воспринимаемого), либо бессубъектным образом (целостность мира считалась установившейся принципиально вне корреляции к субъекту).

3. В современной марксистской литературе постепенно утверждается субъектный подход к мировоззрению, характерной особенностью которого в рамках диалектико-материалистической теории выступает осмысление мировоззрения функционально отнесенным к практической деятельности субъекта.

3.1. При таком подходе к мировоззрению его познавательная роль сосредоточивается вокруг предоставления человеку, классу и т.д. совокупности взглядов о мире в его практическо-функциональной интеграции с человеком (о мире и месте человека в нем), отличительным признаком которой выступает ориентация практической деятельности человека.

4. Представляется, что истоки подобного понимания мировоззрения разрабатывались уже в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.

5. Для доказательства выдвинутого тезиса обратимся к тем

текстам основоположников марксизма, где термин "Weltanschauung" (мировоззрение) непосредственно налицо. Впрочем таких мест на языке оригинала не так уж много, хотя термин употребляется классиками в течение всего их обширного творчества.

6. Проведенный анализ свидетельствует, что диапазон смыслового содержания термина "Weltanschauung" довольно широкий, так как во многих случаях классики приписывают его значению иррацы, смысл которых явно выводится из контекста употребления термина. Тем не менее нетрудно установить основные, сравнительно устойчивые типы значений.

6.1. Так, термин "Weltanschauung" употребляется в смысле синонима главных философских направлений. С этой точки зрения характерно его употребление в смысловом контексте, указывающим на материалистическое или же идеалистическое разрешение основного вопроса философии. Во-вторых, термин "Weltanschauung" употребляется Ф.Энгельсом как синоним диалектико-материалистического метода и соответствующего ему образа мышления, а в более широком плане также как синоним философии вообще. В-третьих, классики употребляют термин "Weltanschauung" в значении определенной ориентации мышления, известной его установки. И, наконец, основоположниками марксизма термин "Weltanschauung" употребляется также для обозначения образа или склада мышления, принадлежащего определенному субъекту. Притом мировоззрение, в представлении классиков, может принадлежать как единичному индивиду ("мировоззрение Маркса"), так и классу ("пролетарское мировоззрение").

7. Какие же черты мировоззрения можно считать составляющими его познавательный смысл в представлении основоположников марксизма? Видимо, не исключено, что допущение употребления термина "Weltanschauung" в качестве синонима метода мышления или же главных философских направлений является известной данью традициям эпохи. А это означает, что ключ к пониманию познавательного смысла мировоззрения заключается в указании на принадлежность его к определенному субъекту, точнее, к тем компонентам сознания субъекта, которые непосредственно связаны с обеспечением его практической активности.

7.1. Разумеется, принадлежность мировоззрения субъекту и отнесенность мировоззрения к обеспечению его практической активности не одно и то же. Однако классики не просто указывали на субъектную ангажированность мышления, но и предлагали материалистическое его объяснение. Согласно взглядам К. Маркса, выраженным в "Тезисах о Фейербахе", предмет, чувственность должна быть понята посредством практики, т.е. "субъективно", если выражаться словами самого Маркса. В итоге "субъективность" или же субъектность познания, присоединяя сюда, видимо, также мировоззрение, если оно рассматривается в качестве аспекта деятельности сознания, включает в себя, помимо всего прочего, осмысление их коррелятивными к субъекту и его предметно-практической деятельности.

8. Итак, ядро познавательного смысла мировоззрения оказывается у К. Маркса и Ф. Энгельса сосредоточенным вокруг двух фундаментальных обстоятельств. Во-первых, в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса мировоззрение — это образование субъектное, т.е. рассматривается коррелятивным в отношении практической деятельности своего носителя. Во-вторых, ключом к пониманию познавательной роли мировоззрения служит его рассмотрение в рамках тех компонентов сознания, назначением которых выступает обеспечение практической активности общественного человека. Хотя у самих классиков подобного рода утверждение эксплицитно не сформулировано, оно имплицитно вытекает из отнесенности познания к практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). 1, Abth. 1. Bd.
2. Marx K., Engels F. Werke. B. 3.
3. Marx K., Engels F. Werke. B. 20.
4. Marx K., Engels F. Werke. B. 21.
5. Киллак Т.И. О предмете мировоззрения. — Проблемы высшей школы У. Тарту, 1982, с. 12-30.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕКА

М.С. Кельнер (Москва)

Одной из характерных тенденций развития науки XX века является тенденция ко все большему слиянию, синтезу естественного и гуманитарного знания в изучении человека. Наряду с возрастающей дифференциацией, углубленной специализацией отдельных дисциплин человекознания, наблюдается процесс объединения научных областей и методов исследования человека. Сейчас ставится вопрос о необходимости создания перспективной комплексной программы научных исследований человека как целостного биосоциального феномена, которая бы объединила усилия представителей как общественных (философия, социология, этика, эстетика, педагогика и др.), так и естественных (физиология, генетика, эмбриология, анатомия, биология, этология и др.) наук (см. 5, с. 105). В условиях все большего сближения социогуманитарного и естественнонаучного знания сбывается гениальное предсказание К. Маркса о возникновении в будущем единой науки о человеке, когда "естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука" (1, с. 124).

Эта реальная интегративная тенденция находит свое выражение прежде всего в том, что человек изучается в рамках современной науки как сложный биосоциальный феномен. Рассматривая сущность человека как совокупность всех общественных отношений, материальных и духовных, марксизм показал, что человек есть в то же время и природное существо, наделенное определенной телесной организацией. Вне общества нет человека, но его нет и без особого рода природных качеств (пол, цвет глаз, группа крови и др.) (см. 3, с. 66, 73). К. Маркс отмечал, что "люди отличаются друг от друга по своим природным способностям, в силу чего они по-разному выполняют разные работы" (2, с. 315). Но природно-биологическое

в человеке не существует самостоятельно, оно находится в сложном диалектическом единстве с социальным. Следует согласиться с мнением Д.И. Дубровского о том, что в будущем произойдет такой синтез естественнонаучного и социального знания, который ознаменует собой создание единой теории биосоциальных объектов. В отличие от сугубо биологических или сугубо социальных объектов у человека имеются такие образования (например, нейрофизиологический мозговой код психических явлений), которые невозможно изучать в плане жесткой, взаимоисключающей дихотомии социального и биологического (см. 3, с. 70).

В условиях интеграции современного научного знания недопустим ни односторонний биологизм, когда человек рассматривается лишь как природное существо, ни столь же односторонний и абстрактный социологизм, когда он истолковывается как некий социум, сгусток культуры. Гносеологические корни подобного рода воззрений состоят в том, что еще не до конца преодолен разрыв между естественными и гуманитарными науками, который существовал длительное время в человекознании. Этот разрыв удалось сократить благодаря тому, что марксизм обосновал положение о социальной природе всего знания, в том числе естественнонаучного.

В последнее время на Западе стало модным говорить о взаимодействии, "конвергенции" познавательных средств соответствующих областей биологического и социального познания. В Англии, США и некоторых других капиталистических странах возникло и усиленно развивается особое научное направление "социобиология" (Э. Уилсон, Р. Триверс и др.). Являясь одним из выражений общей тенденции к объединению гуманитарных и биологических знаний, это направление ставит перед собой цель систематически изучать биологические, и прежде всего генетические, основы социального поведения человека. Спекулируя на новейших достижениях генетики, медицины, зоопсихологии, социобиологи утверждают, что историческое развитие человека представляет собой так называемую "генно-культурную коэволюцию", процесс, в котором формируются особые эпигенетические нормы с целью наилучшего выживания и приспособления человека к условиям той или иной культуры. И хотя представи-

тели данного направления много и пространно рассуждают о "культургенах", о взаимосвязи социальных и генетических факторов, в конечном итоге они приходят к выводу, что "культура создается и формируется с помощью биологических процессов, несмотря на то, что биологические процессы развиваются одновременно как ответ на изменения культуры (7, с. 118). В концепциях социобиологов речь идет не о диалектическом взаимодействии, а скорее о сосуществовании, своеобразной "дополнительности" социальных и биологических методов изучения человека. Такие взгляды и установки представляют собой одну из разновидностей весьма распространенного в зарубежной науке биосоциального дуализма. Подобного рода установки содержатся также в утверждениях представителей фрейдомарксизма Г. Маркузе, В. Райха о необходимости соединения биологизаторских идей психоанализа с учением К. Маркса о социальной детерминированности человека.

Марксистско-ленинская методология ориентирует исследователей на анализ конкретных способов и механизмов взаимодействия социального и биологического знания, а не просто их взаимодополнения или эклектического "синтеза". Сейчас перед человекознанием ставится сложнейшая задача — "раскрыть тот конкретный и всеобщий способ, или "механизм", взаимодействия биологического и социального, который обеспечивает: 1) специфичность, нетождественность и вместе с тем — 2) преемственность, взаимосвязь обеих этих сфер бытия в развитии и поведении человека" (4, с. 240). Такая задача может быть решена лишь при условии диалектически интегративного взаимопроникновения естественнонаучного и социогуманитарного знания, определения "пограничных", "стыковых" проблем, в которых перекрещиваются социальные и биологические методы исследования человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47.
3. Дубровский Д.И. Проблема "психика и мозг" в свете категорий социального и биологического. — Вопросы философии, 1983, № 5.

4. Федосеев П.Н. Философия и научное познание. М., 1983.
5. Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М., 1979.
6. Человек как комплексная проблема (Материалы Всесоюзной конференции). Вопросы философии, 1983, № 10.
7. Lumsden Ch.J., Wilson E.O. Promethean Fire. Reflections on the Origin of Mind. Cambridge, Massachusetts /London, 1983, p.118.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

С.Х. Каннике (Тарту)

1. Понятие революционного правосознания, обозначающее своеобразный практическо-регулятивный принцип и соответствующую теоретическую концепцию – продукт Октябрьской революции. Но о революционном правосознании как элементе общественного сознания революционного общества мы можем говорить во всех социальных революциях.

2. Поскольку "основой социальной детерминации познания является социальная детерминация сознания" /I, с. 228/, то в первую очередь необходимо установить факторы, обуславливающие формирование феномена революционного правосознания. Только после этого оказывается возможным заняться изучением проблем детерминации конкретных форм познавательной деятельности такого сознания. Это, однако, не означает существования двух независимых рядов социальных детерминант революционного правосознания. Мы имеем здесь дело с некоторыми основными социальными процессами, трактуемыми только на более или менее конкретизированном их проявлении.

3. Учитывая, что революционное правосознание выступает прежде всего как особое регулятивное сознание, установление социальных детерминант появления такого сознания означает выделение факторов, которые а) блокируют в революции функционирование общественного (классового) правосознания в "традиционных" его формах; б) обуславливают содержательную моди-

фикацию этого сознания, проявление самобытности его именно как революционного правосознания.

4. Можно утверждать, что непосредственной основой обоих вышеотмеченных процессов является значительное снижение репродуктивности как внутренне-императивного способа воспроизводства социальной субстанции (общественных отношений) в условиях революции. В связи с этим существенно видоизменяется вся система генезиса общественных отношений. Новый, нерепродуктивный характер этой системы уменьшает возможность идеального отражения социальных отношений в рамках известной меры как нормы и ведет тем самым к исчезновению объекта регуляции "нормального" правосознания.

5. Вышеописанный процесс, в свою очередь, является результатом изменения характера общественной практики. Суть последней определяется теперь революционно-преобразующей практикой прогрессивных классов. Но, как известно, революционная практика — явление неоднородное. В данном случае мы делаем акцент на различие ее разрушительной и созидательной, творческой стороны. Хотя обе эти стороны имеют самостоятельное детерминирующее значение в отношении революционного правосознания, механизмы и результаты их влияния имеют неодинаковый характер.

6. Революционная деятельность, направленная на уничтожение старой системы общественных отношений, отличается нерепродуктивным характером. Но её нерепродуктивность вызывается внешними причинами — остротой классовой борьбы и вытекающей отсюда известной неопределенностью и даже случайностью конкретных форм и способов этой борьбы. Поскольку такая деятельность парализует функционирование общественного правосознания в "классическом" (т.е. по сути своей буржуазном) смысле, она является предпосылкой возникновения революционного правосознания. Но, одновременно, такая практика несколько не способствует конституированию новых положительных регулятивных механизмов, заменяющих старое правосознание. Основываясь на разрушении, можно лишь усилить разрушение. Как показывает опыт Великой французской революции, та часть буржуазного правосознания, которая имела действительно революционное происхождение, сформировалась в процессе уничтожения

врагов революции и не имела шансов сохраниться.

7. Создавая основы нового социального строя, революционная практика может выполнять и творческие задачи. Тогда деятельность субъектов такой практики заряжена особой "праздничной энергией", которая выступает как "... творческая субстанция, объединяющая в себе чувственно-практическую и идеально-условную деятельность в революции" /2, с. 221/. Она не только отрицает репродуктивную сущность старой социальной субстанции, но и противопоставляет себя ей как деятельность продуктивную. В литературе уже указано на моделирующее значение продуктивного и репродуктивного вида социальной деятельности в отношении революционного сознания в целом /3, с. 232-233/.

Возникает вопрос - поскольку революционное творчество в силу своей уникальности принципиально не может стать объектом социальной регуляции в обычном смысле этого слова - отражается ли оно правосознанием вообще? Или оно детерминирует революционное правосознание лишь опосредованно - через революционное сознание?

При становлении революционного правосознания в социальных революциях наблюдаются, на наш взгляд, оба варианта указанного моделирующего влияния. Влияние революционного сознания выступает прежде всего как влияние революционной теории. Но непосредственная революционно-созидательная практика обуславливает процесс переосмысления таких важных понятий, как "революционный долг", "субъект", "ответственность" и т.д. даже в случае, когда они эксплицитно не отражаются еще в революционном сознании. Теперь их узко-юридическая интерпретация правосознанием оказывается уже невозможной. При регуляции стабильных (репродуктивных) областей общественных отношений "снаряженное" таким образом революционное правосознание может стать носителем творческого "заряда" в революционном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нанабашвили Т.Д. К вопросу о природе социальной детерминации познания. - Социальная детерминация познания. Тезисы докладов научной конференции. Тарту, 1982.

2. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.
3. Блом Р.Н. О некоторых проблемах социальной детерминации революционной мысли. (К постановке вопроса). - Социальная детерминация познания. Тезисы докладов научной конференции. Тарту, 1982.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Л.А. Калининков (Калининград)

Под "духовной культурой" мы понимаем систему норм или способов духовной деятельности общества. Структура духовной деятельности (как и деятельности вообще) представлена ее целями, способами и предметом, откуда следует, что духовная культура составляет лишь один из образующих духовную деятельность моментов. Помимо норм духовной деятельности (культуры), она содержит цели деятельности и предметы духовной деятельности. Например, древнеегипетскому жрецу надо осуществить один из актов духовной деятельности - произвести умножение 12 на 13. Ни искомое число (цель данного мыслительного акта), ни условия задачи (предмет, подлежащий преобразованию в акте деятельности, короче, предмет деятельности) не составляют культуры. Саму культуру составляют приемы удвоения и суммирования, применявшиеся для решения задачи. Аналогично этому, когда речь идет о таком виде духовной деятельности, как художественная деятельность, художественная культура в качестве составной части духовной культуры - это система методо-стилевых норм, с помощью которых идеал художника (цель деятельности) реализуется на отобранном жизненном материале (предмете художественной деятельности).

Таким образом, если в теоретических целях отвлечься от диалектики цели и средства, а также средства деятельности и предмета деятельности, культура заключается не в том, что производится, и не в том, из чего это нечто производится, а

в том, чем производится, каким способом, с помощью каких нормативных процедур; можно даже добавить, какими орудиями, поскольку орудие — это материализованный способ деятельности.

Детерминация духовной культуры нами понимается как детерминация ее инноваций, её развития,¹ тогда как вопрос можно ставить и в другой плоскости: как детерминируется культурная традиция, как и чем детерминируется поддержание её постоянного самовоспроизведения? С.А. Арутюнов² предлагает делить инновации на а) спонтанные, б) стимулированные и в) заимствования. Важнейший для культурологии вопрос — это вопрос о детерминации спонтанных инноваций, которым мы в данном случае в основном и ограничиваемся. К спонтанным относятся такие инновации, которые детерминированы жизнедеятельностью данного социального организма (этноса).

Детерминация развития духовной культуры двояка: 1) внешняя по отношению к духовной культуре — гетерогенная и 2) внутренняя самодетерминация духовной культуры — эндогенная.

Гетерогенная детерминация духовной культуры осуществляется материальной культурой. В общем плане уровень материальной культуры определяет состояние и уровень культуры духовной. Разумеется, между ними нет жесткой причинной связи. Интериоризованная человеком форма существования материальной культуры изменяется более или менее непрерывно, как и определенная, материализованная её форма. Однако это эволюционное движение материальной культуры не обнаруживает себя в проявлениях духовной культуры. На её состояние оказывают воздействие лишь качественные изменения материальной культуры, находящие завершенное выражение только в революциях производительных сил общества.

Своеобразную буферную роль во взаимодействии двух уровней культуры играет, по всей вероятности, система производственных отношений. Как связаны друг с другом культура и производственные отношения, до сих пор остается одной из дискуссионных проблем³, нуждающихся в теоретической разработке для решения многих вопросов культурологии. Бесспорно, что прогрессивные сдвиги формационного уровня в ходе разви-

тия культуры происходят под воздействием революционных изменений в системе производственных отношений.

Во всяком случае, инновации глобального размаха в области духовной культуры носят скачкообразно-революционный характер. Так, революции в науке, охватывающие все её области и сферы, объясняются инновационным изменением всей системы методологии (т.е. культуры познания), затрагивающим прежде всего философскую методологию и методологию лидирующих в данных условиях наук. Определяющая роль при этом принадлежит гетерогенной детерминации, что признается не только исследователями-марксистами, но и в среде западных теоретиков науки.⁴ Революционные изменения в области художественной культуры, выражающиеся в смене методо-стилевой системы норм, которые решительно перестраивают родо-видовые и жанро-морфологические нормы, осуществляются также скачкообразно. Д.С. Лихачев, называя методо-стилевую систему "первичным стилем", развивает идею об относительной простоте первичного стиля по отношению ко вторичному как производному и показывает, что "развитие стилей асимметрично". Эта асимметричность внешне выражается в том, что каждый стиль постепенно изменяется от простого к сложному, однако от сложного к простому (новому простому стилю — Л.К.) он возвращается только в результате некоторого скачка. Поэтому смены стилей происходят различно: медленно от простого стиля к сложному и резко — от сложного стиля к простому".⁵ Аналогичные результаты можно ожидать и для политико-правовой и нравственной культуры, поскольку её связь с базисной структурой общества еще теснее, чем у культуры научной или художественно-эстетической.

Эндогенная детерминация духовной культуры — это самодетерминация её инноваций. В этом плане необходимо выделение ядра духовной культуры и периферийных ее областей. Детерминация ядра периферией и периферии ядром и составляет сущность данного процесса. Исследуя общественное сознание, философы давно предпринимают попытки выделить в границах сознания той или иной эпохи ведущую форму общественного сознания, точно так же в области науки — лидирующую науку, в области искусства — лидирующий род или вид его. Возможно, очевидно, выделение и лидирующей системы регулятивных норм во

всей системе культурной социальной регуляции. Вся система ведущих форм и лидирующих областей и составляет ядро духовной культуры.

Инновации эндогенного плана можно охарактеризовать как экстенсивные, в отличие от интенсивных гетерогенных инноваций. Они выражаются не в создании принципиально новых норм и способов духовной деятельности, а в усложнении, усовершенствовании уже имеющихся, в распространении, экстраполяции и взаимном переносе норм из одной области духовной культуры в другую, в процессе чего они приспособляются, взаимоподготавливаются и видоизменяются. Таковы "нормальное" развитие научных парадигм (в характеристике Т. Куна), движение от "первичного" стиля ко "вторичному" (в концепции Д.С. Лихачева), такова все более детальная и систематическая кодификация регулятивно-правовых норм.

Данная попытка описать общие особенности детерминации духовной культуры нуждается, разумеется, в дальнейшей детализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобин Н.С. в ст. "Духовное производство и культура ("Вопросы философии", 1980, № 9) считает культурой только творческую инновационную деятельность.
2. Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса. - Советская этнография, 1982, № 1.
3. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
4. См.: Кедров Б.М. Ленин и революция в естествознании XX века. М., 1969; Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
5. Лихачев Д.С. Барокко и его русский вариант XVII века. - Русская литература, 1969, № 2, с. 18.

**АНТРОПОГЕННАЯ ФОРМА МАТЕРИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
ЕЕ АКТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В СОЦИУМЕ**

И.Б. Криштопайтис (Вильнюс)

1. Уровень развития технических средств труда и производства — результат опредмечивания естественнонаучного знания, а также показатель социально-экономической и культурной развитости общества. Совокупность технических средств (техника) способствует приобретению эмпирических сведений о природе и теоретическому их усвоению; сама же наука предоставляет в распоряжение техники то систематизированное знание, на основе которого разрабатываются новые идеи, технические замыслы; их содержание и форма обуславливаются социокультурным контекстом жизни и потребностям общества. Во всех названных проявлениях осуществляется единство теории и практики, идеальной и материальной его стороны; определяется объективная основа взаимосвязи науки и техники и их социальной обусловленности.

2. Вся совокупность технических средств, образующую особую (антропогенную) форму материальной действительности — "техносферу" глобального масштаба, можно в известном смысле интерпретировать как подсистему, увеличивающую возможности функционирования высокоразвитой системы (общества). Эта подсистема, являясь мощной средой, влияет как на движение самой системы, так и на окружающую природу (биосферу). Возникает жизненно важная проблема обеспечения системы устойчивостью в ситуациях интенсивного воздействия на биосферу. Встает вопрос: как установить стационарный режим в обменных процессах среды? В этой связи не всегда можно четко выделить грань между системой и подсистемой, между естественным и искусственным; обратим внимание: искусственное (техносфера) функционирует благодаря направленным потокам энергии и вещества (природных ресурсов), круговорот которых иногда достигает предела, дозволенного для равновесных природных процессов.

3. Техносфера, изменяя условия жизни, естественные связи

живого мира, активно действует на членов общества (элементы системы), на степень значимости индивидуального поведения каждого из них. Через техносферу (как результат человеческой деятельности) осуществляется детерминация новой ситуации в социально-природной окружающей среде.

Взглянем на социум через призму обобщенного опыта исследований сложных, развивающихся систем, несмотря на опасности, возникающие при сопоставлении явлений весьма далеких друг от друга сфер реальности. При этом привлечем такие понятия, как самосогласованность, корреляция, отклик (на действие), резонанс. Следует обратить внимание на то, что предпринимаемое сопоставление выражает лишь намерения выделить дополнительные признаки единства материального мира при всем многообразии его видов, проявлений и сторон, а также выявить сквозные, инвариантные особенности движения материальных систем и их отражение через определенные понятия.

Исследователи стрессовых состояний убедительно показали, что возбуждающие действия проникают во все уровни сложной системы: от клетки до уровня поведений сообщества индивидов (Г. Селье). Результаты исследований в этом направлении служат основанием говорить о некой закономерности, пронизывающей все уровни природы. Известно, что сложная система стремится к постоянству внутренней среды — гомеостазису, достигаемому путем самосогласованности всех элементов. Самосогласованность, корреляция есть адаптивная (защитная мера), ответная реакция, отклик на сильное внешнее действие.

4. В сложной структуре техносферы выделим средства информации как наиболее существенные для интеллектуальной деятельности и сильные при воздействии на психический уровень. Именно эти средства имеют первостепенное значение при немедленном осуществлении преднамеренного, направленного социального воздействия.

При определенной степени возбуждающего действия элементы системы охватываются общим ритмом внутренних движений. Наступает резонанс, способный в зависимости от обстоятельств превратиться в скоррелированное (когерентное) состояние, которое в локальных областях системы (социума) может реализоваться в виде неожиданного, стихийного явления: экстаз, са-

мопожертвование, психоз и т.п. Но при эмоциональном (психическом) воздействии техническими средствами информации могут возникнуть и преднамеренно организованные явления: военные операции, шествия, массовые зрелища и т.п. Всеохватывающая связь, осуществляемая на психическом уровне, образует самосогласованное состояние, оказывающее сильное стимулирующее действие, необходимое как для индивидуального творческого взлета на сцене, так и для проявления массового экстаза в зале.

5. Рассмотрим техносферу как особую форму материальной действительности, активно влияющую на движение социума. Техносфера, будучи рациональной, хорошо организованной глобальной системой, не является естественным компонентом природы. Элементы техносферы проявляют себя как инородные тела — инплантаты, направленные на овладение природными силами. Поэтому объем и эффективность техники не могут быть беспречно увеличены. В этой проблеме выделим лишь два момента.

Первый момент. Человек как часть живого мира должен (в силу биологической необходимости) проявлять физическую активность; отсутствие ее приводит к осложнениям всех функций организма. Второй момент. Усиливающее антропогенное воздействие на природу вызывает во многих точках планеты неравновесные и даже экстремальные ситуации; созревают лавинные процессы.

Таким образом, отсутствие необходимой нагрузки на человеческий организм и перенос этой нагрузки на окружающую природу кардинально меняет ситуацию в социально-природной среде, прогнозирование которой становится весьма сложной задачей.

6. Новая, глобально осознанная ситуация требует введения ограничивающих мер в техносферу. Возникает проблема разработки продуманной системы самоограничения и ее контроля. Такая ситуация в сущности — результат социальной детерминации.

Снижению вклада физического труда в деятельности членов общества за счет технизации сопутствует повышение "нагрузки" на их психическую область. Члены отдельных сообществ, благодаря увеличению интенсивности потока информации, становятся легко возбудимыми и уязвимыми; причем в исключительных слу-

чаях психотравмирующие переживания могут достичь высокого уровня. Именно это обстоятельство делает сеть массовой информации наиболее эффективным средством возбуждения неравнодушных, перерастающих в кооперативные (самосогласованные), явлений в обществе, т.е. средства информации предлагают человечеству весьма активные и сильные методы воздействия "самого на себя", метод социальной "самодетерминации".

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

О.А. Киселева, В.Г. Яценко (Киев)

I. Взятие в самом широком аспекте "социальное" и "культурное" обозначают одну и ту же область явлений. "Социальное" в широком плане представляет собой особую, человеком сформированную систему связей и отношений, отличную от природы. "Культура" — все искусственное, произведенное человеком, противопоставленное естественному, природному (культура и натура). В этом смысле "социальное" и "культурное" совпадают, т.к. эти понятия являются абстракциями с реальной практической жизнедеятельности людей, которая в действительности едина и не расчленяется на "общество", "культуру", "цивилизацию", "общественно-экономическую формацию" и т.п. Культура, конечно же, социальное явление, а социальность культурна, т.е. возникает не естественно-природным путем, а в процессе человеческой деятельности. Однако при более узком подходе использование понятий "культура", "социальность", "цивилизация" и т.д. вполне оправдано, ибо каждое из них (в узком смысле) имеет свою специфику.

Общество — это система исторически определенных форм общественных отношений, которая складывается в процессе деятельности людей по преобразованию природы и собственной жизни. Исторически и логически культура детерминирована социальностью. Она возникает как средство для выживания человека в борьбе с природой, как средство сохранения, функционирования и развития социального организма. "Культура обнимает со-

бой систему внебиологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность"¹.

2. Будучи детерминирована в своем появлении социально-стью, выполняя первоначально по отношению к социуму технологическую роль — средства его сохранения и функционирования, в процессе исторического развития культура превращается в цель. В меру созревания общественных условий все большую значимость приобретает неутилитарное смысло- и жизне-образующее содержание культуры. Последняя становится сферой самореализации, саморазвития, самоосознания человека. В узком значении культура является тем моментом человеческой деятельности, который направлен на развитие человеческого в человеке. Культура — это исторически выработанные и оправданные способы деятельности, а также продукты этой деятельности, ориентированные на прогрессивно-гуманистическое развитие общества. Превращаясь в цель, культура сама становится детерминантой развития природы, общества и личности."В марксистской литературе хорошо разработаны вопросы о первично-детерминирующей значимости природы с ее объективными законами, о детерминации всякой актуальной деятельности социально-экономическими факторами, в основе которых материальное производство и экономические отношения людей. Значительно менее интенсивно разрабатывались вопросы культуры как сферы человеческой деятельности, целеполагания и свободы, как специфически человеческих форм детерминации"².

Культура оказывает обратное воздействие на социальное, детерминирует его развитие. Культура — это не только то, что есть, но и то, что должно быть, она воплощает в себе ценности и идеалы, представления о смысле жизни и назначении человека. Представления о должном в свою очередь воздействуют на формирование и реализацию человеческих целей сегодня. Именно эти представления детерминируют выбор среди реальных возможностей общественного развития. Более того, общество развивается в прогрессивном направлении лишь в той мере, в какой оно сознательно ставит своей целью ориентацию на исторически выработанные гуманистические ценности и идеа-

лы. Поэтому с момента превращения культуры из средства в цель детерминация носит социо-культурный характер. Анализ только социальной детерминации, на наш взгляд, является односторонним.

Рассмотрим два аспекта социо-культурной детерминации: детерминацию развития природы и личности.

3. Источником и условием существования общества и культуры является природа. К. Маркс указывал, что природа имеет для человека двоякое значение: как "естественное богатство средствами жизни" (плодородие почв, обилие дичи в лесах) и как естественное богатство средствами труда (дерево, металл, уголь и т.д.). "На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях - второй род естественного богатства"³. Природа, следовательно, прежде всего выступает как естественный поставщик всех необходимых человеку "средств жизни", человек нуждается в природе не только как физическое, но и как деятельное существо. Культура и общество возникают на основе природы, уходят в нее корнями и живут путем постоянного преобразования последней. В свою очередь они детерминируют развитие абстрактных возможностей природы.

В силу своей универсальностей природа способна превращаться в человеческие формы бытия. Однако эта возможность превращения в "неорганическое тело" человека для самой природы выступает как абстрактная возможность, т.е. в самой природе без вмешательства в нее человека такое превращение никогда бы не произошло. Абстрактные возможности природы заложены в единстве человека с природой, они определены совокупностью ее свойств. Эти абстрактные возможности превращаются в реальные, а затем в действительность в меру культурных возможностей человека. "Человеческая значимость и человеческие возможности природы открываются в меру практического и теоретического овладения природой, которое и воплощается в культуре".⁴ В определенном смысле можно сказать, что социальные возможности природы не только открываются, но и творятся в сфере культуры (в науке, например). А общество превращает их в действительность при помощи имеющихся в наличии технических средств. В этом смысле можно говорить о

социо-культурной детерминации развития природы.

4. Наряду с этим процесс становления и развития личности также имеет социо-культурную детерминацию. Социализация индивида предполагает усвоение им нравственных, политических норм поведения, овладение им определенными исторически выработанными навыками трудовой деятельности. Иными словами, социализация индивида — это вхождение его в культуру.

Культура является хранилищем человеческих исторически выработанных смыслов. Создатель предмета культуры опредмечивает в нем свои способности и потребности, знания и навыки, цели и идеалы, которые, в свою очередь, определены обществом. Дейтельно овладевая предметами культуры, распредмечивая их человеческое содержание в адекватной их назначению деятельности, индивид формирует в себе соответствующие человеческие качества, превращается в личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры, стр. 43.
2. Шинкарук В.И., Яценко А.И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. Киев, 1984, стр. 181.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, стр. 521.
4. Диалектика деятельности и культуры. Киев, 1983, стр. 197.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ФИЛОСОФИИ КАК РЕГУЛЯТОРА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

И.Н. Лосева (Ростов-на-Дону)

1. Духовное производство как особый вид труда, необходимого для осуществления общественных связей, является специализированной деятельностью особых групп людей: вождей, аэдов, жрецов. Обособление функций, выполняемых в обществе этими людьми, — свидетельство образования социальных институтов.

2. Первоначально дифференцируясь в соответствии с этими функциями, духовное производства как всякое производство требует регуляции и организации, а это значит рефлексии над собой, обеспечения себя теоретическими средствами, которое может выступать лишь в форме специального знания, имеющего своим предметом не вещи, данные в практической деятельности, а саму мыслительную деятельность. Это специальное знание и есть философия.

3. Механизм возникновения такого знания в форме философии находит выражение в понятиях предпосылки, начала, становления.

Обращаясь прежде всего к предпосылкам, мы должны сказать, что, следуя методологии Гегеля, воспринятой Марксом, предпосылки находятся за пределами начала, не им установлены, не являются его продуктом и существуют до него и независимо от него. В данном случае предпосылками являются формы духовного производства: религия, мораль, искусство, политическое сознание. Будучи сами по себе активными деятельностными формами сознания и знания, они, став предпосылками для другого предмета, т.е. для рефлектирующего философского знания, "употребляются как материал для предмета и, следовательно, входят в "с о д е р ж а н и е" предмета"¹, но входят как пассивный объект для переработки. Предпосылки, по словам Гегеля, это "непосредственное наличное бытие", это "момент основания"².

4. Другим моментом основания является уже некая целостность, уже новообразование. Чтобы эти предпосылки воплотились в новообразование, его основание должно быть активно действующим началом. Само начало это "неразличенное единство" бытия и небытия, оно "просто форма, без всякого содержания", ведь "то, что начинается, уже е с т ь, но в такой же мере его еще н е т"³. В применении к началу рефлектирующего знания, т.е. к началу философии, этим неразличенным единством и является функция, или, как ее называет Гегель, "цель", подстегивающая к новообразованию⁴. Эта функция возникает в ответ на потребность в новом типе знания, в системе, способной регулировать духовное производство. Его еще нет, этого нового знания, но оно уже есть как ощущаемая потребность.

5. Его становление связано с преобразованием и перестройкой согласно своей функции мифологических, религиозных, политико-правовых представлений, которым эта потребность задает свои нормы, диктует метод, вырабатывает критическое отношение (естественно, исторически ограниченное) к "продукту" духовного производства. Именно оно становится тем всеобщим основанием, из которого это знание вытекает и в которое все его результаты оборачиваются. Можно сказать, что так развивающаяся система знания — это активность рефлексивного типа или движение, оборачивающееся на самое себя. Эта система функционирует по типу органических систем. Она сама воспроизводит свои предпосылки, и как бы на протяжении последующих веков не модифицировалось это знание как "целостность", её функция регулятора духовного производства оставалась неизменной вполне по формуле Гегеля: "Движение вперед есть возвращение назад в основание".

Итак, духовное производство, включающее в себя мифологические предпосылки, стало в свою очередь предпосылкой целостной системы теоретического знания в форме философии, его регулятора. Если в восточных, традиционных культурах функцию регуляции духовных образований взяла на себя религия (жречество), то в условиях античного полиса, где жречество не выделялось в самостоятельный институт, эту функцию выполняло философское знание, основным содержанием которого стало выяснение отношения мышления к бытию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, т. I. М., 1974, с. 326.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. т. II. М., 1971, с. 103.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики, т. I. М., 1970, с. 130—131.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — Соч., т. IV. М., 1959, с. II.

ПОНИМАНИЕ Э. ГУССЕРЛЯ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ В ИЗЛОЖЕНИИ УЧЕНИЯ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ СОЗЕРЦАНИИ

Ю. Матьюс (Тарту)

Существенное с точки зрения дальнейшего развития феноменологии в "фундаментальной онтологии" М. Хайдеггера понимание бытия Э. Гуссерль излагает уже в "Логических исследованиях" /см. 4, 128-203/. Проблема бытия рассматривается им мимоходом в качестве удачного примера и доказательного материала в ходе разработки учения о категориальном созерцании. Учение это нами характеризовалось /см. 6/. Здесь подчеркивается, что при его разработке Э. Гуссерль во многом опирался на бытийную проблематику.

При помощи примера — сейчас классического — с белой бумагой /см. 4, 128-132 и далее/ Э. Гуссерль изучает наполнение целых высказываний. Наряду с другими категориальными моментами наполняется и бытийный момент высказывания, формовое слово есть. Э. Гуссерль делает из этого лишь вывод, что в интенциональном переживании, видимо, существует соответствующий специальный слой, который он называет категориальным созерцанием. На основе трактовки им предмета этого слоя — категориального — возможны и некоторые выводы о том, как он понимает бытие "есть".

Прежде всего Э. Гуссерль показывает, что бытие не существует реально во внешнем мире: "Формообразующая флексия, бытие в атрибутивной или предикативной функции, мы бы сказали, в восприятии не наполняется. Здесь мы вспоминаем кантовский тезис: бытие не есть реальный предикат. (...) Цвет я могу видеть, но не цветным-бытие" /4, 137/. Бытия реально не найти ни в реальном предмете, ни при реальном предмете. Оно не предмет "внешнего восприятия".

Далее Э. Гуссерль утверждает, что понятия бытие, небытие и другие логические категории также никак не могут происходить из "внутреннего восприятия", т.е. из рефлексии психиче-

ских актов. Если изучаются психические акты, если предметом познания являются сами акты, то таким путем можно делать выводы о психических актах или их частях, но не о том, что в них отражается, осознается, познается. В то же время такое, в основе своей ошибочное, учение известно с времен Локка. Таким путем можно получить понятия восприятие, суждение и т.п., но не бытие или небытие. Сам тезис Э. Гуссерля звучит весьма материалистически, предметом познания являются ведь сами вещи, а не их образы в сознании. Э. Гуссерль утверждает то же самое, но сами вещи как предмет познания, им, разумеется, понимаются нематериалистически. Феноменологической основой тезиса Э. Гуссерля является относительное различие психического акта и его предмета в их абсолютном единстве /см. 7, 193/.

Следовательно, если бытие нереально и в психическом смысле, то оно не относится к предметам ни внешнего, ни внутреннего восприятия, которые, по Э. Гуссерлю, всегда реальные, временные. Бытие, таким образом, идеально, сверхвременно.

Нельзя забывать о том, что феноменологически "Логические исследования" — "... были для меня произведением прорыва и, таким образом, не концом, а началом" /3, VIII/. Отражается это "начало" в двух, связанных между собой, отношениях. 1) Э. Гуссерль в первом томе еще не распознал различия между двумя типами идеальности (идеального) — идеальностью как значением (смыслом) предмета и идеальностью как идеей предмета. 2) Идеальное, реальное и т.п. еще не устанавливаются "феноменологическим методом", беспредпосылочным просмотром являющихся в психических актах предметов. Другими словами, смешение двух типов идеального происходит потому, что Э. Гуссерль еще не придерживается принципа слежения способов явления, существенного момента феноменологического метода /см. 5, 120-141/. Под влиянием общей непсихологической установки утверждается одинаково идеальное бытие как значения, так и соответствующего ему идеального предмета. Так, в 1913 году Э. Гуссерль согласится, что в "Пролегоменах ..." он употреблял "слишком односторонне по *vérités du raison* сориентированное понятие "истины в себе" /3, XIII/. Но во втором томе

"Логических исследований" Э. Гуссерль убеждается в том, что в психических актах являются особые предметы, например, категории логики, существующие не только предметно, но в то же время и идеально. Идеальность эта отличается от идеальности значения (смысла). К таким предметам относится и бытие.

С точки зрения развития феноменологической философии Э. Гуссерль открывает путь к пониманию идеальности нового типа. Это идеальное является в психических актах в качестве отличного от них, "объективного" ("... является новый вид объективности...." /4, 162/), общего, сверхвременного. Оно всегда дается в качестве открываемого, находящегося впереди. Можно было бы сказать, что значение (смысл) бытия, т.е. бытийность в категориальном созерцании наполняется всегда. Бытие относится к одному из типов категориальных предметов, по Э. Гуссерлю - к типу общих предметов.

М. Хайдеггер утверждает, что Э. Гуссерль тем самым впервые удовлетворительно решил, хотя и предварительно, старый спор о существовании (бытии) общих понятий, универсалий /2, 98/. С точки зрения феноменологической философии, в особенности феноменологического метода, его решение действительно приемлемо. Для феноменолога оно вполне понятно, но не для марксиста.

Тем самым Э. Гуссерль вплотную подошел и к возможности понимания проблемы бытия так, как оно излагается в "фундаментальной онтологии" М. Хайдеггера. Но только подошел. "Чтобы вообще суметь разворачивать вопрос о смысле бытия, бытие должно было быть дано, чтобы спросить у него о его смысле. Достижение Гуссерля состояло именно в этом делании-присутствующим бытия, которое феноменально присутствует в категории. Через это достижение, - продолжает Хайдеггер, - я наконец имел почву: "бытие" не является голым понятием, не является чистой абстракцией, произведенной путем отвлечения. Однако эта точка, которую Гуссерль не одолеет, следующая: после того, когда он бытие получил как будто данное, далее он о нем все-таки не расспрашивает. Он не разворачивает вопроса "Что скажет бытие?". Для Гуссерля не существовало там тени возможного вопроса, так как для него само собой разумеется, что бытие означает предметное бытие" /1, 116/. Это все, что

Э. Гуссерль смог сделать в проблеме бытия. Интересуясь проблемой сознания, он так и не понял смысла онтологического различия между бытием и сущим, фундаментального для "фундаментальной онтологии" М. Хайдеггера. И едва ли, видимо, можно это идеально-предметное бытие Э. Гуссерля понять в качестве социально-детерминированного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heidegger, M. Vier Seminar. Le Thor 1966 1968 1969 Zähringen 1973. Frankfurt am Main, 1977.
2. Heidegger, M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main, 1979.
3. Husserl, E. Logische Untersuchungen. Bd.1. Zweite, umgearbeitete Auflage. Halle an der Saale, 1913.
4. Husserl, E. Logische Untersuchungen. Bd.2, T. 2. Zweite, teilweise umgearbeitete Auflage. Halle an der Saale, 1921.
5. Husserl, E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. B.1. Zweiter unveränderter Abdruck. Halle an der Saale, 1922.
6. Матьюс Ю. Э. Гуссерль о значении категориального созерцания в конституции познания. — Социальная детерминация познания. Тезисы докладов научной конференции. Тарту, 1982, с. 62-66.
7. Матьюс Ю. Учение Э. Гуссерля об интенциональности в свете понимания К. Марксом специфики сознания. — Марксизм, история философии, современность (Материалы симпозиума, посвященные философскому наследию К. Маркса). Клярику, 23-26 мая 1983 г. Тарту, 1985, с. 190-212.

ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ

Э.С. Маркарян (Ереван)

I. В науковедческих исследованиях, выявляющих социальные детерминанты научного развития все большее значение начинает приобретать поиск, нацеленный на характеристику данного раз-

вития как разновидности культурно-исторического процесса. Но существующая в науковедении специализации не дает возможности для рассмотрения данной проблемы в требуемой масштабности. Для этого требуются гораздо более широкие обобщения, осуществляемые в рамках особой области знания, призванной изучать науку как специфическое выражение общего класса культурных явлений, — культурологии науки /1, I4—I6; 2, I43/. Ее эвристические возможности обусловлены особыми интегративными потенциями культурологической теории, связанные со всепроникающим характером ее объекта.

2. Для их выявления рассмотрим проблему исторически целостных типов научного развития. Решение данной проблемы предполагает в первую очередь синтез трех обычно независимо изучаемых фундаментальных параметров науки, выражающих процессы институционального и когнитивного обеспечения производства научных знаний, а также их потребления. Подобный синтез становится возможным при подходе, интерпретирующем культуру как специфический способ человеческой деятельности, образуемый многообразной системой надбиологически выработанных средств ее осуществления. Синтез этот достигается именно в силу того, что явления, выражаемые отмеченными параметрами, можно выразить в виде комплексов средств деятельности. Несмотря на качественное различие средств, благодаря которым организуются научные сообщества, производятся и потребляются научные знания, они оказываются проявлениями общего однопорядкового класса явлений, что принципиально важно при выдвижении задачи теоретического синтеза. Более того, выступая в качестве структурно-функциональных звеньев единого механизма деятельности (культуры), эти виды средств образуют реальную систему, в рамках которой изменения в одних ее частях приводят к изменениям в других

3. В качестве базовой категории культурологического анализа науки следует принять понятия "научная культура". Оно призвано выразить исторически вырабатываемые системы средств осуществления научной деятельности и взаимодействия последней с иными сферами человеческой деятельности /сравни 3, I94/. Нами были выделены два исторически различных типа научных культур — "монодисциплинарный" и "междисциплинарный"

/I. 14-16/. В то время как первый возник в результате последствий промышленной революции, второй сопряжен с происходящими процессами НТР. Их формирование детерминировано качественными изменениями в характере потребления научных знаний, обеспечения ими социальной практики.

4. Для понимания природы монодисциплинарной научной культуры следует иметь в виду исторически первую основную функцию практически ориентированной науки современного типа. Она сводилась к обеспечению совершенствования тех сфер социальной практики, которые были непосредственно связаны с удовлетворением различных повседневных нужд индивидов и общества (в пище, жилищах, одежде, в системе коммуникаций, рекреации, здравоохранения, оборонных нужд и многих др.). Очень важной характерной особенностью научной культуры, которая сформировалась в результате этого типа потребления научных знаний, явилась ярко выраженная тенденция к институциональной и логико-методологической автономизации различных областей знания, их все большего дробления. Она была обусловлена прежде всего потребностями развивающейся машинной индустрии, порождавшей все большую специализацию человеческой деятельности и наук, призванных обеспечивать совершенствование ее выделяемых сфер. В результате наука в своих практических приложениях руководствовалась преимущественно автономными критериями тех сфер человеческой деятельности, оптимизацию которых она была призвана обеспечивать.

5. Помимо удовлетворения повседневных нужд, людям постоянно приходится решать и другую фундаментальную группу проблем, связанную с поддержанием самого общества в качестве целостного образования и приведением в соответствие различных сфер социальной практики и способов ее осуществления. Решение этой группы проблем вплоть до эпохи НТР не требовало столь же значительного научного обеспечения, сравнимого по своей масштабности, интенсивности и многоплановости с научным обеспечением деятельности, направленной на удовлетворение повседневных нужд общественной жизни людей. Качественно иная ситуация стала складываться в ходе НТР, приведшей к многократному усилению мощи человеческих воздействий на среду и к акселерации социокультурного развития. Возникшие в

результате этого негативные экологические эффекты, а также необходимость взятия под контроль мощных центробежных сил, порожденных союзом естествознания и техники, требуют сегодня принципиально новых типов научного обеспечения социальной практики. Этой потребностью и обусловлены начавшиеся процессы формирования междисциплинарной научной культуры, предполагающей интегративное взаимодействие общественных, естественных и технических наук. Наиболее характерной особенностью ее следует считать ориентацию на системную оптимизацию социальной практики, выражающей необходимость подчинения автономных критериев научного обеспечения практики критериям общесистемным.

6. Важно отметить, что научный прогресс, обуславливаемые им инновационные и оптимизационные процессы по сути дела пока на исследовались под углом зрения адаптивных ориентиров социокультурного развития. Между тем общество является разновидностью адаптивных систем. В соответствии же с принципами их исследования, адаптация и оптимизация — это органически сопряженные, взаимопредполагающие процессы, призванные обеспечить эффект системного самосохранения. В частности, конечная функция оптимизационных процессов состоит в совершенствовании способов приведения системы в соответствие с условиями среды, т.е. достижения адаптивного эффекта. Несмотря на это, в исследовании общественной жизни сложились традиции автономного рассмотрения оптимизационных процессов, безотносительно к базовым для них адаптивным процессам этой жизни. Преодоление этих традиций является сегодня очень важной задачей в силу необходимости подчинения генерируемых наукой инновационных и оптимизационных процессов общесистемным, в частности экологическим, адаптивным ориентирам развития общественной жизни — I, 10—16; 2, 142/. Думается, что культурологический анализ науки может стать важным исследовательским звеном, способствующим решению данной задачи. Это обусловлено тем, что культура в свете принципов самоорганизации предстает как универсальный адаптивный и оптимизационный механизм человеческой деятельности /I, 5/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурологические исследования в Армянской ССР. Культура и искусство в СССР. Серия: Общие проблемы культуры. Экспресс-информация, выпуск 5. М., 1984.
2. Маркарян Э.С. Наука в системе социальной самоорганизации. — Всесоюзная конференция: Теория, методология и практика системных исследований. Секция 2: Системные исследования и современное естествознание (тезисы докладов). М., 1984.
3. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.

СОЦИОЦЕНТРИСТСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Ю.К. Мельвиль (Москва)

Убеждение в автономии разума и научного знания, игравшее в ХУП–ХУШ веках огромную роль в борьбе идеологов буржуазии против феодально–религиозного мировоззрения, сохраняло свое значение до тех пор, пока феодальные порядки не были окончательно подорваны и не выявилось коренное классовое противоречие внутри буржуазного общества. Когда же этот конфликт был осознан, тогда в буржуазной философии идеал абсолютно незаинтересованного, чистого знания был признан иллюзорным.

Уже в начале XIX века Шопенгауэр писал, что познание не является самоцелью, но служит воле к жизни, а затем Ф. Ницше объявил, что познание есть орудие воли к власти, то есть, что знание по своему содержанию детерминировано не предметом познания, а человеческим интересом. Идея об инструментальной природе знания была подхвачена прагматистами и пересена ими в наш двадцатый век.

С его начала стали делаться попытки обосновать тезис о внегносеологической детерминации знания. Помимо возникшей в т.н. социологии познания общей постановки вопроса о влиянии

социальных институтов и социального устройства на типы мышления и его структуры, появились концепции, направленные на сведения научной объективности знания к его общественной значимости и приемлемости.

Еще в начале XVIII века в борьбе против материализма и атеизма Беркли выдвинул положение о коллективном согласии как критерии истинности чувственных восприятий. Эта идея возродилась в буржуазной философии XIX века как основной принцип социоцентристской концепции познания. Социальная детерминированность научного (как и всякого другого) знания стала пониматься в духе модных мотивов релятивизма, агностицизма и субъективного идеализма. Эта характерная черта буржуазной философии того периода проявилась прежде всего в трактовке основной гносеологической категории — истины. Еще основатель прагматизма Ч. Пирс определил истину как общее верование сообщества исследователей, к которому оно обязательно придет, если исследование будет продолжаться бесконечно долго.

В начале XX века русский махист А. Богданов попытался доказать тезис о том, что "истина есть идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта", что объективность физического мира есть его существование "для всех" и "устанавливается... на основе взаимной проверки и согласования высказываний различных людей"¹. Ленин подверг сокрушительной критике эти взгляды Богданова, показав их ошибочный идеалистический характер.

Но именно взгляд, близкий к богдановскому, стал получать признание в буржуазной философии XIX века. Его легко можно обнаружить в конвенционализме логических позитивистов и у Гуссерля в понятии "жизненного мира" как мира первоначальным дорефлексивных очевидностей, складывающихся в процессе повседневного человеческого общения. Но в качестве законченной философской концепции он выступил у Л. Витгенштейна, который перенес решение всех познавательных проблем в сферу "лингвистических игр", понимаемых как формы жизни людей, образовавшихся в ходе их языкового общения.

Рассматривая вопрос о достоверности высказываний в математике и логике, Витгенштейн возражает против любых попыток

их теоретического обоснования и оправдания. По его мнению, мы совершаем в математике некоторые действия не потому, что для этого имеются какие-то "гносеологические" основания, а просто потому, что всех нас с детства приучили поступать именно так, и потому, что результат соответствующих действий ни у кого не вызывает возражений.

Неизбежный релятивизм, вытекающий из его позиции, Витгенштейн пытался преодолеть ссылкой на практику языка, на то, что "так говорят" люди, что таковы принятые ими "языковые игры".

Убеждение в решающем значении и определяющей роли социума по отношению ко всем формам достоверности в буржуазной философии было связано с идеей о том, что все виды и продукты духовной деятельности, каковы бы они ни были, в равной мере являются человеческими созданиями, некоторыми фактами культуры и должны рассматриваться в качестве таковых. Абсолютизация этого тезиса привела к отрицанию существенной разницы между такими противоположными формами сознания, как наука и мифология.

Так гарвардский логик У. Куайн додумался приравнять в гносеологическом отношении физические объекты к... богам Гомера. Он писал, что по своему эпистемологическому основанию физические объекты и боги различаются только по степени, а не по виду. Оба типа сущностей входят в наше понимание лишь как культурные полагания.

К этому же типу мышления относится и понимание современным американским философом науки П. Фейерабендом рациональности как целиком зависящей от определенной культурной, то есть социальной традиции. В том же русле развивается и мышление создателя современной герменевтической философии Г.Г. Гадамера. Для него традиция (историческая, культурная, социальная) играет решающую роль в истолковании любого элемента действительности, понимаемой как своего рода текст, требующий интерпретации.

Свое наиболее полное и сознательное завершение социоцентристская тенденция (концепция) получила в последних работах американского философа Р. Рорти. Он призывает "прекращать"

тить вопросы и способах отделения науки от не-науки"². Попытка представить познание как отражение или репрезентацию объективного мира объявляется им бессмысленной. Эпистемология признается ненужной и заслуживающей элиминации, ибо "мы понимаем познание, когда мы понимаем социальное обоснование верования, и, таким образом, у нас нет нужды рассматривать его как точное репрезентирование"³.

Что касается истины, то, согласно Рорти, мы говорим о теории, что она истинна, в тех случаях, когда прекращаются возражения против данной теории и она принимается нашими современниками. Точно также наше единственное применимое понятие "объективности" есть скорее "согласие", чем "отражение".

Не подлежит сомнению то, что социум оказывает детерминирующее влияние на процесс познания и складывание тех или иных научных парадигм, убеждений и взглядов. Он определяет ту духовную и культурную атмосферу, в которой работает исследователь и которая накладывает отпечаток на все его мышление.

Очевидно также, что резкое противопоставление философии науке, гуманитарных наук естественным, научного рационального освоения мира его художественному освоению, т.е. все подобного рода дуализмы, несостоятельны. Однако их преодоление возможно, во-первых, путем тщательных конкретных исследований, а не произвольных спекуляций, и, во-вторых, лишь на основе марксистско-ленинской методологии, исходящей из незыблемости диалектико-материалистического понимания всякого познания как основного, творческого процесса отражения объективного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 124-125.
2. R.Rorty. Comments on Sleeper and Edel. Transactions of the Ch.S.Peirce Society. Winter 1985, vol.XXI, No 1. pp. 41-42.
3. R.Rorty. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1980, p.170.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

Т.В. Мишаткина

В условиях современной НТР творческая деятельность специалиста в сфере науки и техники выступает непосредственной предметной реализацией одной из существенных сторон познания — его активного характера, проявляющегося, прежде всего, в деятельности, направленной на преобразование и качественное совершенствование существующего мира. Поэтому творчество, являясь особым видом активной познавательной деятельности общественного субъекта, так же социально детерминировано, как и познание в целом.

В соответствии с материалистическим пониманием истории к самым общим социально-экономическим детерминантам творчества относятся следующие: уровень и характер развития производительных сил общества; экономический базис общества и действующие в нем экономические законы; система социально-классовых отношений; надстроечные явления: степень демократизации общественных отношений, политика государства, уровень развития науки, философии, культуры и т.д.

Данные факторы определяют как уровень потребности общества в различных видах творчества, как и его содержание, конкретную общественную форму, а также направленность и подчиненность определенным социальным целям и задачам.

Социалистическая система общественных отношений детерминирует творческий характер труда работника, создавая для него, прежде всего, необходимые предпосылки. С другой стороны, социально-экономическая детерминация творчества в условиях совершенствования развитого социализма и НТР проявляется в потребности общества в творческой личности, ибо "для осуществления намеченных партией исторических преобразований надо привести в движение все творческие силы, которые заключены в трудовой и общественной активности масс"¹.

Необходимость творческого подхода к решению стоящих пе-

ред обществом задач детерминирована также и глубокими качественными изменениями в процессе производства, вызванными современной НТР: происходит развитие и перевооружение всех отраслей общественного производства, совершенствуются средства труда и расширяется предмет труда; возникают более совершенные технологические процессы и целые отрасли производства; резко сокращаются сроки внедрения научных открытий в производство; научная деятельность все более переносится в сферу материального производства и ставится на производственную основу, а производство все более "онаучивается"; усиливается взаимопроникновение общественных, естественных и технических наук; наука все более проникает в сферы государственного управления и социальные процессы.

Эти объективные изменения выступают социальными детерминантами, определяющими — непосредственно или опосредованно — необходимость не только творческой, но и познавательной активности специалиста в условиях современного производства и предъявляющими определенные требования к личности специалиста.

Во-первых, оперирование все более совершенными орудиями труда и новыми технологиями требует от современного работника более глубоких профессиональных знаний и умения их творческого применения.

Во-вторых, бурный рост научно-технической информации, интеграция науки и производства изменяют само содержание труда, повышают его культуру и эффективность и требуют не узкопрофильной специализации работника, а разносторонней и фундаментальной подготовки.

В-третьих, усложнение производственных процессов изменяет место человека в системе производства, сокращает сферу его непосредственного участия в процессе труда, одновременно увеличивая меру его творческой и познавательной активности.

В-четвертых, возрастающая роль науки и техники на фоне сохраняющейся противоречивости общественного прогресса порождает новые мировоззренческие проблемы, имеющие жизненно важное для человечества значение и потому требующие их активного и незамедлительного решения. К их числу относятся, например, проблемы войны и мира, экологические и демографи-

ческие проблемы, проблемы гуманизма и будущего человечества и др., которые не могут не определять стиль мышления современного специалиста, органически вплетаясь в его познавательную деятельность и творчество.

В-пятых, возникают новые проблемы во взаимоотношениях и взаимодействии работников на разных уровнях их производственных коллективов: от отношений подчинения к творческому сотрудничеству и активному участию нижестоящих подразделений в решениях вышестоящих. Реализация этих отношений требует повышения нравственной культуры и знаний, совершенствования морально-психологических черт личности, ее творческой мобилизационной готовности.

Таким образом, объективные факторы, детерминирующие творческий характер труда в условиях развитого социализма, с неизбежностью определяют и субъективные стороны деятельности специалиста, его творческую и познавательную активность. Как отмечал К. Маркс, "в самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия..., но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности..."².

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., Политиздат, 1984, с. 8.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 483-484.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ МАРКСИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Ю.В. Мурейка (Вильнюс)

Закономерный характер возникновения и развития марксистской эстетики обуславливается совокупным влиянием системы детерминант этого процесса. Можно выделить пять групп детерминант.

1. Социально-экономические, которые определяют и отражают социально-экономическую структуру, общие и специфические особенности развития общества в конкретно-исторический период его развития и выступают, в конечном счете, как определяющие детерминанты, на которых основывается вся система социального детерминизма, предполагающая относительную самостоятельность отдельных детерминант или их групп.

2. Идеологические, которые охватывают совокупность реальных идеологических отношений, институций и ценностных ориентаций, а также конкретно-историческое соотношение общественно-политических сил и классовых противоречий в стране. Среди этих детерминант важное значение имеет наличие коммунистической партии и ее положение в структуре политической организации общества, наличие жесткой буржуазной цензуры и т.д.

3. Культурные, в содержание которых входит развернутая система видов практической эстетической деятельности и художественной культуры, а также соответствующих учреждений вместе со всей системой просвещения и образования.

4. Теоретические, выступающие в двух видах:

а) к теоретическим источникам — предпосылкам становления и развития научной эстетики можно отнести отдельные теоретические положения, идеи, понятия, частнотеоретические заключения домарксовской и современной немарксистской эстетики, составляющие внутренние стимулы ее движения и реализующие преемственную связь идей, которые в концептуальных системах марксистской методологии и эстетики приобретают новую интерпретацию, и качественно иное содержание. Поэтому никогда нельзя отвергать даже современную немарксистскую эстетику, не отделив теоретически важных результатов в ней от методологически несостоятельных интерпретаций и выводов;

б) в качестве другого типа теоретических детерминант — источников развития марксистской эстетики выступают научные обобщения, достигнутые в художественной критике, теории и практике дизайна, семиотике и психологии, литературоведении и искусствознании, социологии искусства, психологии художественного творчества и других науках, которые изучают какой-либо вид эстетической деятельности или аспект эстетиче-

ского сознания. Эти науки представляют своеобразный "эмпирический" материал для обобщений и во многом определяют развитие содержания эстетической теории, помогают более глубоко и адекватно отражать в логически конкретной форме эстетическую действительность. Эту синтезирующую тенденцию, категориальный синтез эстетика осуществляет на основе философской методологии и собственной теоретической системы, которой обладает в данный исторический момент развития.

5. Методологические, среди которых можно выделить две группы детерминант:

а) философские (общеметодологические), основывающиеся на диалектическом и историческом материализме и действующие как принципы и ценности, как правила и регулятивы познавательной и ценностно-ориентационной деятельности ученых. Специфика философских детерминант научной эстетики состоит в том, что они, находясь в постоянной конфронтации с идеализмом и метафизикой, в теоретической деятельности субъекта опосредуют социально-экономические и практически-идеологические, а также культурные и теоретические детерминанты становления и развития марксистской эстетики. Кроме того, марксистская философия посредством методологической функции выполняет мировоззренческую, аксиологическую и интерпретаторскую функции. Эти функции в качестве детерминирующей связи представляют собой содержательную теоретическую систему, в которой интерпретируются и получают смысл основополагающие теоретические положения эстетической науки;

б) марксистская общая методология является необходимой, но недостаточной детерминантой формирования научной эстетики. Поэтому ее успешное развитие предполагает и вторую группу методологических предпосылок, представляющих совокупность немировоззренческих и частнонаучных методов, подходов, способов и методик, которые, порой лишь в определенных границах, но могут быть использованы и используются в исследованиях различных сторон эстетических явлений и тем самым в какой-то мере детерминируют развитие эстетической науки. Эта группа методологических детерминант, способствуя научному развитию эстетики, может вовсе не означать марксистской направленности процесса развития науки.

Однако вопрос о том, как вышеуказанные предпосылки — детерминанты проявляются в развитии эстетической науки, — чрезвычайно сложная и малоисследованная проблема. Не вызывает возражений в этой проблеме лишь то, что их связь с процессом развития науки является необходимой и объективной, т.е. имеет закономерный характер, однако эту связь реализует совокупный субъект научного творчества посредством индивидов.

Не отрицая правомерности социально-психологического или формально-логического подхода к этой проблеме и не отходя от уровня философского анализа, следует подчеркнуть, что общеметодологический детерминизм фиксирует специфику взаимодействия объективного и субъективного в системе социального детерминизма, где главным условием реализации объективных предпосылок развития марксистской эстетики выступает индивидуальная освоенность марксистской методологии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Л.Ю. Пеэп (Тарту)

В настоящее время наука претерпевает кардинальные внутренние изменения. Выделение научно-информационной деятельности в самостоятельную часть научного процесса означает, что работа ученого переключается с когнитивной области науки на продуктивную творческую деятельность в эвристической области.

В самом характере общественных наук и образующих их категорий и понятий есть особые черты, предъявляющие специфические требования к их информационному обслуживанию.

В результате т.н. информационного взрыва появилась гипотеза, по которой выход из кризисного положения заключается в избавлении потребителя информации от необходимости обращения к первичным источникам. Считается более рациональным предоставить их использование документалистам, чтобы они преобра-

зовывали первичные публикации во вторичные документы: тематические фактографические обзоры, рефераты и т.п. квинтэссенции оригиналов. Специалисты-гуманитарии определенно заявляют о своем стремлении использовать непосредственно информацию того, кто является наиболее осведомленным в данном узком вопросе, т.е. самого автора научной публикации. Они подходят к реферативным изданиям, как к источникам информации, призванным максимально облегчить ориентировку в научных публикациях. Известно, что любые виды свертывания информации неминуемо влекут за собой увеличение информационного шума. Поэтому важно при совершенствовании вторичных документов стремиться не к тому, чтобы они заменили оригинал, а к тому, чтобы они явились оптимальным средством текущего и ретроспективного поиска первичных документов.

Информационно-поисковые системы в области различных точных и технических дисциплин строятся на базе более или менее формализованных языков, используемых в этих областях знания. Язык, применяемый в гуманитарных науках, пока далек от формализации.

Создание дескрипторных словарей по общественным наукам наталкивается на целый ряд специфических трудностей, они не могут базироваться на ключевых словах, взятых из текста, так как смысловое содержание большинства терминов меняется в зависимости от того, в каких социальных, экономических, исторических условиях действует выражаемый этим термином объект. Неупорядоченность терминологии, тенденция к интеграции наук, возможности вариантных формулировок одной и той же мысли не позволяют даже приблизительно охарактеризовать элементы содержания документов терминами, механически извлеченными из контекста.

Говоря о возможности формализации потоков информации в области общественных наук, нельзя не учитывать при этом роли художественных образов и эмоциональных моментов в отображении социальных явлений. В процессе образования социальных понятий редко применяется метод квантификации, т.е. метод численного их выражения.

Научные работы в области общественных наук, как бы академичны они ни были, неизбежно несут на себе отпечаток идео-

логии и классовых позиций авторов. События, понятия, проблемы не могут быть выражены одним-двумя словами, так как при этом теряется их основной социальный, классовый смысл. Указанные специфические отличия общественно-научной информации делает необходимым проведение более тщательного терминологического и концепционного анализа документальных источников в общественных науках. Информационно-поисковая система для таких наук должна базироваться на иной основе, чем системы, применяемые в точных и технических дисциплинах. Проблема создания информационных языков представляется одной из наиболее трудных и наименее разработанных в области переработки документальных источников общественно-научной информации.

Машинный поиск информации, особенно для гуманитарных наук, обладает рядом существенных недостатков. К машинам предъявляют слишком большие или слишком "человеческие" требования без учета их возможностей и ограничений. Сложность задач механизации и автоматизации информационных работ в гуманитарных науках обуславливает необходимость специализированных методов в разработке алгоритмов и математического описания некоторых сторон умственной деятельности и их воспроизведения с помощью машины.

Хотя математическая теория информации не рассматривает такого свойства информации, как ценность — в информационной работе необходимо исходить из позиции потребителей информации — насколько ценна информация для конкретного потребителя на данном этапе решения научных проблем. Важность информации связывается и объясняется еще "побудительной" способностью информации на новые идеи, которые могут возникнуть на основании полученных данных.

Первый опыт создания словарей и систем машин для автоматизированного поиска информации показывает, что сильный информационный шум возникает при поиске материала по дескрипторам и их символам и вызывается тем фактом, что каждый документ содержит и другие аспекты, другие предметы, кроме тех, которые указаны в запросе и которые соответствуют дескрипторам запроса. Невозможно создать полноценные тезаурусы, для этого словарный язык недостаточно глубок, так как все

время возникают новые понятия или ассоциации понятий; невозможно заранее знать и уловить все аспекты содержания документа, по которым ученый будет искать информацию.

В общественных науках документ — основной или единственный источник познания, библиотека или архив часто остаются единственной лабораторией ученого. Общественные науки испытывают постоянную потребность в максимальной мобилизации всего накопленного человечеством письменно выраженного материала. Познание устаревает, источник познания сохраняет свое значение.

Ученые-гуманитарии считают чтение одним из основных стилей научного творчества, оно всегда было и остается одной из важнейших потребностей научного работника и специалиста.

Не существует абстрактной и идеальной информационной системы, подходящей для всех наук. Всякую систему информационного обслуживания нужно разрабатывать с учетом методологических требований науки, реально существующих возможностей.

Ученые должны рассматриваться как активный элемент информационной ситуации в науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианов Г.В. Методологические проблемы организации информации в области общественных наук. М., 1980.
2. Брушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961.
3. Майданов А.С. Процесс научного творчества. М., 1983.
4. Методологические проблемы научного исследования. Новосибирск, 1984.
5. Пармон Э.А. Роль фантазии в научном познании. Минск, 1984.
6. Ризов Л.Я. Научная информация и общественные науки. Минск. 1976.

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ

И.М. Попова, Л.Н. Курчиков (Одесса)

Существенной чертой современной методологии научного познания является использование различных подходов для изучения сложного процесса познания и, в частности, гносеологического и социологического способов анализа. Тот и другой подход необходим не только для анализа процесса познания общественных явлений, но и для более глубокой характеристики естественнонаучного познания. Попробуем показать это на примере анализа проблемы понимания. Данная проблема разрабатывалась преимущественно в методологии гуманитарного знания в рамках герменевтики. Но проблема эта всегда существовала и как общефилософская.

Проблема понимания всегда в явном или неявном виде сопровождала познавательную деятельность естествоиспытателей, о чем наиболее убедительно свидетельствует история возникновения и развития квантовой механики и особенно известная длительная дискуссия Эйнштейна и Бора вокруг интерпретации ее первых результатов. Именно практика естественнонаучного познания определила быстро растущий интерес к проблеме понимания в общеметодологическом плане.

Критический анализ изучения понимания в рамках герменевтики позволяет выделить рациональные результаты, которые могут быть использованы для разработки диалектико-материалистической концепции понимания, совмещения гносеологического и социологического подходов при исследовании последнего. Главный результат — ставшее традиционным и не вызывающее принципиальных возражений в рамках познания общественных явлений определение понимания с помощью понятия "осмысление": понять что-либо означает усвоить заключенный в этом "что-либо" смысл. Никаких особых трудностей при таком подходе не возникало, пока исследователи ограничивались одним вопросом — какие вещи (явления, предметы) обладают смыслом. К таким

вещам относились все результаты человеческой деятельности: все предметы материальной и духовной культуры общества (произведения искусства и орудия труда, поступки людей, тексты и т.п.). Явное определение понятия "смысл" при этом не дается, а приводятся различные примеры, поясняющие данное понятие. Пояснением является и попытка раскрыть объем данного понятия, в который входят мысли, чувства, цели человека. При таком, хотя и неявном (нестрогом) определении того, что такое смысл, ясно, что явления природы не обладают смыслом и поэтому их нельзя понять. Таким образом возникла проблема: можно ли говорить о понимании применительно к естественно-научному познанию, объектами которого выступают явления природы?

Одной из таких возможностей, наиболее соответствующей любой познавательной деятельности, с нашей точки зрения, является семиотический подход и прежде всего — его семантический аспект. Основной категорией данного аспекта является категория знака, которая определяется как предмет, обладающий значением и смыслом. В отличие от общепринятого, идущего от Фреге понимания значения как чувственно воспринимаемого предмета, обозначаемого знаком, мы будем понимать под значением свойство знака обозначать (представлять) какой-либо другой предмет. Смысл знака — это свойство представлять определенные стороны, характеристики обозначаемого предмета. С точки зрения гносеологической знак выступает как познавательное средство, возникшее на условно-рефлекторном уровне отражения действительности.

Таким образом, объектом понимания выступают не сами материальные предметы, а их чувственные образы, выступающие как содержание ощущений и восприятий. Иллюзия понимания (осмысления) вещей возникает в результате того, что люди не осознают того факта, что окружающий их мир дан им в ощущениях и восприятиях.

Мышление, имея дело с результатами чувственного познания ("предметными изображениями") может быть представлено также как декодирование данных результатов. Чувственные образы превращаются в понятия-смыслы. Это и есть осмысление и понимание, характерные для человеческого познания.

Семантическая природа понимания применительно к человеческому познанию означает опосредованность любого познавательного акта системой социальных значений и символов. Как пишет советский психолог А.Н. Леонтьев "в отличие от бытия общества, бытие индивида не является "самоговорящим", т.е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений: осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне "готовых" значений-знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации /1, 154/. Природа значений, которые "усваивает индивид в общении" — носит конкретно-исторический характер и является предметом социологического анализа. Этим и определяется целесообразность использования социологического подхода к проблеме понимания.

В последнее время в литературе, посвященной анализу проблемы понимания, обращается внимание на то, что категория понимания имеет "общекультурное значение" и используется и на уровне обиходного языка, и на уровне метаязыков социально-гуманитарных дисциплин и естественных наук. При этом раскрывается данное положение как констатация того факта, что понимание — "и н д и в и д у а л ь н ы й, л и ч н о с т ь ю окрашенный процесс постижения сущности некоторого явления или же результат такого процесса" /2, 75/.

Использование для анализа понимания личностной концепции значения ("личностного означивания", если пользоваться термином М. Полани /3, 256/) недостаточно. Либо следует постоянно иметь в виду (и реализовать эту информацию при трактовке понимания), что личность — субъект общественных отношений. Тем более недостаточным является указание на то, что основу понимания образует "мир индивидуального сознания" /4, 53/.

Трудно согласиться также и с некоторым противопоставлением субъективного аспекта феномена понимания и его "общезначимой, интерсубъективной основы". Данное противопоставление выражается в том, что субъективные аспекты понимания закрепляются за "социальногуманитарной областью" познания, а "общезначимая, интерсубъективная основа" его соотносится с

"точными областями естествознания" /2, 75/. На самом деле выяснение общезначимой, intersубъективной основы понимания является своеобразной интерпретацией личностного характера последнего, выявлением социально-значимого в индивидуальном. И в данном случае несомненна полезность и преимущество именно социологического подхода к пониманию, имеющего общеметодологическое (относящееся и к естественным и общественным явлениям) значение. Задача марксистов состоит в том, чтобы избежать при этом вульгаризации, которая имела место в буржуазной социологии познания (в частности у Э. Дюркгейма).

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
2. Панченко А.Н. О понимании квантовых явлений. - Философские науки, 1982, № I.
3. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
4. Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983.

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

Е.Н. Причепий (Киев)

Социология знания возникает на стыке философии и социологии. Она исследует категории, ценности, мировоззрения, научное знание, что роднит ее с философией. Но она исследует зависимость указанных феноменов от общества, социальных носителей, что сближает ее с социологией.

Возникновение этой дисциплины обусловлено следующими факторами: 1) кризисом традиционного гносеологического подхода к знанию, в котором субъектом познания принимался отдельный индивид; 2) экспансивностью формирующейся социологии, которая стремилась стать наукой о всех социальных явлениях (в том числе и о знании); 3) попыткой буржуазных философов дать "положительное преодоление исторического материа-

лизма", т.е. заимствовать некоторые положения марксизма, отбросив его революционную сущность.

Предметом изучения социологии знания, по мнению большинства ее представителей, является соотношение общества и знания. Из различных интерпретаций "знания", "общества" и "отношения" проистекает многообразие вариантов и оттенков буржуазной социологии знания. Так, общество можно толковать как социальные факторы, исторические эпохи, классы, социальные группы и т.п., знание — как знание вообще, научное знание, идеологию, категории, мировоззрения и т.п. И отношение их понимается как жесткая детерминация, функциональная связь, стилевая гармония, связь по типу части и целого и т.д.

Поскольку социология знания соотносит знание и общество, а сама она не является наукой о знании и об обществе, то соответствующее понимание их она заимствует у философии. Поэтому в любом варианте социологии знания прослеживаются принципы какого-либо исходного философского течения. Эта зависимость социологии знания от исходных философских посылок может служить основой для выделения основных вариантов этого течения. Нам представляется правомерным вычленить следующие варианты: неокантианский, неогегельянский, феноменологический и позитивистский.

Неокантианский вариант (М. Вебер, А. Шелтинг, В. Штарк, отчасти М. Шелер) рассматривает влияние ценностей на познание. При этом социологические факторы отождествляются с аксиологическими. Вскрывая некоторые аспекты социальной обусловленности знания, неокантианцы остались верны идеалистической традиции: содержание знания, по их мнению, независимо от общества, последнее определяет только выбор предмета исследования. Шелер в отличие от неокантианцев признает социальную обусловленность идей мировоззрения и категорий, но интерпретирует ее вульгарно-социологически: социальные структуры переносятся на духовные.

В неогегельянском варианте, который вобрал в себя ряд идей "философии жизни", существует два направления: Маннгейм и Франкфуртская школа. Оба восходят к идеям Д. Лукача, высказанных в "Истории и классовом сознании". Метод Маннгейма заключается в "сведении" духовных образований к земным осно-

вам (например, идеологии к классам), при этом философ приходит к перспективизму (разные классы видят мир по-разному) и к релятивизму (признает "частичную" истинность воззрений любых классов, отрицает объективную истину). Концепция Маннгейма – вульгарный социологизм, который жестко связывает знание с его социальным носителем.

Франкфуртцы (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе) в качестве исходной модели соотношения знания и общества предлагают "тотальность", "практику", прообразом которой является гегелевский дух. Теория рассматривается включенной в социальную тотальность как ее часть. Она выступает как превращенное воспроизводство социальных отношений. Диалектика интерпретируется как воспроизводство противоречивых отношений классового общества. Франкфуртцы абсолютизируют момент "вылетенности" теории в практику (последняя сводится к социальным отношениям) и игнорируют отражение, гносеологическую зависимость социальной теории от действительности. Отсюда вульгарный социологизм в понимании категорий, философии и теории вообще.

Феноменологический вариант восходит к концепции "жизненного мира" Э. Гуссерля и феноменологической социологии А. Шюца. Представители П. Бергер, Т. Лакмен, Б. Гольцнер. Феноменологическая социология знания исследует корреляцию обыденного сознания и конституируемой им социальной реальности. Отождествив знание и социальную реальность, феноменологи пришли к плюрализму истин (каждое общество, социальная группа конституирует свою социальную реальность, т.е. свою истину), что вполне закономерно, поскольку субъективизация социальной реальности снимает проблему объективности истины.

К социологии знания близко примыкает и т.н. постпозитивизм (историческая школа в философии науки – Т. Кун, П.К. Фейерабенд, Лакатос, Малкей и др.), который в известной степени можно рассматривать в качестве позитивистского варианта социологии знания. Предметом исследования этого варианта является история науки. Особое внимание уделяется ситуациям смены научных концепций, конкуренции научных идей, гипотез, в которых проявляется их относительная независимость от фактов (объекта) и проявляется элемент зависимости от сообществ ученых, школ и т.п. (субъекта). Это направление осуществляет

своего рода социологический анализ истории науки. Но, абсолютизируя социологические моменты в научном знании, представители этого направления релятивизируют научные истины, отрицают принципиальное различие между наукой, мифологией и идеологией.

Буржуазная социология знания подняла ряд важных проблем. Но узость категориального аппарата, выработанного в рамках соответствующего философского течения, приводит к тому, что она то впадает в вульгарный социологизм, то отрицает содержательное воздействие социальных факторов на знание. В отличие от нее исторический материализм имеет разные категориальные структуры для характеристики разных типов социальной обусловленности знания. Этой цели служат такие категории, как общественное бытие и общественное сознание, базис и надстройка, теория и практика, превращенные формы сознания и другие.

Важнейшей задачей критики буржуазной социологии знания является раскрытие ее антимарксистской направленности и положительное решения проблем, которые подняло указанное течение.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ЗНАНИЯ КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Н.М. Смирнова (Москва)

Исследования социальных детерминант познавательной деятельности, "социологизация" гносеологии стала характерной чертой работ по теории познания. Вопрос о содержании личностного знания, формах его генезиса и способов трансляции является конкретизацией известного положения К. Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений применительно к теории познания.

Вопрос о том, что представляет собой знание отдельной личности и каково его отношение к знанию других людей, вос-

ходит к античной философии. Досократики считают знание личностным по своему происхождению ч сути, результатом мыслительной деятельности философствующего индивида, противопоставляя его мнению непосвященных. Сократ солидарен с софистами в том, что ощущения отдельного человека носят индивидуальный характер, но выступает против релятивизации истины как непосредственно данного в ощущениях.¹ В отличие от Сократа, Платон ищет общезначимые критерии истины не в структурном расчленении сознания человека на индивидуальный и надиндивидуальный слои, а в онтологизации сократовского надиндивидуального, превращении его в мир необходимо истинных идей, гносеологически первичный по отношению к чувственности индивида. С именем Аристотеля связано изменение традиционных для античной философии каналов трансляции знаний. В Лицее Аристотеля знание формируется и функционирует внутри отлаженной системы совместной деятельности по его производству². Аристотель подходит к проблеме соотношения индивидуального и общезначимого в составе знания с позиций онтологии, утверждая, что общее существует в самих вещах и лишь выявляется в процессе их изучения. Так он закладывает онтологические основы сомнения в действительной ценности лишь надиндивидуального знания.³

В Средние века в схоластизированном учении Аристотеля проблема соотношения индивидуального и общезначимого в составе знания по существу снимается, т.к. господствовавшая церковная идеология не допускала возможности различных толкований его канонизированного учения. Но факт существования ересей говорит о том, что личностное знание продолжает функционировать и в этих условиях.

Классический рационализм 17-18 вв. эксплицировал образ истинного знания как системы всеобщих и необходимых суждений (главным образом естественнонаучных), выражающих сущность объекта познания. В соответствии со свойственной ему созерцательной гносеологической установкой, всеобщность и необходимость знания трактовалась как элиминация из его состава всех элементов субъективности, понимаемых как индивидуально-личностные и потому искажающие научную картину мира. Ф. Бэкон стремился построить логику научного открытия как форма-

лизованную систему, генерирующую новое знание независимо как от личностных характеристик, так и его социокультурного контекста.⁴

В современной буржуазной философии науки сходную позицию занимал К. Поппер, несмотря на ожесточенную критику им баконовского метода элиминативной индукции. Английский философ строго разграничивал процесс создания новой теории, нагруженный личностными характеристиками ученого, и ее логического обоснования, вынося первый за пределы собственно философской проблематики⁵. В более поздних работах он конструирует "эпистемологию без познающего субъекта", в которой личностные и социокультурные характеристики субъекта познания элиминированы.⁶

Критико-рационалистический образ науки К. Поппера начинает расшатывать основоположник исторического направления постпозитивизма М. Поланьи. По его убеждению, философско-гносеологическая рефлексия объективности научного знания приводит ко все большему осознанию присутствия социального субъекта в научной картине мира и индивидуального исследовательского почерка в научной теории. В концепции неявного знания он подчеркивает роль навыков как особой формы личностного знания, подлежащего трансляции с помощью невербальных средств коммуникации, как, например, в случае ремесленного знания. Но с переходом к индустриальной стадии производства личностное знание ремесленника трансформируется (хотя и не полностью) в производственные технологии. Функционирование ремесленных навыков в качестве особой формы личностного знания, таким образом, оказывается детерминированным уровнем развития общественного производства⁷. К аналогичным выводам в отношении к научно-исследовательской деятельности приходит английский социолог Г. Коллинз⁸.

В советской философии начало изучения личностных моментов научного творчества в их соотнесенности с социокультурным контекстом положило исследование Б.М. Гессеном социально-экономических корней механики Ньютона.⁹ В настоящее время в литературе распространена точка зрения, что научное знание со стороны своих результатов является обезличенным и имперсональным. Творческие аспекты научного поиска относят к лич-

ностным характеристикам субъекта познания. Такая модель познавательного процесса неполно отражает богатство современной социальной практики и оказывается слишком сильной идеализацией даже при рассмотрении технического знания. Процесс применения знания носит творческий характер, заставляя человека приспособлять общие положения, усвоенные в процессе обучения, к специфическим условиям места, времени, материала и орудий. Таким образом, диалектическое единство личного и социального моментов обнаруживается как при анализе индивидуальной творческой деятельности, детерминированной исторически обусловленными формами духовного производства, так и в общезначимых формах его использования, обусловленных сложившимися культурно-историческим способом потребления знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Тезтет, I6I⁶. — Соч., т. 2. М., 1970.
2. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980, с.369—371.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 326.
4. Бэкон Ф. Соч. в 2-х томах. М., 1971—1972, т. 2, с. 19.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 52.
6. Там же, с. 439—464.
7. Polanyi M. Personal Knowledge. Chicago, 1962, p.50—52.
8. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983, с. 130—131.
9. Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.—Л., 1933.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РЕЛИГИИ КАК НАДСТРОЕЧНОЙ ПОДСИСТЕМЫ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

Д.М. Угринович (Москва)

I. Социальная детерминация надстроечных явлений и систем есть общая закономерность их развития. Изучение механизма социальной детерминации надстройки требует решения ряда

методологических проблем. К ним, в частности, относятся: а) проблема опосредования воздействия экономических отношений на надстройку социальными, политическими и идеологическими факторами; б) соотношение различных элементов надстроечных подсистем (сознания, отношений, учреждений) в процессе социальной детерминации, т.е. "механизм" социальной детерминации надстройки.

2. Религия, будучи надстроечной подсистемой, всегда в конечном счете обусловлена существующими в докоммунистических общественных формациях экономическими отношениями. Однако детерминирующее воздействие экономики на религию носит сложный характер и опосредовано промежуточными звеньями — социальными, политическими и идеологическими факторами. Как указывал Ф. Энгельс, религия "всего дальше отстоит от материальной жизни и кажется наиболее чуждой ей".¹ Вне посредствующих звеньев нельзя правильно понять социальную детерминацию религиозных верований и культовых действий. К примеру, специфику многих политеистических религий древности можно понять, лишь учитывая узкие этнические рамки их функционирования. Будучи иллюзорным отражением условий жизни определенной народности, эти религии существовали и развивались только в рамках данной этнической общности. Гибель этноса означала и гибель данной религии. Не случайно Ф. Энгельс называл подобные религии "национальными".² Другой пример. И православие, и католицизм формировались в условиях феодальной формации. Однако различие социальных условий в Западной Европе и на территории Византийской империи обусловило некоторые особенности их идеологии и церковной организации. На фоне феодальной раздробленности Западной Европы церковь была единственной централизованной организацией. Отсюда — ее важная политическая роль, особое значение папства как высшего религиозного авторитета. Православие в Византии всегда подчинялось государству, императорской власти, которая вмешивалась нередко и в решение теологических споров. Отсюда и традиции прямого подчинения государству, перешедшие из Византии в Россию. Вообще наличие религиозных традиций было важным фактором, опосредствовавшим воздействие на религию экономических отношений. В настоящее время, например, некоторые ис-

ламские круги активно используют традиционную идею "джихада" (войны против неверных) для идеологического оформления своих социально-политических стремлений, причем социальная направленность этих стремлений может носить различный характер.

3. Объектом недавних дискуссий в религиоведении явилась проблема механизма социальной детерминации религиозной надстройки. Некоторые авторы высказывали мнение, что в системе религии определяющим элементом является религиозный культ ("религиозная практика"), что религиозные верования являются вторичным элементом, возникающим на основе культовых действий.³ С этой точкой зрения согласиться нельзя, исходя как из общих методологических соображений, так и в результате специального анализа соотношения религиозного сознания и культа. С позиций общей методологии следует заметить, что в системе любой надстройки (не только религиозной) социальная ее детерминация реализуется прежде всего через сознание. Так, к примеру, нравственные отношения между людьми не могут сформироваться, если не существует в сознании людей определенных представлений о добре и зле, о должном и не должном и т.п. Эта общая закономерность действует и в сфере религии. Что же касается специального анализа проблемы с позиций научного религиоведения, то следует подчеркнуть, что религиозный культ по своему содержанию всегда представляет собой реализацию религиозных верований через символические действия людей. Вне специфического идейного содержания, в них заложенного, религиозные обряды перестают быть религиозными. Например, сутью обряда крещения в христианстве является не сам факт погружения человека в воду (либо окропления водой), а те христианские идеи, образы и догматы, которые, с точки зрения церкви, воплощены в этом действии. Не следует путать культовую "практику" с практикой в обычном марксистском смысле. Культовая "практика" есть реализация религиозных верований в символических действиях людей. Определяющим элементом религиозного комплекса является религиозное сознание. Именно через религиозное сознание осуществляется социальная детерминация таких элементов религиозной надстройки, как культ и религиозные организации. Последние формируются на основе общности религиозных верований и культовых действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 313.
2. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 312.
3. См.: Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 367; Семенов Ю.И. О сущности религии. — Советская этнография, 1980, № 2, с. 56.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В.Т. Хорос (Москва)

1. Социальная детерминация революционного сознания, степень его адекватности реальному революционному процессу определяется многими условиями. Здесь действуют различные факторы — от глубинных, долговременных до ситуационных. Поэтому в каждом случае требуется конкретно-исторический подход, учет диалектики общего и особенного как в самих революционных событиях, так и в сознании их агентов.

2. Революционные изменения в зоне национально-освободительного движения, будучи составной частью мирового революционного процесса, обладают вместе с тем качественной спецификой. Дело не только в национальных задачах революционной борьбы в развивающихся странах. Своеобразие состоит также в соотношении объективных и субъективных факторов революции по сравнению с революциями предшествующих типов. Из последних можно выделить:

классические буржуазные революции первого эшелона капитализма (XVI–XVIII вв.), для которых характерна сравнительная зрелость как базисных, так и надстроечных (в том числе "сознательных") предпосылок;

буржуазно-демократические революции европейского региона (XIX в.), направленные либо на доделку классических буржуазных революций, либо на буржуазно-демократические преобразо-

вания в менее продвинутых странах континента (Германия, Италия и др.). В этом случае зрелость объективных формационных предпосылок продолжает оставаться достаточно высокой;

буржуазно-демократические революции в странах второго эшелона капитализма (середина XIX – начало XX вв.), где подготовленность объективных предпосылок революционных изменений значительно снижена, политика уже приобретает определенное первенство над экономикой и более значительна роль внешнего фактора;

социалистические революции, начинающиеся во втором эшелоне буржуазного развития, "слабом звене" мирового капитализма (Россия) и затем пробивающие себе дорогу как в странах первого и второго эшелонов мирового капитализма (Восточная Европа, Балканы), так и в некоторых странах третьего эшелона (Монголия, Куба, Вьетнам и др.). Объективная обусловленность этих революций несомненна, она связана не только с общим кризисом мирового капитализма, но и с необходимостью выхода из противоречий запоздалого буржуазного развития. Вместе с тем в социалистических революциях еще более ярко, чем в предшествующем типе, проявляется опережение надстроечных предпосылок по сравнению с базисными, а также возрастет роль внешнего фактора, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции.

3. Наконец, национально-освободительные и национально-демократические революции в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, образующие в XX в. особый блок политических революций. Их специфические черты предвидел еще В.И. Ленин. "Дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока, – писал он. – будут преподносить... несомненно, больше своеобразия, чем русская революция"¹.

4. Большинство развивающихся государств принадлежит к странам отсталого, "периферийного" капитализма. Им в особой степени присущи противоречия и диспропорции запоздалого буржуазного развития, проистекающие из империалистического угнетения, несостыкованности буржуазного, в значительной степени импортированного извне сектора и добуржуазных секторов,

наличия еще "неготовых" к модернизации традиционных или полутрадиционных социальных массивов. В этих странах к моменту их старта (да в значительной мере и после него) еще далеко не сформировались основные, формационные предпосылки для складывания капитализма — экономические, социальные, правовые, политические, культурные. Особенно заметно отставание предпосылок культурных, которые призваны обеспечивать формирование нового, нетрадиционного типа личности, ориентированной на изменение и прогресс.

С другой стороны, ситуация запоздалого буржуазного развития создает в обществе серьезные социальные коллизии, огромные массы обездоленного населения, проникнутого взрывоопасными, радикалистскими настроениями. Наконец, в зоне национально-освободительного движения особенно сильно воздействие внешнего фактора, примера развитых стран, в том числе мировой социалистической системы и международного коммунистического движения, что резко усиливает возникающие и сами по себе в ситуации зависимого, неэффективного капитализма антикапиталистические тенденции.

5. В итоге возникает несоответствие субъективного и объективного факторов революционного процесса в развивающихся странах, несовпадение с ним революционного сознания. Революционный авангард, беря на вооружение образцы передовой мысли, выработанные в развитых странах, прежде всего научный социализм, стремится к радикальным общественным переменам, — но для таких перемен еще не созрели объективные возможности. Налицо серьезные общественные противоречия, питающие порой даже массовые революционные настроения, — но нет достаточных условий для разрешения этих противоречий. С такими трудностями сталкиваются многие страны социалистической ориентации. С этим связаны и неудачи различного рода верхушечных или абортивных революций в Азии и Африке, обилие военных переворотов, мало что меняющих по сути дела или даже наоборот совершающих шаги назад, перерождение прогрессивных режимов, заходящих в социально-экономические тупики, феномен "реакционных революций" (наподобие иранской), наконец, постоянно сопровождающий процесс развития молодых государств разрыв между политическим авангардом и массами.

6. Несоответствие между революционным сознанием и революционным процессом, образующее одну из специфических черт революционной борьбы в зоне национально-освободительного движения, не является неразрешимым историческим противоречием. В свое время В.И. Ленин убедительно возражал Н. Суханову и другим доктринарам от марксизма: "Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, то почему... нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы"². Трезвый подход к действительности после овладения революционной властью, понимание того, что социалистические преобразования невозможны "сразу", без приготовления соответствующих предпосылок, обеспечения эффективного хозяйственного строительства, использования в определенной мере частного сектора, воспитания демократических навыков и пр. — вот что может и должно принести успех прогрессивным режимам в освободившихся государствах, углубить революционный процесс в зоне национально-освободительного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 378—379.
2. Там же, с. 381.

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ

В.Н. Шевченко (Москва)

Социальные аспекты познавательной деятельности в настоящее время все больше привлекают внимание исследователей. Успешно преодолеваются имевшие здесь место упрощенные представления, когда весь многовековой процесс познания человеком окружающей его действительности рассматривался главным образом лишь в аспекте поиска им научной истины. Вполне пра-

вомерно, по этой причине, в центр внимания выдвигались психологические и логические стороны познавательного процесса. Изучение же воздействия на него социальных факторов ограничивалось, как правило, констатацией самых общих положений.

В.И. Ленин в "Философских тетрадах" подчеркнул основополагающее значение общественной практики как критерия истины и цели теоретической, познавательной деятельности человека. "Человеческое понятие ... объективную истину познания "окончательно" ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится "для себя бытием" в смысле практики"¹. Известно, однако, что общественное сознание, совокупное знание, которым обладало общество на всех этапах его развития, предшествовавших социализму, не может быть охарактеризовано в целом как истинное (если имеется в виду научная истина). Общепринято говорить ныне о мифологическом типе общественного сознания и совокупного знания, а также о религиозном и отчужденно-фетишистском типах. Эти типы сознания и знания находили себе подтверждение, разумеется исторически преходящее, в общественной практике и обретали таким образом определенную значимость и полезность.

Теоретико-познавательная проблематика, как только она начинает рассматриваться в социально-историческом контексте, становится частью более широкого круга проблем, разрабатываемых марксистско-ленинской теорией социального отражения, поскольку все мыслительные формы человеческого разума и сознания (и ненаучные, иллюзорные, и научные) имеют отражательную природу. К сожалению, целый ряд фундаментальных положений теории социального отражения на сегодняшний день остаются все еще малоизученными, что в известной мере затрудняет дальнейшее продвижение философской науки вперед, по пути все более глубокого проникновения в сущность социально-исторической природы познавательной деятельности человека.

И. Элез в своей работе "Социальное заблуждение как отражение действительности в идеологии" верно сформулировал суть непреходящей заслуги К. Маркса в разработке теории социального отражения. К. Маркс показал, что "сознание при определенных исторических условиях отражает общественную действительность неправильно именно потому, что оно адекватно отра-

жает эти условия. Это отражение в каждую эпоху определяется той границей, которую устанавливает ступень развития материального производства, разделения труда и общественных отношений"². Иными словами, неправильное, иллюзорное отражение является адекватной формой ориентации, т.е. функционирования и развития любого конкретного общества как социального организма в тех материальных условиях, которые объективно требовали или требуют именно такого отражения.

С другой стороны, важно здесь подчеркнуть, "познавательное отношение человека к объекту познания складывается на основе идеологического отношения"³, поскольку стремление к получению нового знания всегда предполагает наличие определенной философской, мировоззренческой ориентации у субъекта познания. Философия же как форма общественного сознания есть прежде всего выражение и обоснование идейных устремлений того или иного класса.

Вот почему для понимания природы познания первостепенную важность всегда имело изучение диалектики взаимосвязи идеологической обусловленности процесса познания и отражательно-ориентировочной природы знания, его места и роли в функционировании и развитии социального организма. И нам представляется, что воздействие последнего аспекта на все механизмы познавательной деятельности является более глубоким и разносторонним, чем это обычно считается.

При более конкретном уровне анализа закономерно встает вопрос о неоднородности самого знания. Одна часть его оказывается практически значимой, полезной, способствующей тем самым и росту внимания со стороны общества к дальнейшему его развитию. Стремление к распространению и практической проверке другой части знания приводит к появлению трудностей и конфликтов в общественной жизни, к разного рода социальным потрясениям, имеющим в конечном счете классовую природу. В таких ситуациях определенные общественные силы сознательно стремятся к ограничению влияния на общество этой части знания, к вытеснению его в глубины "социальной памяти"⁴, и в частности, к изменению целевых установок, регулирующих ход познавательной деятельности субъекта познания. Интересно, что подобного рода отношение может иметь место как к знанию

об общественных явлениях, так и к знанию о природных событиях. Весьма характерным примером здесь выступает ситуация, описанная в романе Ч. Айтматова "Буранный полустанок", когда земная цивилизация ввиду непредсказуемости последствий для нее решительно отказывается от установления любого контакта с другой, более развитой цивилизацией.

Наконец, добывается и существует в обществе такое знание, которое можно назвать преждевременным. Будучи нейтральным по отношению к существующему уровню общественно-исторической практики данного общества, оно также вытесняется, хотя и по-другому, в глубинные пласты социальной памяти. В антагонистических обществах отношение к знаниям определялось и определяется прежде всего интересами правящих, эксплуататорских классов, что ведет к "забыванию" многих продуктов интеллектуальной, познавательной деятельности, а нередко и к их уничтожению.

В социалистическом обществе, которое впервые начинает развиваться планомерно на подлинно научной основе и в котором общественное сознание перестает носить извращенный, иллюзорный характер, процесс познания становится во всех его аспектах поиском истины. Истина есть "активное и творческое отражение, которое в существующем открывает направление и тенденции его развития, ставит его под вопрос. Понять истину как историческое единство действительного и возможного, взятое в идеальной форме, можно лишь на основе революционно-критической деятельности, в которой истина обнаруживает свою революционно-критическую сторону"⁵.

На современном этапе строительства нового общества становится все более настоятельной потребностью ускорение темпов роста научно-теоретического потенциала общества, а это ставит перед философской наукой новые, все более сложные задачи по изучению сущности и особенностей сегодняшнего уровня познавательной деятельности. Среди задач: роль философии, идейно-мировоззренческих принципов в структуре познания; механизмы функционирования знания в общества, вопросы его ценности, полезности, преждевременности и т.д.; проблемы организации "социальной памяти", поскольку постоянное переосмысление духовного наследия прошлого при достижении более высо-

кого уровня общественно-исторической практики есть условие прогрессивного развития социалистического общества; наконец, специфика всеобщего труда в сфере науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 193.
2. Сб. Диалектика и практика. М., 1984, с. 281.
3. Вербин А.И., Ковальзон М.Я. Философия и наука как социальные феномены. В сб.: Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М., 1980, с. 18.
4. См. подробнее: Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. — Вопросы философии, 1982, № 6.
5. Сб. Диалектика и практика, с. 59.

ДИАЛЕКТИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В.И. Шароградский (Ленинград)

Современные исследования детерминации познания раскрывают весьма многообразные типы этого вида отношений. Так, например, только в плане гносеологического анализа детерминации научного познания определяющее значение имеют, как показал Я.К. Ребане, по крайней мере три группы детерминирующих факторов: существующие знания, логико-категориальная структура мышления и принятая в данном обществе система ценностей. Нам представляется возможным установить диалектико-логические связи между основными типами детерминации (включая и вышеназванные) на основе определения их места в системе диалектико-материалистической философии.

Детерминирующие факторы как определенные основания и условия развития научного знания соответствуют историческому типу знания, его характеру (философское или специально-научное; общественное, естественное или техническое; математиче-

ское или эмпирическое), а также уровнем развития данной области исследования (эмпирическое, гипотетическое или теоретическое). В различных случаях комплексы различных детерминирующих факторов и их конкретные структуры могут быть самыми разнообразными. Чтобы понять это многообразие и активно работать с ним, необходимо иметь теорию детерминирующих факторов, в которой раскрывалась бы связь между основными из них как при исследовании исторического процесса развития знания, так и в процессе формирования логической структуры современной науки. Думается, что такая теория может быть создана только в связи с уяснением с и с т е м ы марксистско-ленинской философии, поскольку именно отношения между частями такой системы и являются наиболее существенными типами детерминационных отношений вообще.

Как известно, в марксистской литературе высказываются самые различные мнения о системе марксистско-ленинской философии, в том числе и такие, которые принципиально отрицают наличие и возможность формирования такой системы. С точки зрения докладчика, вопрос заключается не в том, имеет или нет диалектико-материалистическая философия системный характер, а в том, каковы ее основные части и отношения между ними. Позволим себе предложить следующее понимание основных частей марксистско-ленинской философии, диалектического материализма (с нашей точки зрения, это одно и то же).

Первая, фундаментальная часть — диалектико-материалистическая теория истории общества, включающая понимание природы как среды и фактора исторического процесса (исторической материализм).

Вторая часть — диалектико-материалистическая теория истории познания объективной реальности, т.е., говоря словами В.И. Ленина, "квинтэссенция истории философии и истории естествознания".

Третья часть — диалектико-материалистическая теория методов познания объективной реальности (диалектико-материалистическая методология, или диалектика как логика и теория познания материализма).

Четвертая часть — диалектико-материалистическая концепция природы вплоть до развития этой концепции до понимания

природы в широком смысле слова, включающем интерпретацию общественной истории как естественно-исторического процесса, т.е. возвращение к историческому материализму на новой, более высокой основе развития практики и познания (диалектика природы).

Несомненно, что вышеизложенное понимание системы диалектического материализма у многих вызовет возражения как в целом, так и в частях, не говоря уже о предлагаемых терминах и формулировках. Многие из таких возражений можно легко предвидеть, но в докладе нет возможности остановиться на них, поскольку они самым непосредственным образом связаны практически со всеми основными проблемами современной философской мысли.

Порядок изложения основных частей диалектико-материалистической философской системы основан на ее понимании как развивающейся, целостной и научной и потому предполагает связи между этими частями, причем их характер можно вполне определить как детерминирующий. Так, научная теория общества является необходимым условием для логико-теоретического анализа истории познания, истории развития теоретического мышления, поскольку последнее в реальной истории определяется рядом факторов социального развития. Диалектико-материалистическая методология не может быть развита вне предшествующей истории развития теоретического мышления, истории формирования категориальной структуры познания, и т.д.

Вышеизложенное представляет собой хотя и наиболее существенный, но лишь первый шаг к выяснению диалектики детерминирующих факторов. При последующем движении по этому пути следует иметь в виду, что способ исследования и способ изложения отличаются между собой, как писал К. Маркс в "Капитале"; если этого не учитывать, то сформировавшийся в процессе исследования метод может показаться при изложении априорной конструкцией. Чтобы этого не произошло, необходимо в любой детерминации видеть взаимодействие, что позволяет представить общую картину в более развитом, в более конкретном виде. Так, например, совершенно ясно, что формирование диалектико-материалистического естествознания зависит не только от наличия соответствующей методологии, но и от уровня раз-

вития специальных областей. В реальном формировании диалектического понимания природы находятся в определенном взаимодействии указанных аспектов. Таким образом, общесистемное определение детерминирующих факторов позволяет определить и ряд связанных с ними, но непосредственно не входящих в и з л о ж е н и е системы факторов.

И, наконец, диалектика общесистемных детерминаций позволяет развить во взаимосвязи с ними типы детерминаций, относящихся к отдельным частям системы. Так, например, предлагаемая система сразу же требует учета целой группы детерминирующих факторов социального характера (производство, политика, культура, среда и т.д.) во взаимосвязи между собой. А это, в свою очередь, требует, скажем, более конкретного исследования содержания различных общественно-экономических формаций. В итоге все это означает необходимость комплексного развития марксистско-ленинской философии и выдвижение этой проблемы на первый план в современных философских исследованиях.

СОДЕРЖАНИЕ

І. Секция

Общеметодологические проблемы социальной детерминации познания. Критика современной буржуазной философии

- Колеватов В.А. Средства познания как один из факторов его социальной детерминации.с.3.
- Батраков А.М. Диалектико-материалистический монизм как принцип социальной детерминации познания.с.6.
- Дегутис А. Интерсубъективность и концептуальное мышление.с.9.
- Дубровский Д.И.К вопросу о допроблемной и предпроблемной ситуациях в научном познании.с.12.
- Евстифеева Е.А.Феномен веры как фактор познавательной деятельности.с.15.
- Емельянов Б.В. Социальная детерминация познания как историко-философская проблема.с.19.
- Ефимова И.Н., Коршунова Л.С. Деятельная природа познания.с.21.
- Кармин А.С., Гусева Е.А. Социальная детерминация и прогнозирование научно-технического прогресса.с.24.
- Микешина Л.А. О формах логико-методологической рефлексии социальной детерминации познания. ...с.27.
- Михайлов А.А. Проблема практической обусловленности познания в современной философской герменевтике.с.31.
- Павилёнис Р.И. О муках познания и счистье незнания.с.34.
- Пахомов Б.Я., Семенова Н.В. Жизненная позиция исследователя и осваиваемая им методология познания.с.37.
- Семенюк Э.П. Информационные каналы социальной детерминации познания.с.40.
- Сергина М.Ф., Смагин Б.А. К вопросу о типологии социальной детерминации познания.с.44.

- Трубенко А.И. Эволюция детерминации общественным сознанием индивидуального сознания.с.47.
- Ужогов А.В. Спор эпохи о языке в ряду воздействующих факторов на философию.....с.50.

II. С е к ц и я

Социальная детерминация развития науки (естествознания)

- Алексеев И.С.. О типах и механизмах социальной детерминации познания.с.54.
- Алешин А.И. Методологическое сознание и социальная детерминация познания.с.57.
- Бляхер Е.Д., Волынская Л.М. Научная картина мира и социокультурная детерминация развития естествознания.с.60.
- Бурган М.С., Кузнецов В.И. Многоуровневость социальной детерминации развития систем научного знания.с.63.
- Вихалемм Р.А. Социальная детерминация и рациональная реконструкция истории науки.с.67.
- Карпинская Р.С. Гуманизация биологии и научно-исследовательские программы.с.71.
- Келле В.Ж. Детерминация науки: к вопросу о типологии связей науки и производства.с.74.
- Кивистик Я.Л. Некоторые общие соображения по поводу проблемы куммулятивности развития научного знания.с.77.
- Косарева Л.М. Социальные предпосылки генезиса научной картины мира.с.80.
- Кравец А.С. Интеллектуальные традиции и возникновение науки.с.83.
- Кузман К.Д. Проблемы управления биосферой и социальная детерминация интеграции естественных и общественных наук.с.87.

Кузнецова Н.И.	Социальный эксперимент Петра I и становление науки в России.....	с.90.
Латыпов Н.Н.	К вопросу и социокультурной детерминации математизации науки.	с.93.
Мамчур Е.А.	К вопросу о границах социологического подхода к анализу научного знания.	с.97.
Мещерякова Н.А.	Единство аксиологии и методологии в развитии естествознания.	с.98.
Мирская Е.З.	О латентной социальной детерминации в научном познании.	с.102.
Никифоров И.В., Соловей О.А.	Идеал как фактор социальной детерминации новаций в метематизированном естествознании.	с.106.
Печенкин А.А.	Объективная истина в структуре науки как общественно-исторического явления.	с.109.
Подлишевский О.А.	К определению природы социокультурной детерминации естественнаучного познания.	с.111.
Порус В.Н.	Социальная детерминация и "многомерный" образ науки.	с.113.
Раукас М.	Социальная детерминация познания и развитие математического познания.	с.117.
Розов М.А.	О механизмах социальной детерминации науки.	с.120.
Степин В.С.	Философские основания науки и их социокультурная детерминация.	с.123.
Сутт Т.Я.	Проблема "человек - природа" в естествонаучной картине мира.	с.126.
Сычева Л.С.	Научные традиции как проявление социальной детерминации познания.	с.129.
Уйбо А.С.	Структура научной теории: универсальная модель.	с.132.
Шоркин А.Д.	Социальное в системе факторов развития науки.	с.136.
Юдин Б.Г.	О некоторых предпосылках возникновения релятивистской социологии науки.	с.140.

III. С е к ц и я

Социальная детерминация гуманитарного знания

- Абрамов М.А. Становление теоретического мышления и социальные институты классической Древней Греции. с.143.
- Абрамова Н.Т. Принцип монизма и социальное познание....с.145.
- Бегиашвили А.Ф. Развитие духовной культуры, социальная детерминация и активность личности.с.149.
- Воробьев А.Я. К критике "исторического разума" Вильгельмом фон Гумбольдтом.с.151.
- Горский Д.П. Различные формы социальной и социально - психологической детерминации познания....с.155.
- Грауберг Э.Э. Проблема начала познания и диалектика знания-мнения.с.158.
- Грязин И.Н. О конкуренции прагматико-позитивистского и естественно-правового мышления.с.160.
- Гутнин А.М. Социальная детерминация познания исторических закономерностей.с.164.
- Кизима В.В. Роль институционализации в развитии знания.с.167.
- Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Ценность и оценка в историческом познании.с.171.
- Магомедов Н.Г. Уровни социальной детерминации обществознания.с.174.
- Несавас А.И. Новые перспективы в западной социологии знания.с.177.
- Макарова Н.Н. Исторический факт как форма передачи исторического опыта.с.180.
- Порк А.А. Концепция социальной памяти и проблема контрпримеров в историческом объяснении.с.183.
- Розин Э.Л. Социально-классовый и гносеологический аспекты познания истории политических учений.с. 186.

- Тауринь Г.К. Социальная детерминация философского познания.с.189.
- Скиданова В.А., Сумарокова Л.Н. К проблеме социальной обусловленности научного описания (на материале археологии).с.191.
- Федотова В.Г. Специфика социальной обусловленности об-ществознания.с.195.
- Цофнас А.Ю. Социальная обусловленность понимания. ..с.198.
- Цурина И.В. Проблема социального познания в экзистен-циальной феноменологии Джона Уайлда.с.201.

ІУ. С е к ц и я

Социальная детерминация духовной культуры

- Ахиезер А.С. Движущие силы воспроизводства культуры и познания.с.205.
- Губман Б.Л. О социальной обусловленности посткласси-ческой буржуазной философии культуры. ..с.208.
- Зябен В.В. Об основных детерминантах теоретико-по-знавательной концепции Хр.Вольфа.с.211.
- Зуев Ю.И., Секундант С.Г. Социальная детерминация суб-стратной категориальной парадигмы.с.214.
- Горский В.С. История как фактор, детерминирующий раз-витие духовной культуры.с.218.
- Ермакова А.В. Социальные детерминанты эволюции науки об организации труда в условиях современ-ного капитализма.с.221.
- Исаев И.А. Социальная детерминированность утопии...с.224.
- Киллак Т.Й. О познавательном статусе мировоззрения в работах К.Маркса и Ф.Энгельса.с.228.
- Кельнер М.С. О взаимодействии социогуманитарного и ес-тественнонаучного знания и проблема чело-века.с.231.
- Каннике С.Х. Некоторые аспекты социальной детермина-ции революционного правосознания.с.234.
- Калинников Л.А. Духовная культура и проблемы ее де-терминации.с.237.

Криштопайтис И.Б. Антропогенная форма материальной действительности: ее активное проявление в социуме.	с.241.
Киселева О.А., Яценко В.Г. Некоторые аспекты социокультурной детерминации.	с.244.
Лосева И.Н. Проблемы генезиса философии как регулятора духовного производства.	с.247.
Матьюс Ю.И. Понимание Э.Гуссерлем проблемы бытия в изложении учения о категориальном созерцании.	с.250.
Маркарян Э.С. Опыт культурологического анализа научного развития.	с.253.
Мельвиль Ю.К. Социоцентристская тенденция в буржуазной философии XX века.	с.257.
Мишаткина Т.В. Социальная детерминация творческой активности специалиста.	с.261.
Мурейка Ю.В. Детерминация развития марксистской эстетики.	с.263.
Пезл Л.Ю. Методологические проблемы информационного обслуживания в области гуманитарных наук.	с.266.
Попова И.М., Курчиков Л.Н. О гносеологическом и социологическом подходах к проблеме понимания.	с.270.
Причепий Е.Н. Основные варианты буржуазной социологии знания.	с.273.
Смирнова Н.М. Социально-культурная детерминация личностного знания как историко-философская проблема.	с.276.
Угринович Д.М. Социальная детерминация религии как надстроечной подсистемы (методологические проблемы).	с.279.
Хорос В.Г. Революционный процесс и революционное сознание в развивающихся странах.	с.282.
Шевченко В.Н. Общественно-историческая природа социального отражения.	с.285.
Шароградский В.И. Диалектика детерминации познания в системе марксистско-ленинской философии.	с.289.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ.
Тезисы докладов научной конференции 19-20 сентября 1985 г.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
СССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор В.В. Зибен.
Подписано к печати 22.07.1985.
МВ 07067.
Формат 60х84/16.
Бумага ротаторная.
Машинопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 17,44.
Учетно-издательских листов 16,88. Печатных листов 18,75.
Тираж 400.
Заказ № 715.
Бесплатно.
Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

Бесплатно